

У Р А Л Ь С К И Й № (573), 2005
Снегоступ
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

КАРТ:

**ОБРЕЧЕННЫЕ
ВЫЖИТЬ**

**КОГДА
УЙМЕТСЯ
ПУРГА**

**ФРИРАЙД
НА СКЛОНАХ
КОНЖАКА**

ИГРЫ ПАТРИОТОВ

Маршруты Уральского следопыта

С 1989 года загадочная «Зона», или «М-ский треугольник», названный так с легкой руки журналиста Павла Мухортова, будоражит умы многих людей. Как проявляет себя «Зона» в наши дни? По-прежнему ли там наблюдают «пришельцев» и посадки НЛО?

Читайте статью Максима ШИШИКИНА.

Змеиная горка.

Пирамида.

Таинственные
знаки...

Поломанные на высоте 3-4 метров «как спички», расщепленные «неведомой силой» и скрученные деревья расположены веером к эпицентру. Однако в наши дни вряд ли можно оценить по достоинству силу стихии, повалившей эти деревья: среди молодой поросли их уже не видно.

Главный редактор Максим Фирсов
Редакторы разделов Юний Горбунов, Александр Челноков, Андрей Наседкин, Денис Порубов
Художественный редактор, верстка Юлия Ульянова Художник
Ирина Овсянникова фото 1 пол. обложки
Евгений Тамплон Набор
Валентина Кадочникова Корректор
Юрий Виноградов Учредитель:
Общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»
Издатель: ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
Редакционный совет: Владислав Крапивин Сергей Казанцев Борис Стругацкий Геннадий Прашкевич Олег Поскребышев Юрий Казарин Станислав Мешавкин Нина Ягодинцева
Наблюдательный совет Евгений Виноградский м.с.м.к., «Снежный Барс» Евгений Савенко чл. Союза фотохудожников России Семен Спектор заслуженный врач России
издано при поддержке министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области
Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г. Министерством печати и массовой информации РСФСР.
ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28-30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD). Рукописи не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле TEMA.
Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. (343) 257-36-62 Подписано к печати 15.01.2005 года. Формат бумаги: 84x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в типографии
© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: uralstalker@sky.ru
info@uralstalker.ru
www.uralstalker.ru

РЕКА ВРЕМЕНИ

<u>Заочная экспедиция</u> В.ШУМКОВ	Как я учился «читать» невидимое ... 2
<u>Юбилей</u> О.ГАФНЕР Л.ГОРОДЕЧНАЯ	Мирные тралы «Станкомаша» 7
<u>Портреты</u> А.КОЗЫРЕВ	Отечество юнкера Ксенофонта 24
<u>Ишимские хроники</u> О.ОЖИГБЕСОВА	Матушка Александра.....38
<u>Человек и природа</u> В.ТРУСОВ	Кристалл «Малютка» 43
<u>Клуб собирателей</u> А.МАКУРИН	Налоговая полиция: след в фалеристике 52
<u>Версия</u> А.ЛЕОНОВ С.БАННЫХ	Каспийотида 60
<u>Музей фотографии</u> О.ШАБАРШИНА	Слева - здание «Обжорного ряда» ... 69
<u>Очерк</u> Н.ШАМСУТДИНОВ	Человек из глубинки..... 79
АЗИТА	
<u>Современная поэзия Урала</u> Н.НУРКЕНОВА	Стихи 6
<u>Притча</u> В.СУЧКОВ	Пастырь и ренегат 11
<u>Дебют</u> Е.РЕЗНИКОВА	Рассказы 33
<u>Современная поэзия</u> Е.СЕРЕБРЯКОВ В.ОХОТНИКОВА	Стихи 35 Стихи 84
<u>Современная проза Урала</u> С.РУСИНОВ В.ДАНИЛОВА	Обреченные 44 Жизнь, она такая короткая... 70
<u>Фантастика</u> К.СУХИХ	Счастливый билет 63
ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР	
<u>Наши увлечения</u> А.НАСЕДКИН К.КУЗНЕЦОВ	Игры патриотов 17 Дикий спуск по бесплатным склонам 74
<u>Проекты «Уральского следопыта»</u> ФОТОКОНКУРС 18
<u>Человек в экстремале</u> Д.ПОРУБОВ	Фрирайд 20
<u>Записки очевидца</u> М.ШИШКИН Е.КОРБУТ	М-ский треугольник: загадки остаются .. 26 Полярный Урал: начало 54
<u>Советы специалиста</u> Групповое снаряжение в лыжном походе 58	
<u>История уральского туризма</u> Л.БУКРИН	Поход до... и после... 66
<u>Уральские тропы</u> О.МАРУЩЕНКО	Лыжные походы по водным маршрутам 86

СТРАНА ПЕЩЕР

Несколько лет назад одна организация, а именно Просветительский союз молодежи г. Ревды проводил крупную конференцию, на которой была богато представлена краеведческая тема. Открывал конференцию челябинец Саша Гутков с интереснейшим докладом, посвященным археологии Южного Зауралья. Из уст Гуткова я услышал тогда впервые слова «Сикияз-Тамак». Саша поставил этот археологический памятник в один ряд с Аркаимом, а также с самым северным из известных науке укрепленных поселений Евразии – городищем Амня-1, расположенным на территории Тюменской области.

Обнаружение каждого из этих памятников стало сенсацией в археологии последнего времени (Аркаим был обнаружен в 1987 году, а остальные – позже).

Прочитав подаренный Сашей буклет, я узнал, что пещеры Сикияз-Тамака находятся сравнительно недалеко наших мест и к тому же расположены на популярном туристском маршруте – реке Ай. Прилегающие к Ай горы и долины Южноуралья наводнены достопримечательностями, но Сикияз-Тамаку, по ряду параметров, здесь нет равных.

От Гуткова я также впервые услышал фамилию «Юрин». Речь шла о человеке, с именем которого связывается история открытия и исследования уникального скопления пещер – жилищ древних обитателей Южного Урала.

Прошедшей весной мне удалось встретиться с этим археологом и в подробностях узнать о его находках и открытиях, сделанных на Южном Урале. Итак, май 2004 года, Челябинский областной краеведческий музей, интервью с Владимиром Ивановичем Юриным.

Как я учился «читать» невидимое

В.Ш. Когда и где Вы родились?

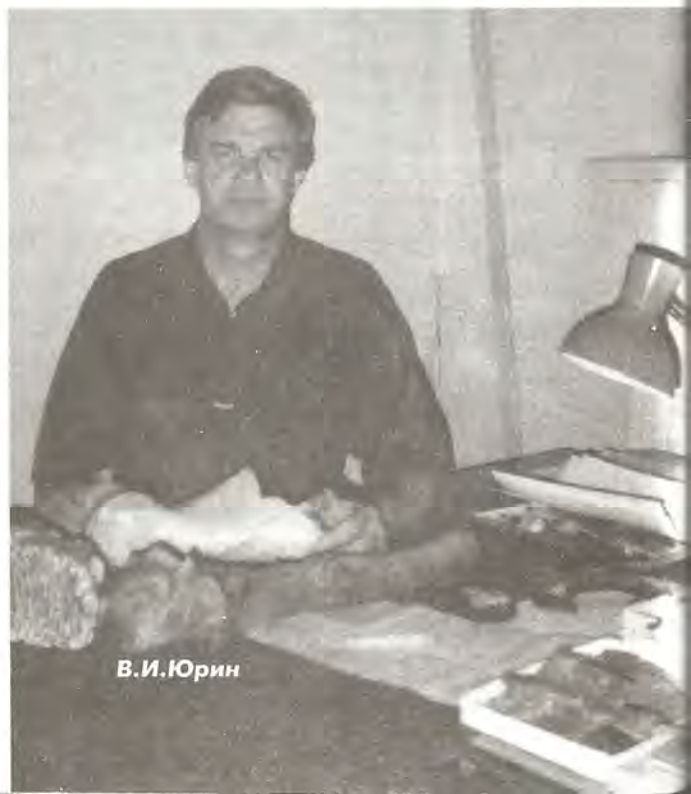
В.Ю. Я родился 25 февраля 1956 года в селе Канаши Красноармейского района Челябинской области, а в конце этого же года родители переехали жить в село Еманжелинку Еткульского района, где я и закончил десятилетку.

В.Ш. Кем были Ваши родители?

В.Ю. Отец у меня фронтовик, участник войны, Заслуженный агроном Российской Федерации, то есть высшее образование имел, заведовал государственным сортоиспытательным участком, а мама – педагог, тоже имела диплом агронома и в школе преподавала биологию и химию.

В.Ш. Каким был Ваш путь в пещерную археологию?

В.Ю. Еще в школьные годы меня интересовала природа, история родного края, я часто ходил в походы – с классом и по туристическим путевкам.

В. И. Юрин

Увлечение туризмом, любовь к природе, к истории края постоянно задевало за душу. Отец водил каждый выходной (или ездили на лошади).

Я постоянно удивлялся, почему у нас храмы разрушены, эти красивые каменные сооружения; почему у нас озера заросшие какие-то по берегам? Еще в детстве постоянно задумывался над этим. Пещерами увлекся также с детства, когда впервые в 1968 году ходили с учителями в поход, посетили первую мою пещеру – это Сугомакская под городом Кыштымом. Это меня задело, зацепило за живое. Стал литературу читать, знакомиться и сразу понял, что пещеры – это целая жизнь, страсть, что эти объекты могут быть уникальными как в природном, так и в историческом плане. Тем более, у нас с пещерами связано много всяких легенд, чудес, тайн, каких-то опасностей, и это всегда привлекает в первую очередь молодых людей.

Первая моя экспедиция была под руководством археолога Чемякина из Екатеринбурга, кстати, из Уральского университета. Они как раз проводили раскопки неподалеку от моего села, за деревней Сары на озере Сары, раскапывали поселения эпохи бронзы. Я приезжал туда на велосипеде и участвовал в раскопках, то есть помогал разбирать бровки. Как я помню, это был 1974 год. Это мои первые раскопки под руководством ученых.

В.Ш. То есть увлечение пещерами предшествовало занятиям археологией и прочим?

В.Ю. Да, пещеры увлекли меня прежде всего. Но еще с 5 класса, с изучения школьного курса древней истории, я попал к хорошему преподавателю, он меня увлек, и мне захотелось быть археологом. Я понял еще в детстве, что мой организм требует что-то искать, и прикидывал, что мне, видимо, надо быть геологом, археологом или работать в уголовном розыске.

И еще. Мне довелось увидеть уникальный природный процесс, который, возможно, видели и на всей-то планете несколько человек. Я в школьные годы один путешествовал в пределах 5-6 километров от своего села Еманжелинки. Как-то раз проходил я краем небольшой ямы, оставшейся от бывшего песчаного карьера, который находится между селом и поселком Зауральский. Была весна, апрель месяц. Карьер был уже рекультивирован, выровнен, как чаша был, заполнился водой весенней.

Я шел по бережку, зная, что там можно найти какие-то камешки, что какие-то кости, может быть, попадутся... Вдруг тут же, с берега искусственного весеннего водоема, карьера бывшего, увидел, что вода вдруг стала исчезать – рядом со мной закрутилась, начала уходить под землю, все закрутилось... Я не то что испугался – удивился: как так – на ровном месте, просто в карьере – и вдруг водоворот. Я давай еще палку совать, обхожу аккуратно, чтобы не засосало. Жердь, наверное, метра три выломал. Я потом бросил ее, она там и осталась крутиться.

Я тогда не знал, что за явление увидел. Лишь будучи взрослым, понял, что столкнулся с уникальнейшим явлением карста.

Дело в том, что на той территории, где я был, находится погребенный карст. То есть на глубине нескольких метров – может до 10-12 метров, находятся известняки – остатки окаменевшего морского дна древнего Уральского океана. Десятки миллионов лет назад на этой территории образовались огромные карстовые площади, на которых были и поля карстовые, с огромными воронками, с системами подземных ходов, пещерами. Но за прошедшие века все это закрылось, сверху вырос слой глины, песка, а потом и плодородный почвенный слой.

И (по моему мнению) что же произошло в тот день?.. Вот этот балласт, образовавшийся за последние 5–10 миллионов лет, выросший на этом скальном, известняковом основании, он был вскрыт ковшами экскаваторов. Песок, глина были вывезены. И до этих пустот, даже до известняка, ковши не дошли, может быть, 1,5–2 метра всего. А так как у нас зимой грунт промерзает до глубины 1,5-2 метра (при строительстве фундамента заглубляют на 1,8 метра), то, по всей видимости, грунт промерз, образовались трещины, и весной талая вода в них проникла.

Если бы не было трещин (замерзших трещин), то не было бы и щелей. Вода просто стояла бы, испарялась, никуда бы не уходила. А в некоторых, кстати, карьерах она там стоит и круглый год. А тут оказалось, что земля еще не отогрелась, то есть мерзлотные трещины еще не разрушились. Вода, видимо, быстро заполнила эту емкость, попала в трещины и просочилась в эти закрытые подземные полости, которые закрылись порядка 3 – 10 миллионов, а может быть, и десятки миллионов лет назад.

И я в эту минуту появился в том месте, где вода прорвала себе в пустоту древнейшую ход и начала уходить. Я именно там оказался. Это же явление редчайшее, представляете?

Тут я понял, что да, это надо изучать, это интересно, тем более, с кем бы из учителей я ни разговаривал, никто не мог мне ответить, никто не понимал, что это такое. Это было в 1970 году, я учился в 8 классе.

Я приходил туда и в последующие годы, но этого не было, то есть, видимо, когда емкость открылась, нанесло туда палок, глины, земли – и она закупорилась. Сейчас я даже не могу вспомнить, в каком из имеющихся там бывших карьеров я это видел – там несколько таких мест под городом Еманжелинском.

В.Ш. Как в дальнейшем сложилась ваша жизнь?

В.Ю. Судьба распорядилась так, что я попал в армию, закончил военное училище, 20 лет отдал Вооруженным Силам. Но, вместе с тем, все эти годы, во всех отпусках, во всех командировках (а я практически объехал весь Советский Союз) я по-

Ю.П.Чемякин (слева) за расчисткой погребенного в колодце на поселении бронзового века Мирный IV (юг Челябинской области, 1970 г.).

сещал краеведческие музеи во всех городах, где бывал.

Осмотрел более полусотни краеведческих исторических музеев, в первую очередь областного уровня, знакомился с историей, природой края, старался по возможности ходить в походы. Я даже несколько раз, еще когда служил на Камчатке, делал восхождения на вулканы: на Козельский вулкан, на Авачинский, несколько раз поднимался на другие вершины (даже зимой) на Камчатке. Купался в горячих источниках (также – в Тихом океане, Японском море, в Уссури, Шилке, Байкале...). Много путешествовал в Хабаровском крае, в Приморском – в одиночку и вдвоем с товарищем.

Последние 12 лет службы у меня прошли на Западной Украине. Там я, конечно, связался напрямую с археологами и участвовал (в течение тех лет, пока там жил) в археологических раскопках на территории 10 областей Украины. В основном, в раскопках древнерусских городов, с ведущими специалистами-археологами. Это были доктор исторических наук Игорь Кириллович Свешников (умер в 1995 году), а также кандидаты наук из Ровно и Киева – Богдан Звездецкий и Богдан Прищепя. Они руководили экспедициями, и я с ними работал.

Участвовал также в раскопках поселений Эпохи бронзы, а со Свешниковым мне довелось несколько раз участвовать в раскопках на месте битвы, которая произошла в 17 веке, в которой участвовали и украинцы, и поляки (это было самое крупное сражение века). На польской стороне в

новых пещерных памятниках археологии. И вот там я начал нарабатывать методики, которыми владею. Я так предполагаю, что я могу «читать» невидимые, «погребенные» пещеры. На Урале вот так, как я, никто, скорей всего, не может. Есть спелеологи, которые многими моментами владеют, некоторые археологи, которые участвовали в раскопках в пещерах, но конкретно, вот так как я занимаюсь поиском пещер, особенно вот этих «невидимых», – никто не занимается на Урале.

Вот там я нарабатывал эти методики. То есть определял место (будет или не будет пещера) и – копал. Находил или не находил, анализировал ситуацию. И вот на одном месте доктора геологических, исторических наук не поверили, что здесь может быть пещера, – ничего нет, а я «читаю». Я через час позвал их, вскрыл вход, говорю: «Залезайте, смотрите». Новый объект оказался гротом. Возможно, если дальше копать, он будет и пещерой, «удлинится», но при мне был гротом, погребенным под потолок. Когда мы провели раскопки (первые разведывательные в этом гроте), то обнаружили – впервые на материковой части Украины – следы неандертальцев: каменные орудия труда, очаг, кости бизона, носорога вокруг кострища. Оказалось, что это объект, подобного которому ни разу не находили ни в одной области Украины, кроме Крыма.

Киев тогда дал датировку находки – 45 тысяч – плюс-минус 600 лет. И что интересно, он оказался погребенным на глубине не более полутора метров, то есть неглубоко расположен был.

битве участвовал хан Гирей, страшное побоище было, украинцы проиграли, много народу погибло. Украинцами руководил Богдан Хмельницкий, а само сражение происходило под Берестечком. Знаменитейшее сражение. На раскопках мы оружие находили, скелеты...

Затем (следующее направление) в 1992 году я познакомился с ведущим специалистом по каменному веку на Украине доктором исторических наук Леонидом Георгиевичем Мацкевым. Одним из его направлений были раскопки в пещерах. Так я в 1992 году связался конкретно с пещерной археологией. Мне под его руководством удалось поработать три года. Осмотреть более 300 пещер на Западной Украине – в Ивано-Франковской, Львовской, Тернопольской областях и открыть более 30

В.Ш.: Как называется пещера ?

В.Ю. Пещеру называли «Прима-1, верхний ярус». Находится в сухом логоу, в левом притоке реки Днестра Львовской области, это Прикарпатье. Когда-то в этом логоу была вода, там даже есть плотины. Может быть, древнерусские даже. В настоящее время вода не течет, потому что там есть выше по логоу карьеры, а где камень добывают – родники исчезают. Само название пещеры дано по расположенной рядом деревне Прима.

Доктор наук Мацкевый как бы заложил в меня острое желание проводить исследования в пещерах, тем более, что я их полюбил с детства.

В.Ш. Ваша военная специальность?

В.Ю. Я был инженер-автомобилист, прошел все ступени, до помощника начальника автомобильной службы дивизии, и последние 6 лет преподавал в Львовском политехническом университете военные науки на военной кафедре, будучи в звании подполковника.

В.Ш. То есть Вы закончили Челябинское...

В.Ю. ...высшее военное автомобильное командное училище. Да. Вообще я так планировал свою жизнь построить: поехать в Крым жить, служить в Крыму. Там огромное количество пещер, уникаль-

ных древностей, всего там... Ну, то есть, как сказка. А про уральские пещеры информации тогда было мало. Лишь где-то что-то среди ученых... Кроме Каповой пещеры, никто ничего и не знал. Не представляли, что такая солидная есть у нас древность с живописью. А Крым был на слуху.

Но, так как Советский Союз развалился, там пошли разговоры, что видимо в Крыму будет очень плохо. (В ближайшие 10 лет мы еще об этом услышим). Поэтому я понял, что туда ехать нельзя, и принял решение ехать на родину, на Южный Урал. Я начал первую свою экспедицию в апреле 1995 года.

За первый же год работы мне удалось обнаружить и осмотреть (из того, что я смотрел) 90 процентов новых пещер. Небольшие, конечно, но они не были учтены, так как учет таких пещер никто не вел.

И в первый же год под моим руководством был открыт Сикияз-Тамакский пещерный комплекс – огромный пещерный город, подобного которому не только на Урале, но и в России, а может быть, и на планете, нет. За три года мы там обнаружили на участке длиной 425 метров 42 пещеры и грота. Из них, на данный день, уже в 14 пещерах обнаружены археологические материалы всех исторических эпох, какие только существовали на Урале. И еще примерно в 5-6 пещерах будет, если копать.

(Продолжение следует.)

Группа экскурсантов у входа в пещеру «Сквозная-Сикияз-Тамакская». Справа пещеры «Чердачные».

* * *

А мне уже нисколько не жаль,
Что мы с тобой тугие параллели,
И нашу лодку, мчащуюся в даль,
Невидимые смерчи завертели.
Подняли в небо – и с размаха вниз!
Земля... удар... Я собираю щепки.
Что наши встречи? Мой дурной каприз!
И в спину взгляд – пронзительный и цепкий.
Я снова слышу рёв морских пучин
И трепет сердца, и твоё терзанье,
Но ни любовь, ни тысяча причин
Не смогут разорвать моё молчанье.

Рассвет

(сонет)

Бессонна ночь, и мыслей рой кружится.
Как чуда, жду рассвет, и он придет.
На землю нежно лунный свет ложится
И женский голос тихий песнь поет.
А может, голос юной девы снится,
А ночь мутит рассудок, страх несет,
А милый город к краю бездны мчится,
Готовя время в свой стремительный полет?!
Мой взгляд печальный – в даль, за горизонт.
А там уж утро раскрывает пестрый зонт
И зажигает звезды желтым, красным, синим,
И свежий ветер тянет шелковый рассвет.
Так было и так будет сотни лет.
И козни ночи перед ним уже бессильны.

Ожидание

В ожидании чуда небесного,
В ожидании Дара Божьего
Заливаюсь весенней песней я:
Нет запретов и нет невозможного.
Люди радуются урожаю,
Золотым колосьям пшеницы,
И еще, когда бабы рожают,
И еще, когда радуга снится.
Вот и я – как цветущее поле:
И поет, и трепещет душа
В ожидании женской доли,
В ожидании малыша.

Лето

У лета песни очень звонкие
И ночи, словно сны, манящие,
А пальчики такие тонкие –
Лучи, от солнца восходящие...
У лета мысли полупьяные,
А губы сладкие и нежные...
Как жаль, что стужа окающая
Пронзит его стрелой небрежною,

* * *

Берёзовый рай,
Когда тоска и кручина,
Когда тоска до небес,
Не выясняя причины,
Бегу я в свой дивный лес.
И он разбивает чары
И грусть разбивает мою.
Освобождаюсь от кары,
Я тихо о счастье пою,
О том, как прекрасно поле,
Одетое в пёстрый шифон.
О том, как легко на воле
Приходит безоблачный сон.
О том, как ромашечка нежно
Мне дышит в ладонь: «Погадай!»
Красив ты, зелёный и снежный,
Мой милый берёзовый рай!

* * *

Всё пишу и пишу в никуда.
Всё пишу, истребляя чернила.
И не день, и не ночь, а года
Я над белой бумагой скулила.
Сколько писем ушло в темноту!
Видно мне не дожждаться ответа.
Только слабое эхо: «Ау!»,
Да надежды полосочка света.

* * *

Я – берёзонька белая.
Не клони меня, ветер, к земле,
Не ломай мои тонкие ветки;
На моём огрубевшем стволе
Жизнь и так уж наставила метки.
Ах, как больно сдирают кору
Озверевшие грубые пальцы...
Жжет морозец зимой поутру
Или треплют голодные зайцы.

* * *

Заколдованный замок,
Золотистый закат.
Здесь забытые звонцы
Заунывно звенят.
Запоёт и залает,
Закричит злоущий зверь,
Заскрипят все затворы,
Задрожит в замке дверь.
Заколдованный знахарь
Запоёт на зоре,
И взъерошенный заяц
Зашуршит во дворе.

Ольга ГАФНЕР,
Любовь ГОРОДЕЧНАЯ

Мирные тралы «Станкомаша»

16 мая 1935 года стало датой рождения Челябинского акционерного общества ФНПЦ «Станкомаш», но история завода стартовала значительно раньше.

Строительство началось в далеком 1931 году. Страна воплощала в жизнь идею создания мощной индустриальной базы на востоке. В числе ударных строек был и завод крупного станкостроения в Челябинске. Возглавил строительство опытный организатор Михаил Иванович Калитов.

Станкозавод начинался с маленькой слесарной мастерской в центре Челябинска. Кузнечный горн, верстак, небольшой набор инструментов – вот и все ее оборудование. Коллектив работал по заказам строителей, придумывая и изготавливая необходимые приспособления. Стройка велась практически голыми руками рабочих, но с энтузиазмом. Приходилось следить за тем, чтобы строители не довели себя до изнеможения, даже принудительно отправлять их домой на отдых.

В 1934 году директором строящегося завода стал талантливый руководитель и инженер И.А.Каттель. По его инициативе в Челябинске впервые была применена технология строительства промышленных зданий из сборных железобетонных конструкций. Стройка пошла вперед быстрыми темпами.

Прошло 4 года, и 16 мая 1935-го первенец крупного станкостроения на Урале выдал готовую продукцию и приказом наркома тяжелой промышленности был включен в строй действующих. Основной продукцией завода в то время были универсальные токарно-винторезные станки и станки специального назначения. Первой была партия токарно-винторезных станков СО-1, предназначенных для точных инструментальных работ. Затем освоили выпуск более крупных станков 1Д-64, 1С-62 (токарно-винторезных) и 1А-43 (токарно-отрезных).

Великая Отечественная война изменила мирный

профиль завода. Его уникальные производственные мощности, удобное географическое расположение способствовали тому, что именно сюда, на завод имени Серго Орджоникидзе, были эвакуированы предприятия из Москвы, Ленинграда (Ижорский завод), Сталинграда (завод «Баррикады»), Харькова, Донецка, Николаева и других городов фронтовой зоны. Шли эшелоны с оборудованием. По направлению военкоматов и добровольцами трудового фронта ехали со всех концов страны высококвалифицированные специалисты, молодые рабочие кадры. Завод принимал коллективы, бригады, семьи из прифронтовой зоны и республик Средней Азии. Для всех находилась работа.

По решению наркома тяжелой промышленности выпуск мирной продукции – станков – был временно прекращен. На освобожденных площадях было создано бронекорпусное производство (завод транспортного машиностроения № 200) под руководством С.К.Щербакова.

22 июля 1941 года на заводе запущен мартеновский цех, и впервые в Челябинске была выплавлена мартеновская сталь, необходимая для производства брони, а в августе начато изготовление бронированных корпусов и башен танков КВ. С фронта на завод шли танки для восстановления их бронезащиты, ходовой части и электрооборудования.

К концу года, в декабре, выдал первую плавку

Егор Агарков.

электросталелитейный цех. Для изготовления стального литья создали специальный участок. Во второй половине 1942-го было налажено производство литых башен тяжелого танка, освоена автоматическая сварка под слоем флюса. На базе кузнечно-прессового цеха создан участок для изготовления крупных деталей танков. Цехи работали без передышки. Одиннадцать моделей корпусов и башен выдало бронекорпусное производство за годы войны!

В рекордно короткие сроки в конце 1941 года заводчане освоили массовое производство боеприпасов различного назначения: фугасные, броньбойные, в том числе снаряды «Якорь», реактивные – для знаменитой «Катюши» и т.д. За один только 1944 год завод выпустил 2 миллиона 350 тысяч корпусов снарядов крупного и среднего калибров. Такое количество боеприпасов в настоящее время способны изготовить за год не более 5 государств мира.

С началом войны на завод вернулись многие ветераны, пришли женщины и молодежь – почти дети. О стахановском труде кадровых работников, а также тружеников из Молдавии и Прибалтики, Узбекистана и Туркмении, писала областная газета «Челябинский рабочий».

В 1944 году у нас родилось знаменитое «агарковское движение» по созданию объединенных бригад, позволяющее при росте производительности труда высвободить значительное число работников. Движение было распространено на всю страну. А имя Егора Агаркова – легенды завода – внесено в Большую Советскую энциклопедию.

Вклад предприятия в дело Победы трудно переоценить. О заслугах заводчан перед Родиной говорит награждение коллектива орденом Трудового Красного Знамени и знаменем Государственного Комитета Оборона, переданным заводу на вечное хранение. Сотни работников, прибывших с Ижорского завода, награждены медалями «За обо-

*Серго Орджоникидзе (в центре)
и И.А.Каттель (справа)*

Завод «Станкомаш». Фото Е.Тамплона.

рону Ленинграда», «За оборону Сталинграда». Большая группа передовиков отмечена орденами и медалями Советского Союза. Уральские станкостроители с первых дней были уверены в победе над врагом. И эта уверенность стала одним из источников героизма и силы.

Вскоре после Великой Победы эвакуированные предприятия со своими коллективами вернулись на родные места. Однако некоторая часть рабочих навсегда связала свою судьбу с Уралом. Многие в Челябинске обзавелись семьями.

В послевоенный период предприятие сохранило статус оборонного производства, выпуская наряду с военной также и гражданскую продукцию.

Помимо традиционного конструкторского отдела станкостроения были созданы специальные. СКБ-78 создавалось авиационное и ракетно-артиллерийское вооружение (1953 год). Главным конструктором его стал Лауреат Государственной премии, кавалер ордена Трудового Красного Знамени В.А.Ильин. СКБ-200 (ныне СНКБ-200) вело разработку инженерных средств преодоления минных полей (1956 год). В течение двадцати восьми лет его главным конструктором был В.А.-Самсонов, ветеран предприятия, кавалер ордена Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

В августе 1957 года постановлением Совнархоза заводы № 200 и № 78 были объединены в станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе. Из его цехов выходили токарно-винторезные и токарно-револьверные станки, станки специального назначения, станины и механизмы прокатных станов, агрегаты для сельского хозяйства, буровые установки для нефтепромыслов, метеорологические ракеты... С августа 1960-го началось изготовление универсального токарно-винторезного станка 1К-62, современные модификации которого являются основой станкостроительного производства и в настоящее время.

Заводские конструкторы разрабатывали бронекорпуса и башни для тяжелых танков, колесных минных тралов, установок разминирования.

СКБ-78 создавал крупнокалиберные снаряды для морской артиллерии, управляемые авиабомбы «Чайка», ракеты типа «Луна», твердотопливные стартовые двигатели, узлы ракетной установки «Смерч», а также изделия ГУТ (генераторы ударной трубы) - с использованием топлива ракет с истекшими гарантийными сроками.

С 1969 года по 1993 год директором, а затем генеральным директором был Михаил Тимофеевич Самарин. Он внес огромный вклад в реконструкцию и техническое перевооружение завода, развитие его производственной и социальной инфраструктуры. Его деятельность отмечена двумя орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета». Ему присвоено звание Героя Социалистичес-

В.А.Ильин
главный конструктор
СКБ-78

В конструкторском бюро. Фото Е.Тамплона.

В цехе «Станкомаша».
Фото Е.Тамплона.

кого труда. В музее завода этот период представлен отдельной экспозицией, как одна из самых ярких страниц истории предприятия.

В 1994 году завод был преобразован в акционерное общество – АО «Станкомаш», впоследствии – ОАО «Станкомаш», а в 1999-м получил статус федерального научно-производственного центра. С 2000 г. переименован в ОАО ФНПЦ «Станкомаш». В настоящее время заводом руководит Анатолий Игнатъевич Тарасов.

Сегодня ОАО ФНПЦ «Станкомаш» – это крупное промышленное предприятие с современными производствами: металлургическим (выплавка стали, литье, свободнаяковка и штамповка), механосборочным, инструментальным, заготовительным. Завод входит в пятерку ведущих производителей нефтепромыслового и газодобывающего оборудования с высокими эксплуатационными качествами. Первым в России «Станкомаш» освоил выпуск монтажных и маневровых лебедок для работы в камерах очистных забоев шахт.

В системе оборонно-промышленного комплекса ОАО ФНПЦ «Станкомаш» работает в двух направлениях. Первое – это инженерные средства разминирования и преодоления минных полей. «Станкомаш» – головной разработчик и единственный в России изготовитель инженерных средств разведки и преодоления минных полей. Руководит работами главный конструктор СНКБ-200 В.П. Зинovieв. Об уникальности и необходимости минных тралов можно рассказывать много. Особенно солдатам, прошедшим войну в Афганистане и Чечне. Ведь минные тралы спас-

ли сотни солдатских жизней и жизней мирных людей. Минные тралы – это мирные тралы!

Второе направление – ракетные и самолетные мишенные комплексы, предназначенные для оценки боевой эффективности систем зенитного оружия и авиационных управляемых ракет «воздух–воздух», а также для обучения боевых расчетов ПВО и летного состава ВВС, пусковые установки, боевые авиационные ракеты и снаряды, метеорологические ракеты для исследования плотных слоев атмосферы. Возглавляет СКБ-78 лауреат Государственной премии В. М. Углов.

Изделия и разработки «Станкомаша» не только не уступают, но и по ряду параметров превосходят зарубежные.

Сегодня завод переживает сложный период реструктуризации производства. Отдельные производства обретают самостоятельный экономический статус под единым руководством. Это придаст заводу новое дыхание и возможность зарекомендовать себя как жизнеспособное предприятие.

Мирные тралы на «Российской выставке вооружений-2004»

ПАСТЫРЬ И РЕНЕГАТ

Лето становилось невыносимым. Казалось, жара иссушила все. Даже речку старики не помнили такой мелкой с начала века.

Отец Серафим – в миру Антон Шнурков, инженер-строитель по образованию – бравою походкой удалялся от села. Ряса несколько затрудняла его движения. Но за семь долгих лет, посвященных служению своему богу, он привык не замечать подобные неудобства, как уже давно не ощущал себя белой вороной, появляясь в людных местах помимо храма.

Любишь ли ты меня, Серафим? – вновь зазвучал голос в голове пастыря, и тот ответил, не колеблясь и уже не останавливаясь: – Да, Господи, люблю, да...

В облике отца Серафима проступили перемены, которые наверняка потрясли бы прихожан, читай

он им сейчас проповедь. Молодое еще лицо выражало злую решимость. Челюсти беспрестанно двигались, а у посиневших висков периодически вздувались желваки. К вспотевшему лбу прилип локон редких нечесанных волос, обычно выющихся меж залысинами.

Тропинка уходила под откос. Внизу под холмом протекала небольшая речушка, название которой мало кто знал в точности. В народе ее величали по разному – если кого спрашивать. А если не спрашивать, то просто – «речка». В том месте, где оканчивалась тропа, ее можно было перейти вброд, даже не замочив колен. Так мелка она была теперь.

У воды пастырь снял обувь и, поразмыслив, запрятал ее в прибрежных зарослях тальника. Солнце было уже низко, и времени оставалось мало. Подбрав рясу, он смело шагнул в воду. Струющийся

по ногам поток показался ему ледяным. Превозмогая ломоту в суставах, он по скользким камням дошел до середины и остановился. «Благодарать!» – проговорил он вслух, после того как зачерпнул в ладони воду и омыл ею лицо и голову. Подол выпущенной при этом рясы намок, но пастырь не обратил на это никакого внимания.

Отец Серафим считал себя старовером. «Старость» его веры заключалась в том, что он хотел жить по заветам писания, уповая на милость Господа и пожертвования прихожан. С трехколенным кнутом в руках он изгнал однажды торговцев из своего требующего ремонта храма. Церковь, считал он, сильна приходом, а не мошной. И им оградится от любых невзгод. Даже денег за крещение и отпевание отец Серафим упорно не брал ни от кого, неустанно цитируя апостола Петра: «...серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги»[СВ1]. Потому, верно, и протекавшую крышу второй год сам латал, как мог и чем мог.

Зачастую голодный (а порой, бывало, пьяный) отец Серафим подолгу размышлял о жизни, о своем назначении в ней.

Вот тут-то и появилась она – Нечисть.

«Говори, сколько тебе нужно, святой отец, – торговалась с ним Нечисть. – Хочешь, колокола новые отольем? Иль крышу оцинковкой покроем? А хочешь, крест золотой на грудь – здоровенный, таскать замучаешься? Короче, проси, чего желаешь. Только смотри, чтоб все в ажуре было: значит, подъезжаем мы – чтоб звонница была; далее, когда выходим, чтоб какие-нибудь архангелы рядом крутились, хотя это-то мы сами устроим...»

Тогда-то и посетило пастыря озарение. Понял он все и про жизнь свою, и про назначение.

Лесок, в который отец Серафим ступил босыми ногами, когда пересек речку, спустя некоторое время стал редеть. Нежная кожа ступней во многих местах кровоточила, а между пальцами глубоко вонзилась острая щепка, что вызывало особо мучительную боль при ходьбе.

– Любишь ли ты меня, Серафим?

– Да, Господи, да... – процедил он сквозь зубы, выходя из зарослей и становясь на открытом пространстве.

Овцы мирно паслись на лугу. Рядом с ними, как и ожидалось, не было ни души. Только слабый ветерок носил над некошеной травой пестрокрылых бабочек. А казавшееся оглушительным после лесной тиши стрекотанье кузнечиков лишь дополняло собой идиллию.

Отец Серафим стал приближаться к овцам. Осмотреть – чтобы зазря не волновать животных. Но, несмотря на его старания, из середины отары все же послышалось озабоченное блеяние. Отдельные особи, дремавшие в траве, при виде чужака вскакивали и разбредались по сторонам. Священника это не смущало – его взгляд уже нашел то, что искал. Черный ягненок с голубой подвязкой пасся воз-

ле крупной овцы, как и большинство других, возлежавшей на брюхе. Осенив себя крестным знаменем, пастырь схватил ягненка на руки и живо зашагал прочь.

Теперь все было готово! Сегодня будет положено начало новому крестовому походу против Нечисти. Против Нечисти во славу Господа, во славу его Господа – во славу Господа Бога отца Серафима! Он есть альфа и омега, Он – тот, кто принес в мир не мир, но меч; Он тот, чьи ниспосланные страдания просветляют...

Позади раздалось злобное рычание. Увлечшись своими мыслями, пастырь не слышал семенящий шорох за спиной. Он испугано обернулся: его догонял рыжий пастуший пес неведомой породы, которого еще щенка местный ветеринар прозвал Ренегатом за то, что тот всегда охотно принимал угощения из чужих рук, но его дружки хватало не далее чем до следующего утра. Так эта кличка к нему и пристала, хотя даже сам владелец не знал, что означает это слово.

«Хозяина можно напоить, – подумал пастырь, – но что делать с псом?».

Почуввав защитника, ягненок в руках жалобно мекнул и попробовал высвободиться, дергая копытцами. Пастор крепче прижал его к груди.

– Прочь, убирайся, бестия! – заорал он на пса и топнул ногой.

В ответ вновь донеслось рычание. На этот раз приглушенное – пес был не обучен нападать на людей. Но и «убираться» он тоже не думал. Держась на расстоянии, он стал делать вид, что вынюхивает что-то в траве, не спуская при этом глаз с похитителя овец.

– Черт с тобой – прости, Господи, – тихо проговорил пастор, скорее для себя, чем для собаки. Плинув в сторону пса, он развернулся и пошел дальше. Четвероногий сторож, держа дистанцию, двинулся за ним.

Взбираться на гору с ягненком было трудно. Руками он помочь себе не мог, к тому же у пояса под рясой мешался огромный охотничий нож, который у него никак не получалось локтями переместить назад. Ренегат неотступно следовал за ними, а точнее – параллельно им, так как выбрал себе другой путь.

Когда подъем был пройден, солнце уже заходило и в небе полыхала заря. Но отец Серафим не волновался – у него загодя все было приготовлено к закланию. Он проворно стянул копыта агнца бечевками, завязал глаза сложенным вчетверо платком и перетащил животное на большой плоский камень, устеленный сухим хворостом – жертвенник. Наблюдавший за всем этим Ренегат тихонько поскуливал.

Вытащив из-под рясы нож, пастырь стал шепотом читать молитву, опасаясь, что, услышав его голос, присмиривший было ягненок снова начнет барахтаться и может свалиться с жертвенника, преврав тем самым его уединение с Богом. Но ничего

такого не произошло, и отец Серафим, крепко сжав нож в руке, перекрестился и воскликнул:

– Прими, Господи, этого агнца как знак моей жизни, которая и так всецело принадлежит Тебе, но которую я также хочу посвятить для дел во имя Твое! Чрез Тебя я стал зрячим, так поддержи теперь дух мой и направь руку мою своим праведным перстом! Аминь.

Сказав это, он рассек ягненку горло. Кровь хлынула из раны на хворост и потекла по поверхности камня на землю.

– Хвала Тебе, Боже! – молвил пастырь, закатив безумные глаза к небу, после чего посмотрел на зияющую рану и с жадностью припал к ней ртом.

– ЛЮБИШЬ ЛИ ТЫ МЕНЯ, СЕРАФИМ? – громче прежнего услышал он глас. Прервавшись, он поднял голову. Кровь агнца стекала по его бороде.

– Да, Господи, конечно! Ты ведь знаешь, почему ж спрашиваешь?

– ИДИ ЗА МНОЙ! – увещевал его глас. – И ПАСИ ОВЕЦ МОИХ!

Пастырь посмотрел на окровавленный нож, затем – на небо, где уже появились первые звезды, и, расплывшись в странной улыбке, еле слышно прохрипел:

– Разумеется, Господи... Разумеется...

Поздно вечером люди, что вышли из домов в ожидании возвращения своих овец, наблюдали огонь, который горел на вершине одной из гор. Никто не задавался вопросом, что это был за огонь: может, молодежь выехала на пикник, может, туристы из города пожаловали, – дело обыкновенное... Мало кто также обратил внимание на заунывный и протяжный собачий вой вдали, в котором, казалось, уместились вся мирская тоска и горечь. И уж тем более никто не догадался объединить эти два события. Потому что никому и в голову не пришло, что это выл Ренегат – беспородный пастуший пес, впервые в жизни не справившийся со своими обязанностями.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для
био-библиографического словаря)

А

АВЕНАРИУС - МАЛЬЦЕВА Вера Васильевна, беллетристка.

Дочь прозаика В.П.Авенариуса (?). Автор сб. «Рассказы» (СПб., 1910). Не она ли пер. стихотв. И.-Л.Рунеберга «Раз из рощи воротилась дочка...» - в «Сборнике финляндской литературы» (Пг., 1917)? Венгеров. Источ.; РНБ; Голубева.

АВЕНЕРОК П.

(См. Очкина П.А.)

АВЕРБАХ-СВЕРДЛОВА Софья Михайловна (1882 - 1951), авт. воспоминаний.

Старш. сестра Я.М.Свердлова. Детский врач. Ее воспом. «Брат» (в соавт. с С.М.Свердловой (см) и В.М.Свердловым) – в кн. «Рассказы о Свердлове». Сб. воспом. М., 1982. С. 37-46. Этот же очерк – и в др. кн. о Свердлове.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 2. № 2724; Т.5. Ч.2. № 910, 911.

АВЕРИАНОВА

(См. Офросимова Е.А.)

АВЕРИНА Н.П., авт. воспоминаний.

Оставила воспоминания о П.И.Аверине, генерал-провиантмейстере, напечатанные в лит. сб. «Раут» Н.В.Сушкова (1852). В «Моск. вед.» напеч. ее письмо по поводу книги бар. Корфа о Сперанском (1861. № 275).

Венгеров. Источ.; Слов. рус. писательниц; Голубева.

АВЕРКИЕВА Екатерина Григорьевна (урожд. Сорокина, 1852 -), авт. книг по садоводству.

Отец А., артиллерийский генерал, был страстный садовод и приохотил к этому занятию дочь. С 1881 г., лишившись детей и получив в собственность большое имение отца в Клинском уезде, А. всецело отдалась садоводству и огородничеству. Сотрудничала в журналах: «Рус. садоводство», «Вестник садоводства», «Вестн. сельского хозяйства». Автор книг: «Записки и наблюдения по садоводству и огородничеству» (М., 1885) - Рец.: «Русская мысль» (1885, № 5), «Вестник садоводства» (1885, № 28); «Яблоня и новый способ корневой прививки» (1888); «Картофель и его культура, огородная и полевая» (М., 1888). Ее «Краткое руковод. по огородничеству» удостоено Большой золотой медали Вольного Экономического Общества. Написала также «Практич. советы по огородничеству». Вып. 1-XXV. М., 1911.

Венгеров. Сл.

(Продолжение на стр. 37)

ИГРЫ ПАТРИОТОВ

Наши увлечения

– Береза, береза! Я ветер! Меня атакуют! Нужна помощь!

– Ветер, ветер! Я береза. Вас не вижу! - Помочь не могу, действуйте самостоятельно!

Вы думаете, что речь здесь идет о военных действиях? Вы не ошиблись – это действительно так! Редакции «Уральского следопыта» посчастливилось поучаствовать в вооруженном конфликте с настоящей перестрелкой и захватом противника в плен. Да, да, да! Именно – посчастливилось, ведь бои велись в парке им. Маяковского, в пейнтбол-центре. Но «красочная» война еще не закончена, пейнтбол-центр ждет новых добровольцев, желающих на некоторое время стать Джоном Рэмбо, Никитой или просто рядовым солдатом элитных войск. Приходите и вы в самую горячую точку города.

Война войной, а начиналось все очень мирно. Вся наша редакция собралась у входа в пейнтбол-центр. У каждого на лице было написано недоумение и растерянность. Что нам нужно делать и что с нами будет – никто не знал, даже представить себе не мог.

Вежливые инструктора проводили нас в раздевалку, выдали каждой команде обмун-

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Схема проезда на а/м

дирование разного цвета (серый и зеленый камуфляж), винтовки, стреляющие шариками с краской, объяснили, как всем этим пользоваться, и ответили на все, даже самые глупые вопросы. Нас вывели на большой заснеженный полигон с башенками, ограждениями и траншеями, перед этим еще раз проверив выданное снаряжение и просмотрев каждый болтик в винтовке. И тут началось самое интересное. После подробных и участливых объяснений, добрых пожеланий инструкторов неуверенность и незнание, как себя вести, были уже не такими громадными, а на полигоне исчезли вовсе. С оружием в руках и на открытом пространстве мы почувствовали, как в нас проснулись воины, и все стало ясно и понятно.

Гражданская должностная иерархия испарилась и появились новые, военные знаки отличия. В нашем отряде были и снайперы, и бойцы-одиночки, и группа захвата, и солдаты, прикрывающие тыл. Задача состояла в том, чтобы захватить вражескую крепость.

«И грянул бой!» Мелкими перебежками под массированным обстрелом пулеметов неприятеля наш отряд преодолел первую половину полигона, противник, в свою очередь, вплотную придвинулся к нам. В лобовую атаку идти было бесполезно – враг окопался, его снайперы просматривали всю нашу половину поля. Первая героическая вылазка наших бойцов увенчалась провалом: под градом пуль устоять сложно – они «пали смертью храбрых» и с ошалевшими от восторга и азарта глазами, подняв руки, покинули поле боя. Снег обгарился первой кровью, вер-

Фото Е.Тамплон.

нее, «озеленился» первой краской. Наша атака затянулась, и долго сидеть на одном месте и отстреливаться мы не могли, нужно было беречь патроны, нужно было обезвредить вражеского снайпера. Союзная штурмовая группа начала захват башни, в которой засел тот самый снайпер, – БАБАХ-БАБАХ...ТРА-ТА-ТА – и башни нет, то есть головы снайпера – прямое попадание в лоб, и бывший ворошиловский стрелок почти на ощупь в залитой краской маске выбирается из полигона на площадку отдыха.

Уничтожение вражеского снайпера было маленькой, но очень важной победой нашего отряда – все стратегически выгодные позиции были заняты.

Со стороны показалось бы, что вот она, крепость, в пяти шагах – иди и захватывай, но не тут-то было.

Враг все время норовил

обойти с флангов, перейти в контратаку и захватить нашу крепость. Мы отстреливались, как могли; над головой, словно полчища диких ос, со свистом проносилось

множество зеленых шариков: любое неловкое движение

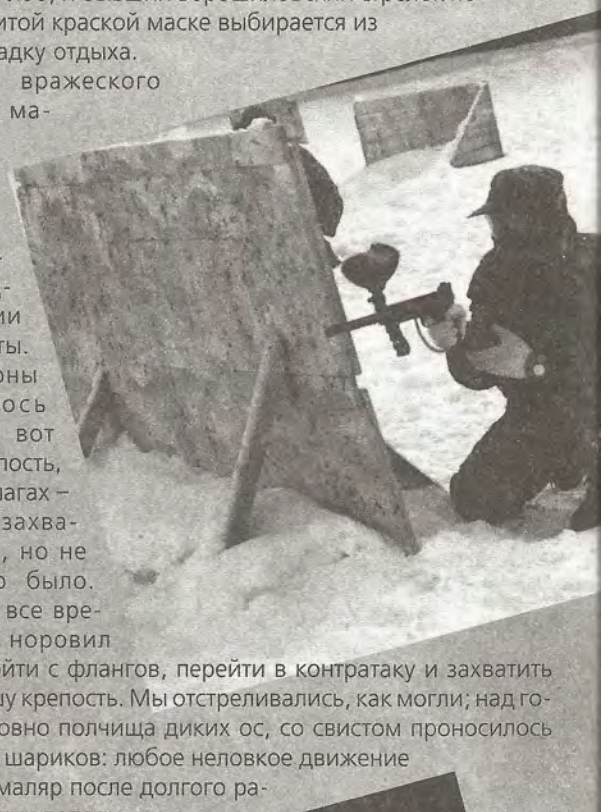
– и ты не боевая единица, а маляр после долгого рабочего дня. Многие не замечали, что в них попали,

и с отстреленными конечностями продолжали

бой – вот это героизм! Безумный адреналин смешивался с непередаваемым ощущением скорой победы, и нужно было вытаскивать свое сердце из пяток и начинать штурм вражеской крепости. С криками «ура!» мы начали свою последнюю атаку. Отстреливая оставшихся и «затыливших» вражеских солдат, наш отряд с диким восторгом вбежал в последний оплот противника.

Бой закончился. И редакция «Уральского следопыта», и бывший противник вместе с нами решили немного отдохнуть и, как старые друзья, пошли пить кофе на свежем воздухе. Каждый с открытым от радости ртом показывал другому свои множественные ранения, а тот делился своими впечатлениями. Выразить одно общее впечатление можно так: «Это круто! Это настолько круто, что самый грозный начальник или самый строгий папа становятся детьми, своей непосредственностью удивляющими многих».

Редакция «Уральского следопыта» вышла с поля боя с огромными потерями... комплексов и негативной энергии и огромным приобретением нового и интересного. Из пейнтбол-центра все мы вышли абсолютно другими людьми, друзьями, покрашенными одной краской.

Пейнтбол снимает стресс – поверьте нам на слово, ведь наша редакция получила незабываемый опыт военных действий. А если не верите, то попробуйте сами – вам очень понравится. Если вы сотрудники одной фирмы, то это занятие укрепит ваш корпоративный дух(еще как!); если вы друзья, то узнаете с кем можно ходить в разведку; а если вы семья, то пейнтбол придаст вашей жизни новых экстремальных и позитивных впечатлений.

Вверху - «зеленые» победители; внизу - «серые» проигравшие... весело всем одинаково.

**ДОБАВЬ КРАСОК
В СВОЮ ЖИЗНЬ!**

- Четыре игровых поля в ЦПКиО
- Всесезонная игровая площадка
- Разнообразные игровые сценарии
- Выездные и корпоративные игры
- Спеццены учащимся и студентам
- Магазин снаряжения
- с 10.00 до 24.00 без выходных

г. Екатеринбург, ул. Мичурина, 100 (ЦПКиО им. Маяковского)
тел.: (343) 379-56-35, 378-07-08

www.patriots.ru E-mail: info@patriots.ru

Рассматриваются работы, удовлетворяющие следующим требованиям:

1. соответствие темам:

- * Урал – горная страна
- * Городской пейзаж
- * Мы – уральцы
- * Заповедные земли
- * На грани...
- * По следам предков

2. предоставление информации о снимках:

- * Условное название снимка, краткое пояснение
- * Дата съёмки (если известно)
- * Район, запечатлённый на снимке, если это важно
- * Объект (если известно)

*** Персонаж (если известно)**

- 3. Информация об авторе
- * ФИО Автора, почтовый адрес, контактный телефон
- * Указать характеристики используемой фототехники и др. обеспечения

4. Формат снимка

не менее 300 x 200 мм (желательно приложить слайд или негатив) или файлы, записанные на CD-R, DVD в формате .jpg 3072 x 2048, tif 300dpi 200 x 300.

Итоги конкурса подводятся 1 раз в полугодие по каждой теме с публикацией снимков-победителей. Призы от спонсоров.

Снимки высылаются на адрес редакции заказным письмом с пометкой «ФОТОКОНКУРС». Присланные работы не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право использовать снимки, предоставленные на конкурс для публикации.

Часть фотографий, присланных на конкурс, размещаются на сайте photo.uralstalker.ru

НА ГРАНИ...

Победитель фотоконкурса Михаил Полюковский

Денис ПОРУБОВ,
фото Михаила Польшковского

Ф Р И Р А Й Д

Человек в экстремале

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Пристрастие к легким наркотикам типа горных лыж и сноубордов принимает все более массовые формы. В магазинах – толкучка, на подъемниках – очереди. Молодежь отбивает ноги в сноупарках; люди старшего возраста выписывают идеальные дуги на трассах.

Это – легкая форма наркомании. Но есть и люди, у которых пристрастие приняло более тяжелые формы. Их можно встретить только на нижней станции подъемника, к которой они стремительно вылетают откуда-то сбоку, или вылезают из леса, волоча на себе лыжи или доску. Они ждут снегопада, несмотря на наличие систем искусственного оснежения. Они не катаются по трассам. Они ненормальные. Фрирайдеры.

Почему люди катаются вне трасс? Это вопрос из серии «зачем вы ходите в горы». Нравится им там, вот и катаются. Может, привлекает разнообразие. Если на трассе ты просто «наматываешь километраж», и все спуски похожи один на другой, то вне трассы каждый спуск – это что-то новое, да и в течение одного спуска условия меняются: пухляк, наст, камни объезжаешь, с надувов прыгаешь, лавируешь между деревьев; в целине ты паришь и наслаждаешься парением, на застругах борешься за равновесие.

Эти ощущения я называю «сопротивлением склона». Если на трассе ты заплатил – и все тебе рады: «катись на здоровье», то вне трасс гора начинает тебе сопротивляться – нужно работать, выбирать и

На «здоровье» лыж или доски внетрассовое катание тоже сказывается не лучшим образом. Катаясь вне трасс, становишься постоянным клиентом сервисной мастерской, или сам учишься запаивать царапины и точить канты.

Лыжи или доска?

Есть распространенное заблуждение, что внетрассовое катание – только для бордеров. «На лыжах нельзя кататься вне трасс» – говорит лыжник, встегнутый в Salomon Scream, настоящую фрирайдовую модель. Нет, на лыжах вполне можно кататься вне трасс. Когда наши древние предки изобрели лыжи – никаких трасс не было, но они все равно катались.

У доски есть некоторые преимущества перед лыжами – она легче всплывает в пухляке, проще управляется. Лыжнику, для того, чтобы всплыть, приходится набрать б О л ь -

прокладывать себе дорогу. Может быть, привлекают именно ощущения победителя?

Или страх и его спутник – адреналин? Безбашенно ломануться вниз, и только чувствовать, как лыжи что-то цепляют под снегом, как хлещут по каске ветки – и хлещать адреналин ведрами...

Наверное, каждый находит что-то свое во внетрассовом катании. Впрочем, как и в любом виде человеческой деятельности.

Фрирайд опасен. Статистика примерно такая: вне трасс происходят только 20% несчастных случаев, но 80% смертельных исходов при несчастных случаях происходят именно вне трасс. Достаточно одного камня или дерева, чтобы получить повреждения, несовместимые с жизнью. Если вам показалось, что я всех агитирую кататься вне трасс – то вам показалось.

шую скорость и более четко контролировать равновесие и загрузку лыж.

К тому же, новичок, купивший на распродаже комплект доска-крепления-ботинки «для начинающих», становится обладателем вполне подходящего для целины спортивного снаряда. А вот новичку, купившему на той же распродаже комплект лыжи-крепления-ботинки, скорее всего, придется еще раз потратиться на что-то более серьезное.

С другой стороны, на лыжах можно сдвигиваясь в снег всего по колену, когда

отстегнув доску, будет проваливаться по пояс. На плоском месте лыжник толкается палками, а бордеру придется выстегиваться и идти пешком.

В общем, неважно, какой у человека спортивный снаряд, главное – как он умеет им пользоваться. А для окончательного решения проблемы можно приобрести фрирайдовую модель лыж или доски, специально предназначенную для катания по целине.

Где кататься

Когда я покупал свою пару «покет ракетов», на меня сочувственно смотрели и говорили, что на Урале на них негде кататься. На самом деле, кататься есть где, только места надо знать. На многих горнолыжных центрах достаточно отойти от верхней станции подъемника на 100-1000 метров, чтобы обнаружить свой внетрассовый спуск.

Кроме гор окультуренных есть горы дикие. В диких горах спуски длиннее, снега больше, но и расстояние, которое приходится проходить пешком, измеряется уже километрами. К тому же, становится необходимым туристическое снаряжение

– палатка, спальник, всяческие котелки и прочие топоры. Причем все это богатство приходится таскать на себе.

Есть и более технологичные, чем «пешедрал», способы перемещения – снегоходы, вездеходы, вертолеты. Сейчас бизнес по предоставлению услуг фрирайдерам, в том числе и услуг по заброске, постепенно набирает обороты. Плати деньги – и тебя забросят куда угодно, а потом подберут, где попросишь.

Человек в экстремале

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Защита

Автомобилисты говорят, что хорошие шины окупаются за одно торможение. В применении к лыжебордерному спорту это высказывание можно перефразировать: шлем окупается за одно падение. Шлем – это необходимый минимум защиты, который надо иметь при внетрассовом катании. Кроме крупных неприятностей, типа ударов головой об камни и деревья, шлем предохраняет и от мелочевки вроде веток; в отличие от шапки, пристегнутый ремешком шлем не слетает при падении.

Существует так же и защита для тела. Во-первых, это так называемые «бронетрусы» – они защищают копчик и кости таза. Для защиты позвоночника используется состоящая из подвижных сегментов «черепашка». Есть специальные защитные куртки, включающие в себя защиту позвоночника, груди, локтей и плеч. Имеют так же смысл налокотники и наколенники. Бордеры еще используют специальные защитные перчатки, ограничивающие подвижность запястья.

При катании по лесу для защиты глаз обязательна маска, которую еще называют горнолыжными очками.

Наши люди, желающие на всем сэконо-

мить, выкручиваются и с защитой. Для спины – рюкзак. Вместо шлема – строительная каска с отрезанным козырьком. Бронетрусы шьются из обычных трусов и пенки в несколько слоев. Эта самодеятельность вряд ли сможет состязаться по надежности с «фирмой», но тоже имеет право на жизнь. По крайней мере, к строительной каске подходят абсолютно любые очки, а к шлему их приходится специально подбирать (ну или шлем к очкам – смотря что дороже стоит).

Время от времени ходят какие-то странные слухи о защите – что кататься в ней только опаснее, чем без нее, что наличие шлема способствует перелому шеи и т.п. Все это чушь. Защита опасна только тем, что создает иллюзию безопасности и неуязвимости. А иллюзия безопасности – самая большая опасность, и наличие любой защиты, увы, не превращает райдера в Дункана Мак Лауада.

Так что в любом случае надо соблюдать осторожность, хотя бы не нарушать основное правило фрирайда – никогда не кататься в одиночку.

Отечество юнкера Ксенофонта

Портреты

О Великой Отечественной войне написано много, а вот о Первой империалистической мы знаем гораздо меньше. Чем жили военные в то время, каков был их быт, как относились к войне и что думала об Отечестве молодежь?

Недавно попались мне на глаза письма юнкера Ксенофонта Косачева, родного дяди жителя поселка Левиха Кировградского муниципального образования Виктора Семеновича Косачева. Родовые корни Косачевых лежат в Черноисточинске, что под Нижним Тагилом. Туда юнкер Казанского военного училища Ксенофонт и посылал письма, датированные 1914-м годом.

Следует заметить, что в поселке Черноисточинске проживали в то время в основном старoverы - люди, занимавшиеся сельским хозяйством и различными народными ремеслами. Грамоты им хватало самой начальной, и поэтому письмо явно образованного человека приятно удивляет. А содержание его... Да вот оно, читайте сами.

«По-русски Казань, а по-татарски Котел.

23 июня сего года.

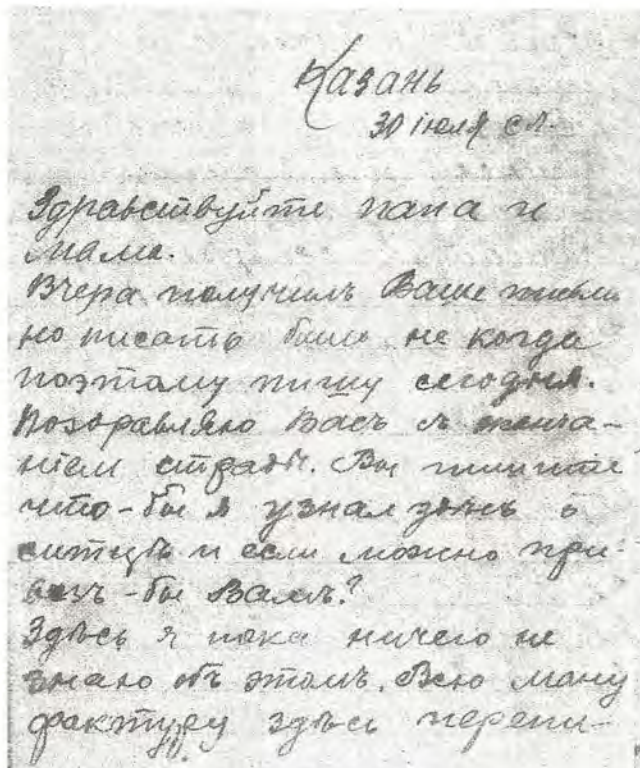
Добрый день, дорогие родители и вся семья. Сообщаю, что деньги получил - в сумме 5 рублей. Получил и удивился, так как не знал, что с ними делать. Вы уж лучше реже, но побольше, а то такая сумма у меня сквозь руки проходит, смотришь - и

уже ни копейки. Я ведь деньгами сорить умею очень хорошо, только жалованье маленькое (8 рублей в месяц).

Теперь поздравляю вас с великим для всех нас и вас наступлением! Вот теперь можно сказать, если будут наступать, что к Рождеству, пожалуй, придется быть свободным гражданином Черноисточинского завода, то есть приеду совсем домой. Вчера вечером было получено известие из штаба Казанского военного округа, что взят Львов. Ура! Ура! Если так будут продолжать наши войска, то само собой разумеется, что война должна скоро закончиться. У наших союзников войска прибывают, а у германцев убывают, новых им взять неоткуда. Перевес на нашей стороне.

Итак, мы все вступаем в новую жизнь. Появятся новые машины для обработки земли. Папаша, нам прибавят еще землицы, в три раза больше. Появятся новые школы. Не будем больше копать в земле и в темноте. Да, у нас Россия еще полна чудес, как и всегда. Ведь уже какое было плохое положение Отечества в недавнем прошлом, а сейчас Россия опять заняла высокое положение среди союзников.

Ну, будет писать о войне. Сегодня получу 10 рублей от вас. Спасибо, что послали, а то у меня положение было критическое. Передайте от меня

Фрагмент письма.

приветы всем - дяде Семену, крестным, дяде Васе. Всех целую.

Юнкер Ксенофонт Косачев.

Письма посылайте с 5-копеечными марками».

Очевидно, родители юнкера были людьми за-

житочными: десять рублей в то время были большими деньгами, да и учиться в офицерском училище мог не каждый. А Ксенофонт, судя по всему, было лет двадцать, и удивляют его восторженные слова о величии России. Не унижали тогда россияне свою страну, не говорили, что все в ней плохо. А ведь не все ладно складывалось и тогда: в одном из следующих писем Ксенофонта говорится, например, что ситец продают по карточкам.

Через три месяца юнкер стал прапорщиком (полное офицерское звание) и отправился на фронт. Воевал, остался жив. А там и перемены известные произошли в России, власть перешла к большевикам, белую армию разгромили. Но юнкер Косачев опять выжил. Предложили ему командную должность в Красной Армии, и что, вы думаете, он ответил? - «Россия присягают единожды». Расстреляли Ксенофонта за такой ответ, а ведь он даже не успел обзавестись семьей, и Бог не дал ему увидеть дальнейшее.

Вот коротко и все.

У его племянника Виктора, сохранившего драгоценные дядины письма, жизнь сложилась иначе, поскольку рос он уже в советское время. Бедновато жили. Мать умерла рано, и отец один воспитывал ребятишек. С малолетства Виктор работал - золотишко с отцом в «копушках» добывал. Но богатства не нажил. И образование получил только «фээзушное». Работал на вагонном заводе в Нижнем Тагиле, а потом в медной шахте, где обзавелся силикозом. Вот так, трудясь, сумел-таки дать дочерям своим высшее образование.

Два времени, две истории жизней человеческих. Две судьбы, как будто в двух разных Россиях сложившиеся...

Н. Самокиш.
Взятие германских
позиций нашим сибирским
отрядом. Плакат из
коллекции РГАДА.

М-СКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК: ЗАГАДКИ ОСТАЮТСЯ.

СТАРОЕ-НОВОЕ МЕСТО,

СТАРЫЕ-НОВЫЕ ЛЮДИ

*«Каждое высказанное мною суждение
надо понимать не как утверждение, а как вопрос».*

Нильс Бор.

С 1989 года загадочная «Зона», или «М-ский треугольник», названный так с легкой руки журналиста Павла Мухортова, будоражит умы многих людей. Ежегодно несколько тысяч паломников приезжают сюда, чтобы «приобщиться к неведомому» или, на худой конец, просто пообщаться между собой на «запредельные» темы. Как проявляет себя «Зона» в наши дни? По-прежнему ли там наблюдают «пришельцев» и посадки НЛО? По-прежнему ли там происходят другие странные и непонятные вещи? Или «Зона» «закрылась» от контактов? На эти и другие вопросы искушенный читатель найдет ответы, прочитав этот материал.

Идут годы. Меняются люди, меняются интересы. Мое давнее увлечение НЛО в один прекрасный день покинуло меня, и я стал больше думать «о хлебе насущном». «Хобби — не то, на чем надо зарабатывать, а то, на что надо тратить», — таков мой девиз.

В один погожий летний денек 2001 года в здании

фирмы, в которой я тогда работал коммерческим директором, в домофон позвонил человек. Охрана позвонила мне:

— К вам Эдуард Киселев. Пропустить?

— Киселев?.. Пропустите и объясните дорогу, — ответил я.

Он вошел в сопровождении нашего охранника,

*«Вывал» при взгляде сверху напоминает по форме крылья бабочки
(вспомним аналогичный вид
в эпицентре взрыва «Тунгусского метеорита»).*

который тут же удалился, увидев, что все в порядке. Эдуард практически не изменился: все такой же рыжий, такой же улыбчивый и доброжелательный, каким я помнил его по «Уральскому следопыту». Тогда он, директор своего частного издательства, брал уроки по компьютерной верстке у нашего дизайнера Ани. Поговорив «за жизнь» и перебив косточки общим знакомым, мы добрались и до повода его визита.

— Максим, мы скоро собираемся ехать в «Зону»... Поедешь с нами?

Какое-то время я сидел, ошарашенный этим предложением, и вспоминал... Темные холодные ночи... Туман, скапливающийся большими сгустками... Тихий плеск Сылвы... Облака и вода, плывущие в одном направлении...

— Кто еще едет? — спросил я, думая о том, что Эдуард решиться на эту поездку самостоятельно не мог.

— Кроме нас, двое. Оба нормальные, без заскоков. Мои друзья.

— Достойная компания, — немного помолчав, улыбнулся я, уже согласившись.

Сделав безостановочный марш-бросок после закупок в деревне, мы пришли в «Долину ужасов» к часу дня 5 августа. Почему сюда? Потому что это лучшее место для стоянки, а также своеобразный перекресток всех тропинок: будет за кем наблюдать. К нашему приходу здесь уже обжились две большие группы из Екатеринбурга (я даже почти не удивился, встретив среди них своих старых знакомых — Славу и Веру), мимо протопали человек 12 из Риги, распевая на ходу пионерские гимны, непосредственно у реки сворачивались трое пермяков... Ну что ж, неудивительно. «Зона» и раньше манила сюда людей своими загадками. Интересно только, что делают здесь такие большие компании? Позже я намеревался найти ответ на свой вопрос.

Вволю пообщавшись и отдохнув с дороги, в 8 часов вечера мы решили посетить «Выселки», а заодно уж и «Пирамидки». И те, и другие за годы заросли травой и молодыми деревьями, а «Дом Минотавра» — еще и крапивой по самые уши, что наглядно свидетельствовало о том, что уж сюда-то точно не зарастет народная тропа. К «Пирамидкам» тропинки не было, хотя кто-то и пытался ее натоптать. Дорогу не искали — я вел по памяти. Ошибиться в месторасположении «Пирамидок» невозможно: раньше с этой поляны вниз к реке вела тропинка, выводя путника прямо на два длинных острова. За годы кучки камней пообвалились и заросли, а может, это нам только показалось. Вернулись в лагерь к 11 часам. В лесу, в соседнем лагере кто-то визжал.

— Вы как к «Пирамидкам»-то прошли? — спросил Андрей из Перми. Мы ответили, объяснили два пути: по лесу, через «Выселки», и вверх по реке, к островам.

— Я так и знал! Мне сегодня всюду «ставят блоки»! — промолвил он и ушел. Мы переглянулись.

Чуть позже к нам пришли гости: две девушки лет 16-18. Оказалось, они из той самой компании свердловчан, вопли которой периодически раздавались по лесу. И тут, в непринужденной обстановке беседы у костра, я и получил ответ на свой вопрос. Молодежь здесь «тусовалась». Просто так. Потому что «прикольно». Потому что никто не мешает. Нет родителей и тех других, кто может как-то направить энергию молодости, нет тех, кто может осудить за какие-то поступки, нет тех, кто будет навязывать свое «взрослое» мнение... Подростки оказались представителями того самого типичного «неформального» движения, которое присутствует во всех городах. Таких девушек отличают небрежность в стрижке и одежде, многочисленные «фенечки» на обычно грубых руках, обилие просторечия и жаргонов в речи, оценивающие и обещающие взгляды представителям той же социальной группы противоположного, а теперь и того же, пола...

Получалось, что за последние годы «Зона» превратилась из места паломничества и встреч по интересам разных уфологов, «сенсов», «контактеров» и тому подобного люда в место «тусы» тех, кто не признан сверстниками и потому ищет себя в общении с себе подобными. И если второе неминуемо вытекало из первого, а социально-психологическая обстановка в «треугольнике» была ясна и раньше, то теперь проблема состояла в том, что сюда пришли еще и подростки.

На следующий день, около часа пополудни, мы решили осмотреть «Космодром». Дошли до «Змеиной горки», здесь Эдуард и Александр остались наблюдать за парящими птицами, а мы со Светланой двинулись дальше. По-видимому, на «Космодром» давно уже никто не ходил: нам не встретилось никаких следов человеческой жизнедеятельности. Когда-то потрясающее своей величиной и таинственностью место заросло молодыми деревьями, и ничто уже не напоминало о его былом величии... Вернулись в 16.30. В соседнем лагере опять кто-то визжал.

Весь вечер нас развлекали своими байками «тусовочные девочки» (к примеру, вы знаете, что такое «слип»?.. Вот и я нет. А оказывается, это «живой туман», обитающий чуть ниже по течению), а после 3-х часов ночи мы пошли бродить по лесу. Стоял густой туман, фонарики лишь предоставляли возможность смотреть под ноги. Сделав неудачную попытку пройти по лесу через «Вывал» к «Поляне Юриса», мы направились на «Поле чудес». Посередине решили остановиться и осмотреться. Светила начинающая убывать луна, туман скрывал деревья по обе стороны от нас. Пару раз возникали световые «эффекты фонарика», будто перед нами кто-то светил рассеянным светом. Потом увидели летящую с севера на юг звездочку, которая замедлила ход и постепенно угасла. Пошли дальше, как вдруг...

Они были высотой около 15-20 метров и ярко светились. По форме «Врата» напоминали радугу, только «ночную», или арку, белого цвета, с дерева радиусом. Они были четко видны, лишь по краям свет немного рассеивался. «Врата» находились метрах в 30-40 от нас на границе леса, немного выше того места, где когда-то стоял «Дом с крестом». Мы наблюдали это явление с тропинки минут 5-10, потом оно постепенно исчезло.

Какое-то время мы еще постояли, наблюдая за Юпитером и Венерой, а затем вернулись в лагерь. У соседей опять кто-то визжал. Чуть позже нас снова посетили гости...

«Оракула», «НЛО» на журнальном столике. (Эти глупцы считают себя вправе брать детей даже в походы к аномальным местам и в разные религиозные паломничества!) В-третьих, это телевидение и киноиндустрия. Сериалы «Зачарованные», «Приключения мага», фильмы «Гарри Поттер», «Властелин колец» сформировали у них ложное представление о магии. В-четвертых, это доступность «тайных знаний». В-пятых, это детский максимализм, ощущение вседозволенности и собственной значимости.

В результате всего этого молодежь только дурет, начинает искать себе подобных и, неподготов-

«Пирамидки» — куски песчаника, по неведомой причине сложенные в кучи. Эта «пирамидка» называется «первой»

Что интересовало молодых представительниц современной молодежи? Ответ был нормальным для этого места. Он был бы нормальным и для какого-нибудь собрания какого-нибудь общества, где заседали бы опять же нормальные для подобных обществ завсегда. Но в данном случае вчерашних детей... Этим же интересовала магия.

Появление необузданного интереса к магии и оккультизму вообще у подростков в возрасте от 14 до 18 лет возникло недавно, в течение последних лет, но уже стало проблемой. Причин этому интересу несколько. Во-первых, это психологические проблемы, в частности, семейные: отсутствие внимания родителей к проблемам их чада или, наоборот, создание ими ложных приоритетов, типичные семейные неурядицы и скандалы; неразрешимые казалось бы ситуации: ссоры со сверстниками, комплексы, неразделенные чувства и т.д. Во-вторых, это родственники и знакомые, практически подогревающие у них этот интерес: книжки Степановой на полках, газеты наподобие «Тайной власти»,

ленная, ранимая, со слабой психикой и живейшим воображением, устраивает тусовки в «местах Силы», читает К.Кастанеду и Д.Крэга, курит травку и занимается групповым сексом в надежде на «просветление», «открытие третьего глаза», «выход в астрал», не понимая, к чему ведут определенные техники. Месь, безответные чувства, неисполненные желания и подогретенные кинофильмами фантазии приводят их к такому образу жизни. Они верят во все: в то, что викка — это магия, что их «учитель», философ-недоучка какого-нибудь вуза, ошалевший от Канта и потерявший крышу на втором курсе, — член герметического ордена Золотой Зари, верят, что «занимаются магией» и что она решит все их мелкие проблемы.

Если десять лет назад подростки, не поигравшие в детстве в «войнушку» и не носившиеся друг за другом с «брызгалками», шизели от Дж.Толкиена и тусовались с ролевиками, то сегодня количество социальных групп молодежи, не признанной сверстниками, растет в пользу оккультизма. Об этом

свидетельствуют многочисленные сайты, форумы и «дистантные школы» в сети интернета.

До 7 утра я слушал восторженные рассказы Мэйв (одна из «тусовочных девочек», а по-русски Мария) «за жисть», а потом отошел ко сну.

* * *

На следующий день, 7 августа, мы снова отправились на «Поле чудес». Немного побродив по тому месту, где ночью видели «Врата», и не обнаружив никаких следов, мы прошли к старой стоянке у «Дома с крестом». На земле лежали чьи-то прохудившиеся портки, пластиковая бутылка с выдохшимися остатками спирта и фонарик. Из ближайшего

роны. Все давно спали. В 40 минут первого мы с Володей сидели у костра, попивая чай, и собирались уже отойти на боковую, как вдруг видим: из костра прямо перед нами выпрыгивает нечто удлиненное, размером с жабу, и светящееся! Оранжевого цвета, оно словно состояло из искр и угольков. Не успели мы его как следует разглядеть, как это нечто попрыгало от костра влево от нас, в сторону тропинки. Небольшими, ровными, около 20-25 см в длину скачками оно двигалось четко по прямой на протяжении трех метров и потом исчезло.

Наше состояние было не передать. Схватив фонари (такие мощные «бандуры», напоминающие во

«Долина ужасов» простирается вдоль берега Сылвы и в теплое время окутана туманами, равно как и тайнами...

дерева торчал огромный ржавый гвоздь. Неподалеку валялись консервные банки. Здесь явно кто-то отдыхал.

Позднее, собрав к чаю немного зверобоя и душицы, мы нашли колодец и тропинку к «Поляне Юриса», а оттуда пошли на «Вывал». Если то, что предстало нашим глазам, и было когда-то тем потрясающим «Вывалом», то теперь оно сильно заросло. Тайга умеет лечить свои раны.

8 августа. День прошел, как обычно, ознакомительно: общение с соседями по лагерю и периодически забредающими гостями (так, один «фотограф» за полтора часа монолога рассказал нам все, что знал, да и неудивительно, ведь он жил здесь один, с кошкой. «После него осталось ощущение, будто за ночь перед экзаменом выучил учебник китайского — в голове полный сумбур и ничего не помнишь»). Больше мы его не видели

Зато ночью «Зона» показала себя с новой сто-

включенном состоянии фары хорошего авто), мы осветили всю поляну, изучили каждую пядь земли в радиусе 5 метров от костра, но так ничего и не нашли. Даже угольков. Охотничий азарт сменился осторожностью. Подбросив в костер побольше дров, мы с Володей, не сговариваясь, встали спина к спине, поводя фонарями во все стороны и освещая ближайшие кусты, деревья... У обоих было яркое ощущение стороннего наблюдения, это чувство не оставляло нас около 10-15 минут и только затем резко прошло, будто переместилось на другой объект изучения. Еще немного посидев и попив чайку, мы полезли в палатку.

Поведав друзьям о явлении «саламандры» (как мы окрестили наше Нечто), мы обсудили события этой ночи. Версии были разными. В результате мы так ни к чему не пришли и стали собираться на прогулку. Тем временем на тропе у «Долины ужасов» появились люди. Оказалось, пермяки, да еще и йоги. Накормив их обедом и взяв для компании

одну пермячку, мы двинулись в сторону «Змеиной горки».

Это место считается самым красивым в «Зоне». Великолепный вид на реку с обрыва, сочные цвета уральской природы в яркий солнечный день, парящие в вышине птицы... «Змеиная горка» — идеальное место для медитации и размышлений. Оно расслабляет и успокаивает. Здесь незаметно проходит время.

Когда вечером мы вернулись в лагерь, то были очень удивлены: при приближении создавалось такое впечатление, будто на нашу полянку собрались все жители деревни и очень громко обсуждают вопросы коллективного хозяйства. Оказалось, что на нашей стоянке расположилась большая компания «йогов» в количестве 40 человек, а наши пермяки были ее авангардом. Люди были не только из Перми, но и других городов области. Как нам сказали, это был своеобразный ежегодный «съезд йогов» п-ной «ступени». Ну да. С детьми. Даже арбузы с собой привезти не поленились. Проводником у них был некий Виктор, пользуясь их терминологией, «гуру». Однако как сходили они в лес по грибы, так тем все и закончилось, а Виктор к тому же заблудился.

Что ж, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Добрые «йогои», наконец, обустроились, запалили два костра, сварили кашу, чай... и начали отмечать «встречу родственных душ». Тем временем второе кострище было обложено крупной галькой, сверху водружен тент, и перед нашими глазами выстроилась самая настоящая баня. Дети «йогов», похоже, были ко всему привычными, потому что, поужинав, сидели у костра и спокойно наблюдали происходящее. Позже, часа через полтора-два, я посочувствовал доброжелательности наших натур.

Ночь прошла чудесно. Скрывшись от гомона наших соседей в ближайшем лесу, мы слушали старые добрые песни, которые пели под гитару Андрей и Инна из Перми, пригласившие нас к себе в гости.

Тем не менее, больше всего нас поразили люди. Как правильно заметил потом Володя, «с одной стороны, они все разные, а с другой, их объединяет что-то общее». Каждый из них считает, что «Зона» меняет человека. Все романтично в это верят, все относится к «Зоне» ирреально, все ждут чего-то... как Сталкер Стругацких ждал чуда от «шара желаний», который решал все проблемы.

Человеку не надо искать какие-то причины, которые подвигнут его на изменения, он должен просто расслабиться и разобраться в самом себе. И для этого ему совсем не обязательно становиться «экстремалом» в «треугольниках» с их непредсказуемым воздействием на нервную систему. Достаточно заняться хотя бы... йогой. Главное, чтобы обстановка к этому располагала.

Следующее утро встретило нас мелким и нудным дождиком. Мы выступили в 10 часов; «Зона»

проводжала нас прощальными криками трех ястребов-перепелятников, один из которых кружил над нами аж до самой деревни. Перейдя вброд Сылву, мы прощались с этим уже ставшим родным для нас местом, чтобы снова приехать сюда когда-нибудь... До свидания и — здравствуй, «Зона»!

ИСТИНА ГДЕ-ТО РЯДОМ

«Там чудеса, там леший бродит...»
 А.С.Пушкин.

В июле 2004 года мы снова собрались в «Зону». Эта поездка была запланирована еще в прошлом году, когда мы с другом Володей искали спокойные места для водного туризма. Запаслись всем необходимым, взяли лодку и, втроем, выдвинулись. 31 июля, ночью, мы выгрузились на берегу р.Сылвы у приснопамятной деревни М.

Светало. Володя решил облегчить нам путь, забрал рюкзаки и поплыл к стоянке на «Змеиной горке». Мы с Олегом пошли пешком. Для всех путь предстоял неблизкий — около 10 км нужно было пройти нам (2,5 часа пешком налегке), чуть больше досталось Володе (6 часов сплава).

Пока мы с Олегом шли к нашему будущему лагерю, «Зона» встречала нас роями мух и слепней; ничего необычного за всю дорогу мы не встретили. Так, попалась разве что семья гадюк (штук 5-6), гревшихся на гальке у реки за «Долиной ужасов» и порскнувших в разные стороны при нашем приближении, да пара упитанных слепней, которых мы прогнали репеллентом.

Владимиру повезло больше. Как только он поплыл поворот реки за деревенским кладбищем, сразу же услышал громкий шелест («словно листья поют», — вспоминает он). Предположив усилившийся в кронах деревьев ветер, он посмотрел по сторонам и был сильно удивлен: был штиль, на небе ни облачка, деревья в лесу стояли спокойно. «Что же это тогда шелестит?» — подумал Володя и стал искать глазами источник звука. Им оказалась большая береза, листья которой и издавали этот шелест. Возникло ощущение, будто место здороваётся с ним таким необычным образом. Соседние деревья стояли спокойно и не шелохнулись. Лишь береза продолжала свою «песню», пока наш путешественник не оставил ее позади.

В наш приезд в «Зоне» почти никого не было, кроме двух групп, стоявших лагерем в лесочке у «Долины ужасов»: одна из Екатеринбургa, сплавлявшаяся по реке, другая — сборная команда «Екатеринбург-Космопоиск» из Свердловской области. Говорят, где-то в лесах остановилась еще и компания колдунов, но мы их не встретили, что, может быть, и к лучшему.

В первую ночь почти никаких аномалий обнаружено не было. Только мыши в конце обнаглели и шуршали вокруг костра, одна даже забралась в мою

палатку, а другая пробежалась по спящему Владимиру.

2 августа мы решили совершить восхождение на «Пирамиду»...

(СПРАВКА. «Пирамида» — горная гряда с обрывом на берегу Сылвы напротив Змеиной горки. Некоторые почему-то считают ее прототипом пирамиды Хеопса. Согласно байкам местных сталкеров, рассказываемых ночью у костра, раньше Сылва в другом месте русло держала. Обрыв у «Пирамиды» — продолжение обрыва «Змеиной горки». Так вот как инопланетяне-то прилетели да здесь обосновались — вырыли они новое русло, чтобы «Зону» реки оберегать. Взяли землю и вывалили куда-то в «Зоне», неподалеку будет... «Пирамида» примечательна еще и тем, что над ней столб энергии из Земли бьет. Там НЛО, когда мимо «Зоны» пролетают, энергией подпитываются. А если сфотографировать

дальше по горной гряде, вдоль берега реки, мы же повернули обратно. Видимо, Шамбала нас «не пустила».

Спустившись обратно к реке, решили осмотреть песчаник на обрыве, и каково было наше удивление, когда одна из легенд «М-ского треугольника» подтвердилась: на высоте около 12 метров мы разглядели изображение белого цвета, напоминающее контуры человеческого лица с бородой. Попробовали оставить автограф — склон оказался слишком крут. Добраться же до изображения «старца» не было вообще никакой возможности.

Оставили на пенечке кусок свежего хлеба и огурец.

3 августа ниже по реке от нас появились соседи — уже знакомая нам группа водных туристов из Екатеринбургa. Когда ближе к вечеру мы зашли к ним в гости, то были угощены только что пойманными

За этой травой скрываются останки «Дома Минотавра».

ее, то над ней шары всякие видны... А вообще-то там, на вершине, выход в Шамбалу. Рассказывают также, что один уфолог контактировал с «ними» (понимай — пришельцами) и пошел на эту «Пирамиду». Так больше его никто не видел: в Шамбалу его забрали. На обрыве же, на скалистом склоне этой самой пирамиды, если присмотреться, видно лицо старика с бородкой и в башлычке. Это что-то типа росписи инопланетян осталось, когда русло реки выкапывали...)

Переплыли на лодке реку и тут же обнаружили хорошо протоптанную тропинку, ведущую к полуразрушенному охотничьему домику. Точно такая же тропа вела и вдоль берега, над обрывом, к вершине «Пирамиды». Восхождение заняло минут 20 и закончилось... обычным лесом. Тропа вела куда-то

и зажаренными щуками. Вернулись к родному берегу у лагеря поздно ночью. Когда подплывали, освещали себе путь двумя мощными фонариками — «Варта» и «Турист», на 4 новых батарейках каждый. Тут и началось...

Реку перед нами, выше по течению, вдруг что-то осветило, будто шарик какой пролетел. Мы остановились и стали смотреть. Шары белого цвета, до 10 см в диаметре, летали через реку туда и обратно со скоростью 50-60 км в час. Они напоминали маленькие фонарики с желтым огоньком посередине. Так продолжалось минуты две, пока я не посветил на один из этих «фонариков». Тот вдруг остановился и мигнул. Я включил-выключил свой «Турист», «фонарик» продемонстрировал то же самое. После этого он медленно растворился в воз-

духе. Полеты остальных шариков тут же разом прекратились. Напрасно прождав 10 минут на берегу, мы так больше ничего и не увидели.

Это была наша последняя ночь на «Змеиной горке» и в «М-ском треугольнике» в этом году. На следующий день, совершив пеший марш-бросок до деревни, мы отправились обратно в Екатеринбург переваривать увиденное, делиться впечатлениями и строить дальнейшие планы. Может быть, в следующем году мы будем проплывать здесь с другим снаряжением и «Зона» вновь проявит себя с какой-нибудь новой стороны. Может быть...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

« — Ты действительно веришь в то, что проповедовал? »

— Я весьма доверчив, когда речь идет о моих словах. Я верю всему, что говорю, хотя и знаю, что я лжец.

Р. Железны «Бог света».

И действительно: что мы надеялись найти? Ртутное месторождение, чтобы с легкой руки назвать «гляками» наблюдения и впечатления сотен и сотен людей? Следы токсичных газов, таких, как углеродороды, фтор, отличающихся т.н. психотропным действием и вытекающими отсюда психическими расстройствами?..

А кто-то видит космические корабли инопланетян. Кто-то общается с «Высшим Разумом» и называет себя мессией. Да мало ли что? В лавине подобных фантазий сообщения о явлениях странных, непонятных теряются, лишаются своей неординарности, смешиваются с тем многообразием фальсификаций, захлестнувших одно время все СМИ мира.

(Председатель Молебкинского сельсовета Николай Ильич Алексеев:

— Все чудеса «М-ского треугольника» — бредни, основанные на вымысле. Просто для этой местности характерен геологический разлом, и какие-то аномалии, связанные с землей, присутствуют. Приезжали к нам исследователи из Кунгура с «тонким» оборудованием. Результаты потом сообщили: разлом проходит под самой Молебкой, да и «Зону» захватывает. Я сам ходил здесь с дозиметром, и что: обычный фон, в деревне — 5 микрорентген в час, в т.н. «Зоне» — девять. Все в пределах нормы. На местных геологических аномалиях сначала кому-то нужно было сделать научную работу, да и деревня сама ушла в запущение. Нужны были ей спонсоры. Правда, ни тогда, ни сейчас нам денег не дают: ни у кого их нет. А туристы только все дело испортили. Страсти вокруг этой местности накалялись, кто-то пустил слух про «инопланетян», вот и пошел нездоровый ажиотаж вокруг «Зоны». Я сам общался с этими «контактерами» — большие люди... Многие на этом пытались делать деньги, даже показывали новичкам «НЛО», пуская белые ракеты. А воздушные экскурсии на вертолетах? Никаких НЛО, тем более пришельцев, здесь нет...)

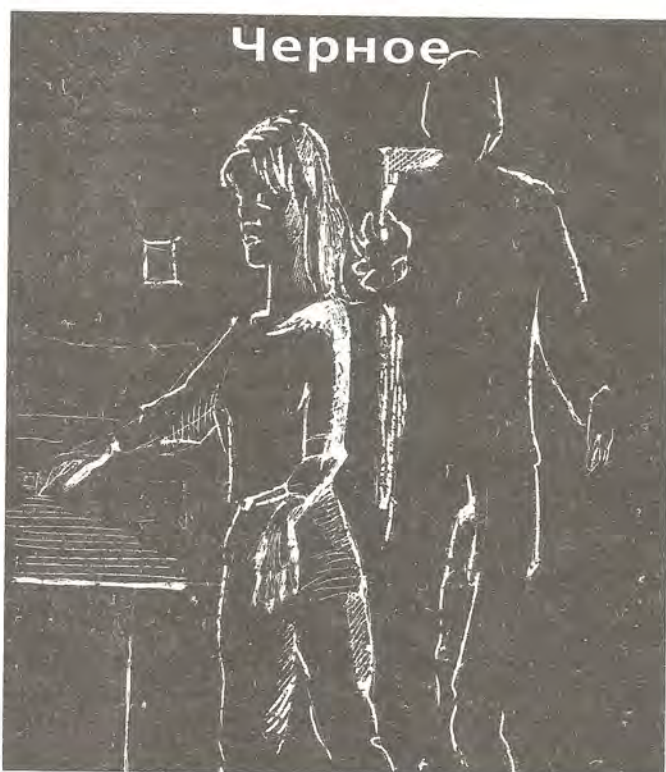
А как же загадки «М-ского треугольника»? Они остаются. «М-ский треугольник» по-прежнему с неиссякающей силой притягивает к себе все новые группы паломников, да и старые возвращаются туда, памятуя о былых приключениях, «незабываемых острых ощущениях». Некоторые сломя голову лезут на рожон, кладя на кон собственное здоровье, внушая себе и другим определенные «способности», собственную неповторимость и богоподобие, жажда, пусть — подсознательно, чтобы на них обратили внимание «высшие силы», и все за тем, чтобы оказаться потом у разбитого корыта...

Видишь солнце?

Видишь солнце? Нет? Странно... Я вижу... Ну что ты? Посмотри, вот ведь оно! Сейчас ночь? Ну и что? Солнце есть всегда, ты приглядишься... Оно яркое, теплое, оно светит. Ты мне не веришь? Хочешь, я научу тебя? Закрой глаза... Подними руки вверх... Теперь ты чувствуешь, что оно касается твоих пальцев? Чувствуешь??? А теперь – открой глаза... Ну что? Ты его видишь? Сегодня лучи совсем не такие, как обычно, они ярко-голубого цвета.

Видишь солнце? Нет? А я вижу... Приглядишься, оно ведь здесь, оно с тобой! Ну и что, что сейчас гроза? Закрой глаза... Ты чувствуешь, как оно скользит своими лучами по твоему лицу? Чувствуешь? Сегодня оно пришло к тебе и останется с тобой навсегда. Веришь?

Ты видишь солнце? Видишь? Странно... А я – НЕТ...

В дальней комнате свет. Хозяин комнаты очень странный человек. Он не любит свет. Но сегодня в этой комнате – свет.

За черной дверью совершенно черная мебель. Письменный стол, пара кресел, огромная софа. И все черное. Когда проникаешь в эту комнату тайком, боясь, что ее хозяин в любую минуту может войти, ощущения страха и любопытства переплетаются между собой. Но любопытство всегда сильнее страха. И вот я в этой страшной, странной комнате.

На черных, как смоль, стенах висят маленькие картинки, на каждой стене по одной. На картинках... Что бы вы думали? Да. Вы правильно подумали. На них нарисована ночь, черная страшная ночь. Он сам их рисовал. Вы никогда не увидите такую ночь. Он чувствует и видит ее совершенно

черной. Я открываю ящики письменного стола. В них пусто. И только черное дно. Зачем ему стол? Может, для интерьера. Я никогда не могла понять, чем занимается этот человек. Все, что его окружает – черного цвета: одежда, мебель, комната...

Скрипнула дверь. Он вернулся. Я не успела уйти. Страх и любопытство...

Он не сказал ни слова, просто кинул в меня каким-то черным порошком. С этой минуты я уже ничего не помню. Очнулась в кресле. В черном, наверное, мягком кресле. Этого я уже не чувствую. На мне надеты черные одежды. Моя кожа выкрашена в черный цвет. Я не реагирую на боль, не чувствую своего тела. Я вообще ничего не чувствую. Просто сижу в кресле, уже очень давно. Наверное...

Теперь я часть его интерьера.

Корабль

Корабль плыл по волнам черного злого океана, у которого не было названия. Не один день и множество ночей пришлось ему пережить. Прыгая с волны на волну, он боролся за свою жизнь каждую секунду. За свою? Именно за свою, так как был одинок, у него не было дружной команды. Даже мерзкие крысы покинули его, смиренно прыгнув в черные воды, почуяв беду еще в день отплытия.

Как все началось?

Корабль был стар, никто из моряков не хотел отправляться с ним в путешествие. Капитаны брезгливо смотрели на него, не желая управлять этой «посудиной».

Старик долго ждал своего часа. Ему надоело прицал с глупыми птицами, прилетающими, чтобы съесть свою добычу. Вечно голодные, они приземлялись на него, разбрасывая остатки еды по всей палубе. Он разрушался. Заживо погибал...

Корабль мечтал о буре. Он не хотел такой жизни и такого финала! Воспоминания о прошлых победах не давали старику покоя. Ему хотелось благородной смерти, он завидовал «Титанику». А ведь тот не заслужил славы, которая до сих пор тянется за ним синей лентой. Он погубил людей. Или люди его... Но это все равно лучше, чем быть обеденным столом для глупых чаек.

Однажды ночью, когда волны зашептали ласковые слова, корабль исхитрился, и вырвался из этой клетки. Вся крысиная братия, глазам своим не веря, выпрыгнула в воду, не желая отправляться на верную смерть – если уж не от разрушительных волн, то от голода.

А корабль медленно выплывал за пределы тоски к бующим и ждущим его Ласкам...

Он не знал, как забрел в этот океан. Повинуясь течению, просто плыл и наслаждался свободой.

Первый шторм не заставил себя долго ждать. Корабль разрывало, кидая из стороны в сторону, с волны на волну. Но желание жить – ЖИТЬ теперь, на свободе, было слишком велико, чтобы расслабиться и уйти на дно.

Он боролся, вбирая воздух ветров в свои легкие, и взмывал над водой!

Черные воды полюбили упрямого противника. Полюбили даже не его, а играть с ним. Они никогда еще не встречали корабль с таким желанием жить. Волны возвращались теперь каждую ночь и отрывали от него кусочки мачты. Однажды волна слишком заигралась, слишком увлеклась. Она накрыла его тяжелой простыней и повлекла за собой в глубины черного океана. Корабль медленно опускался все ниже, пока не уткнулся носом в грунт. Шторм наверху затих... Стало мрачно... Волнам не с кем было больше играть, и они поникли...

В эти глубины не приходят корабли с людьми. Сюда приплывают лишь те, кто остался один и ищет покой. Вечный покой... Печальный корабль огляделся вокруг. «Это кладбище кораблей», – подумалось ему. И он уснул, как на мягчайшей перине, погрузившись в свои воспоминания. Кораблю снятся сны о водах, в которые он никогда не приплывет...

А потом наступил рассвет...

Знаешь, вчера я видела птиц. Они поднимались над городом, превращаясь в маленькие черные точки. Я как заколдованная смотрела на них. Было странное ощущение полёта, словно душа оторвалась от тела и поднялась ввысь вместе с этой черной стаей.

Почему черной? Это были черные вороны или вороны. Мне больше нравится ВОРОН. А тебе?

Думаешь, это глупо – стоять посреди тротуара и пялиться на птиц? Да, да... На ворон. Может быть, ты и прав. Да, наверное, это глупо... Но знаешь, мне показалось, что я была счастлива, когда ощущала каждой клеточкой своего тела легкость от полета. Я думала, что мне больше ничего и не надо, только бы вот так лететь.

А потом какой-то прохожий толкнул меня, и я упала. Я не виню его, ведь он не мог ощутить этого, и

ему трудно было понять, куда он бросил меня. Я долго еще сидела на грязном снегу, пробовала снова взлететь, но у меня уже не получалось. Знаешь, люди проходили мимо и как-то странно оглядывались, что-то шептали друг другу. Я хотела прислушаться, но видела только гримасы, которые появлялись на их лицах после каких-то фраз и взгляда на меня. Потом я встала и пошла прямо. Иногда поднимала голову вверх, но птиц уже почему-то не было. И меня там тоже не было...

Когда я добрела до своего подъезда – поднялась по ступенькам на самый верх и каким-то чудом очутилась на крыше. Было темно. Я села на краю, свесила ноги вниз, подняла руки, и вдруг мне стало так же хорошо, как в тот раз.

А потом наступил рассвет...

Серебряков Евгений Геннадьевич родился в 1970 году в городе Новоуральске Свердловской области. В 1999 году закончил УрГУ по специальности искусствовед-культуролог. В 1987–1997 гг. - выступал в составе рок-группы «ВВС бэнд» (вокалист, автор текстов песен). 1999–2001 гг. - заведующий литературной частью Театра оперетты Урала (Новоуральск). С ноября 2002 года – корреспондент городской газеты «Нейва». Автор нескольких сборников стихов, повестей и рассказов.

Это снова вернулось и ждет,
И листа тонкий лед
Расколоть и упасть в хоровод
Народившихся строчек,
Непрестанно зовет и звенит,
Но торопит восход,
И в подушку зарывшись лицом,
Я строчу многоточие...

Смотри в мое окно:
Я больше не герой
Твоих усталых снов.
Я наряжаю елку,
Веду детей в кино,
А сам без толку
Слоняюсь по буфетам.
Все равно,
Где жить, с кем пить...
Не отвечать на письма,
Посредственность свою
Закинув в потолок,
Плыть в миражи,
Пока вино не скиснет,
Писать стихи, не разбирая строк.

Мы упали в ячменное поле,
Мы упали в чужой огород.
Но недолго гулять нам на воле –
Нас случайный прохожий найдет.

Под дождем из размокшей газеты
Слепит дом нам заботливый гном.
Будешь ты весела и согрета,
Буду я и свечой, и огнем.

А когда рано утром, босая
И раздетая, выйдешь за дверь,
Я под крик петуха растаю...
Вот и все, что случится, поверь.

Я хочу стать бездомной дворнягой,
Зауряднейшим псом беспородным,
Чтоб лакать из ручья,
Из любого оврага
Отражение дикой, озлобленной морды.

Я хочу чувствовать колыханье
Остывающих звезд и запах
Свежей крови – смерти дыханье,
Что крадется на мягких лапах.

Первой встречной болонке игриво
Подскулить: сколь изящна она!
И, вцепившись зубами в загривок,
Изливать свою похоть до дна.

А потом... неожиданно вспомнить
И, оборванной цепью звена,
Истступленно лизать вам ладони,
Чтобы вы не прогнали меня.

Я – великий отшельник
В стране опечатанных комнат.
Я – беглец из толпы
суетливых изношенных дней.
Мой любимый наряд –
Мрак –
Нещадно измят. У порога
Наступают друг другу на пятки
Мечты
И вопят: «По последней?»

Я – наследник несметных сокровищ,
Утративших цену.
Как дракон, стерегущий империю,
Павшую в прах,
Я стою на часах. Но часы
Замышляют измену –
Отпевает кукушка наброски
Фраз в черновиках.

Торопливо считает, спешит
Птица глупая, вещая,
Вычесть лучшие годы (гадалок иных не ищи).
Королевскую мантию
сшить мне портной обещает,
А наутро приходит снять мерку
Хромой гробовщик.

Котенок, играющий пестрым клубком
Из увязшего в вечности нитей хаоса,
Извлекает отточенным коготком
Бесконечных волокон связь.
Я улыбаюсь,
Наблюдая, как медленно рушится мир,
До конца не разгаданный мною,
А пушистый алхимик,
Без книг и пробирок,
Увлеченный веселой игрой,
Раскрывает мне тайны Вселенной столь щедро,
И так эта наука легка,
Что, закинув на полку Спинозу и Шпенглера,
Я несу ему блюдце, полное молока.

Поедем в Петербург – опальную столицу, –
Бродить по переулкам до зари,
Пить терпкое вино и пыльные страницы,
Цитатами стрелять в слепые фонари.
Давай найдем места, куда не заходили
До этого ни я, ни ты. Скорей!
Нас ждет кораблик
над Адмиралтейским шпилем
И экипаж, открытый у дверей.

Словно щелканье тысяч бичей,
На безмолвия рвущийся ситец
Враз обрушило стаи грачей
Небо сонное, синюю насытятся.

И опять на полуденный звон,
В стрекотанье травы, сквозь кустарник,
Хлынул ливень из мутных окон,
Обрывая крылатые ставни.

За раскатами грома, вразнос,
Опустевшая сразу терраса,
Как по швам, поползла под откос
И всплыла силуэтом баркаса.

В сад из комнат спустившись, лови
Сквозь туман золотистую пряжу –
Уронив лепестки на клавиры,
Мокнет солнце в далеком пейзаже.

Недели-близнецы похожи на вагоны.
Состав на стрелках выбивает марши –
Вновь мельтешат за стеклами оконными
Весны и лета призраки. Мы страшно
Удалены от пункта «А»,
навстречу
Несется сектор с литературой иной.
А время мчит со скоростью картечи
Да бьет навывлет тяжкою виной,
Что ты ошибся веком и страной.

Когда мы, не дослушав сказки,
Пойдем звенеть во все звонки,
И по мирам себя растаскивать,
Из небылиц плести венки,
Нарвем запретных яблок с древа
В чужом саду среди могил,
Всех распугаем (крикни: «Где вы?» –
Погаснут зеркала светил), –
Тогда, назло пустой вселенной,
Ты рассмеешься так легко,
Что ржавый маятник Фуко
Вновь медленно качнется влево.
Еще...

Я слушаю джаз.
Свет погасим.
И лишь радиолы шкала
Станет матовой зеленою
В сумерках лета гореть.
Просто слушаем джаз.
Сядь поближе,
Я знаю: ты тоже устала
Подниматься до звезд и звенеть.
Оркестровая медь
Раздувает уснувший костер,
А казалось – лишь пепел да смерть.

Далеко-далеко, в океане,
В бесконечной дали голубой,
Есть еще острова без названия,
Где мы счастливы были с тобой.

Там по-прежнему в бухте хрустальной
Спит ветрами расколотый бот,
Мячик солнца над дальними пальмами
И – в тумане – коралловый грот.

В этот грот драгоценные вазы
И кувшины с искусной резьбой,
Изумруды, янтарь и топазы
Собирает послушный прибор.

Там томится на бронзовом ложе
Дева, взором которой пленен.
Стережет этот грот, быть может,
С золотистой кожей дракон.

И когда моряки на причалах
Собираются в дальний поход,
Я пою о туманах и скалах,
Что скрывают коралловый грот.

В бесконечные зимние утра
Я слежу сквозь узоры стекла
За холодным огнем перламутра,
Огранившем озер зеркала.

Но мне грезится вспоротый штормом
Звездный занавес южных широт,
Где уже, невесом от снотворного,
Спит в тумане коралловый грот.

Вот стихи о Прекрасной Даме,
Доведенные до абсурда.
Я, небритый и в мятой пижаме,
С рюмкой вермута каждое утро
Провожая ее до дверей,
Нервно шарю в пустом кармане,
Выскребая последнюю мелочь
На такси ей.
Предвижу заранее
Глаз прекрасных упрек: «Кабальеро,
Разве так любят женщин в Испании?»

* * *

Черная полночь
 Качала челн, полный
 Звезд. В избылии
 Сыпались сочные
 Зерна их
 В волосы включенные.
 Жадные губы искали движение
 Губ, обреченных пить
 В полночи черной
 Нектар наваждения.

* * *

Устала, уснула на стали стола,
 Салфетку под голову подстлав.
 Странно – в момент онемели будильники,
 Винтики выкатились все и сгнули.
 Дремлешь ты сладко так, словно столетие
 Век не смыкала, страшись умереть.
 И я тоже, должно быть, кажусь тебе трепетным
 Сном, что ты можешь и не досмотреть.

* * *

Мы обречены на бесславное плаванье,
 С которым не можем расстаться.
 Под кислотою немного отчаянья
 Плацента сияющих звезд разлагается.
 Тихая старость, медленный обморок,
 Кома, шальные фантазии
 Ждут нас за дверью угрюмого доктора
 С кратким рецептом: «Забыть об экстазе».

И я расстаяю со своим экипажем,
 Я списан на берег волной.
 Я стану теперь, недоступный и важный,
 Прокладывать курс от пивной до пивной.

Давайте смеяться – в нас нет больше смысла,
 Сожгите весь парусный флот!
 Я пью за надменную радость артистов,
 Шагающих на эшафот.

* * *

Безмолвным облаком
 Скользить над океаном,
 Томиться набухающим дождем,
 Не донести – пролиться в чернозем,
 Повиснуть на ветвях большим туманом
 И так уснуть, не вспоминая ни о чем...

АВЕРКИЕВА Л., беллетристка.

Сотр. «Русских ведомостей» (1905).

Венгеров. Источ.

АВЕРКИЕВА Софья Викторовна (1840 - после 1917), драматург, переводчица, авт. воспоминаний.

Актриса. Жена драматурга и прозаика Д.В.Аверкиева. Перевела, напр., под крипт. Н.Н. водевилей А.Мельяка и Л.Галеви «Комиссионерская контора «Трикош и Коколе» (СПб., 1878). Авт. воспоминаний «Памяти М.Г.Савиной» \ \ «Наша старина». 1915. № 11. О ней пишет в «Дневнике и записках» Е.А.Штакеншнейдер.

Масанов; ИДРДВ. Т. 3. Ч. 3. № 6747.

АВЕРЬЯНОВА Е.А., дет. писательница.

Автор кн.: «Две силы», пов. для детей сред. возр. (СПб., 1914); «В белом зале», две пов. (1913); «Весенняя сказка», ром. для юнош. (СПб., 1912) «Иринкино счастье», пов. для детей сред. и старш. возраста (СПб., 1910.); «Малышам», рассказы для мл. возр. (Пгр., 1915); «На заре жизни», пов. для юношества (Пгр., 1911), «Принц Форк де-Форкос», драм. сказка в стихах» (СПб., 1914) и др. «Кити Пуст маленькое чудовище», расск. для детей средн. и старш. возр. (СПб., 1910). Многие книжки А. были изданы М. Стасюлевичем.

Венгеров. Источ.

АВЕРЬЯНОВА Лидия, поэтесса.

Последняя «сребровечница». Упом. в кн. «Сто одна поэтесса серебр. века».

АВИЛОВА Лидия Алексеевна (урожд. Страхова; 1864, по др. свед. 1865 - 1943), прозаик, мемуаристка.

Сестра публициста Ф.А.Страхова. Автор рассказов и повестей, первоначально печатавшихся в газетах и журналах народнического направления. Первый рассказ - «Две красоты» («Живоп. обозрение». 1890. № 52). Первая повесть - «Наследники» («Рус. бог.». 1898. № 9). Иногда выступала под псевдонимом «Л.Страхова». На литературную судьбу А. заметное влияние оказало знакомство, общение и интенсивная переписка с А.П.Чеховым. Даже манера ее письма стала походить на чеховскую. Рассказ «Забытые письма» («Петербург. газ.». 1897. 9 июня) удостоился высокой оценки мэтра. А. одна из немногих современников Чехова высоко оценила «Чайку» после провала ее первой постановки. Широко известные в литературе ее воспоминания «А.П.Чехов в моей жизни» (полностью напечатаны в сб. «Чехов в восп. совр.») вызвали неоднозначные оценки современников и критики.

«Русские писатели» (портр); КЛЭ; Венгеров. Сл. (Автобиография); Зайцев, Б. «Далекое». М., 1991.

АВИЛОВА Парасковия Андреевна, литературопедагог.

Составительница пособий для нач. обучения. Сост. «Азбуку для совместного обучения чтению и письму». СПб., 1904; 2-е изд. 1905. Сост. кн. «Детский мирок. Книга для чтения после азбуки в школе и дома. Со многими рис., с материалом для церков-

(Продолжение на стр. 42)

Как матушка Александра Ишим на Нью-Йорк променяла

Матушка Александра.

Если Тюменская область – это юг Западной Сибири, то Приишимье – самая южная ее часть: дальше начинается Казахстан. Центр Приишимья – город Ишим, чья история насчитывает более двухсот лет. Строительство его преследовало лишь одну цель – защиту освоенных сибирских земель от набегов воинственных соседей. Но уже к середине XIX века Ишим стал центром торговли, купеческим городом, удивившим всю Россию своими ярмарками, особенно зимней Никольской. Начинались они у стен Богоявленского кафедрального собора – первого городского каменного храма, построенного в конце XVIII века и сохранившегося до нашего времени. Это главная архитектурная и историческая достопримечательность города. В ясную погоду храм виден издали – его создатели воздвигли собор на высоком берегу реки, там, где когда-то стояли стены острога и избы первых поселенцев.

Ишимские хроники

Вид г. Ишима.

Когда-то город украшали пять церквей. А вот монастырей в Ишиме не было. Первый женский монастырь открылся здесь лишь в марте 2003 года. Событие, не ставшее достоянием широкой общественности. Быть может, сей факт ускользнул бы и от моего внимания, если бы не один маленький нюанс, который не мог не заинтересовать: игуменья монастыря – матушка Александра – приехала в сибирскую глубинку... из Нью-Йорка.

Поясню для людей малосведущих: на сегодняшний день в Тюменской области действуют две епархии – Русской православной церкви во главе с владыкой Дмитрием и Русской православной церкви за рубежом во главе с владыкой

РЕКА ВРЕМЕНИ

Евтихием. Этой последней и принадлежит религиозная община, созданная при Богоявленском соборе, а теперь еще и женский монастырь в честь святителя Иоанна Шанхайского, который возглавляет американка русского происхождения.

Монастырем оказался обыкновенный деревянный двухэтажный дом на окраине города, расположившийся на маленькой тупиковой улочке позади собора на берегу реки Ишим. Палисадник, огороженный невысокой, но зато чугунной кованой оградой, небольшой двор за деревянным забором – все просто, почти по-деревенски. Тяжелая, обитая ватой и дерматином дверь, за ней горница с большим деревянным столом. На нем – хлебные крошки: обитательницы монастыря только что трапезничали. На белых стенах пейзажи и натюрморты – дело рук монастырских послушниц.

Русские славятся радушием и гостеприимством, иностранцы – открытостью и раскованностью. В матушке Александре удивительно сочетается и то и другое. Невысокого роста худощавая женщина с лицом, тронутым временем, но притом очень подвижным, живым, на котором отражаются все эмоции, переживаемые в ту или иную секунду, с черными молодыми глазами не уставшего от жизни человека. Она беседовала со мной в библиотеке, маленькой скромной комнатке, где основное место занимали полки с церковными книгами. С любопытством посмотрела на диктофон: «А я думала, вы в блокнот записывать будете...»

Матушка Александра, в миру Марья Дмитриевна Чернявская – из тех русских эмигрантов, что покинули Родину в далекие двадцатые, бежав от большевиков и разрухи и гражданской войны. Аристократическое свое происхождение не скрывает, не называет девичью – родовую, очень, по ее словам, известную фамилию отказывается наотрез: этот этап жизни, говорит, в прошлом, хотя мы его оплакиваем до сих пор.

Большую часть своей жизни она прожила в Америке, – туда переехали после второй мировой войны все оставшиеся в живых члены их семьи. Единственный ребенок, – у нее прозвучало: «который выжил, которого спасли», – она с детства мечтала посвятить себя Богу, но родители настояли, чтобы дочь выполнила долг перед семьей и продлила свой род. Она исполнила их волю: закончила университет, вышла замуж, родила и вырастила двоих де-

Послушницы делают свечи.

тей, но никогда не прерывала связь с Богом.

– Я служила всю жизнь Богу, много помогала церкви, ездила со священниками в больницы, в тюрьмы. И всегда мечтала уйти в монастырь. И наступило такое время, когда я смогла осуществить свое желание.

Почему? – мне, атеистке, этого, наверное, не понять никогда. Но матушка терпеливо поясняет:

– Почему человек, скажем, идет служить Терпсихоре? Это необъяснимо. Это стремление души... Как объяснить порыв своего сердца? Знаете, недавно владыка попросил меня съездить в дом ветеранов. Эти люди всегда были коммунистами, ничего не знали о вере и Боге. Но мы пропели литургию, и эти старушки пели вместе с нами и плакали. Они хотели причаститься и исповедаться. Когда приходит милость божья в душу – это не мне судить. Каждый человек приходит к Богу в свое время.

О том, что в России, в далекой Сибири, где матушка Александра никогда не была, есть город Ишим, она узнала от владыки Евтихия, с которым познакомилась в Нью-Йорке.

– Я подумывала о том, чтобы уйти в монастырь. А владыка пригласил меня помочь ему с клиросом (церковным пением), сказал: «Вы же всегда сможете уйти. Но сначала помогите нам». Мне было неловко ему отказать, хотя я об Ишиме даже не слышала. Кроме того, меня тянуло в Россию. Хотелось побывать в Москве, в Санкт-Петербурге, проехать по Золотому кольцу. Я хотела увидеть свою Отчизну!

Владыка, хотя и не надеялся, что удастся «завлечь» матушку в «свои сети» – слишком многих при-

глашал и слишком многие испугались, — тем не менее знал, на чем сыграть, какую струнку задеть: русская эмиграция той, первой волны до сих пор живет воспоминанием о покинутой некогда Родине, мечтая вернуться и хотя бы ладонью коснуться русской земли.

— Наша эмиграция была вынужденной. Нас осуждают иногда: мол, покинули Россию. Но даже с христианской точки зрения: когда Ирод преследовал Христа, когда было избивание младенцев, ангел явился и вывел иудеев, чтобы сохранить им жизнь. Так и эмиграция: мы уехали, чтобы сохранить жизнь. Но никто не думал, когда уезжал, что это навсегда.

Русских в Америке больше чем достаточно. Но с ними, выехавшими в последние годы, матушке Александре хотелось общаться меньше всего.

— Мне хотелось видеть русских, которые живут в России и когда-нибудь поднимут ее с колен и приведут в человеческий вид. А те, что ехали за границу прожигать наворованные рубли, — они оскорбляли мое внутреннее патриотическое чувство: их же не притесняли! Как можно бросить Россию невынужденно?! Я искала настоящую русскую душу.

— Приезжайте к нам в Ишим, — сказал ей владыка Евтихий, — у нас русские такие, какие они есть, без всякой украски.

По-русски матушка говорит чисто, но все равно как-то... не по-нашему. Слова у нее круглые, словно шарики. Букву «Ч» выговаривает, как будто специально акцент на ней делает: «конечно». Когда я замечаю это, она соглашается:

— Наша речь застыла, так же как английский у американцев. У англичан язык развивался, а американцы говорят так, как говорили их предки, уехавшие двести лет назад. Вот и мы говорим так, как говорили наши родители, уехавшие из России в начале века, наш язык архаичен: произношение, интонации.

Первый раз матушка приехала в Россию в девяносто пятом году. Стоял июнь — пора цветения, буйства красок: свежая, обжигающая зелень лесов; желтые, розовые, сиреневые цветы, синие озера...

— Путешествие поездом через всю Россию на меня произвело такое впечатление!.. Я ехала и видела красоты, о которых даже не подозревала! Я представляла себе Россию другой: сплошь степь, ровная пахотная земля, и колыхаются колосья — вот для меня была Россия! И вдруг... Может быть, и на-

Здание монастыря.

вно то, что я вам сейчас говорю... Я смотрела на каждый домик, на все эти наличники, на резьбу... Люди не понимают и не ценят, какая в этом красота! Во мне заговорила моя кровь, если можно так сказать, весь мой патриотизм...

Тот первый восторг, конечно, прошел. Красоты красотами, а реальная действительность оказалась совсем не такой, какой пред-

ставляют ее себе пресытившиеся благами цивилизации русские эмигранты, ностальгируя по лубочной, патриархальной Руси. Здесь, в Ишиме, матушку Александру ждал разбитый, в аварийном состоянии дом на задах собора, на узкой грязной улочке — бывший детский сад, который нужно было приводить в божеский вид, прежде чем начинать в нем жить и работать: владыка Евтихий предложил открыть при Богоявленском соборе маленькую общину.

— У нас не было ничего, и мы все делали сами. Строили на свои деньги и на те, что нам жертвовали. Один предприниматель поставил забор; крышу помогла сделать городская администрация; моя подруга пожертвовала деньги, и мы купили большую морозилку — теперь все наши запасы можно заморозить, а раньше часть у нас пропадала. К нам приходят местные люди, и нам хватает продуктов, чтобы помочь беднякам. Господь дает нам хороший урожай.

Может, я чего-то не понимаю? Мы прожигаем жизнь в поисках богатства и успеха, в постоянных жалобах на судьбу, а тем временем обыкновенная, в общем-то уже немолодая женщина, не героиня, не карьеристка, оставляет дом, семью и красивую, безбедную жизнь в Америке, приезжает в сибирскую глубинку и в полном смысле этого слова борется здесь за элементарное человеческое существование. Почему?!

Тут матушка Александра признается, что несколько раз пыталась уехать. И я пытаюсь ее «поймать»:

— Что, быт испугал?

— Не-е-ет! Меня быт не пугал. После войны в Германии в американской зоне оккупации собрались беженцы — из Югославии, Франции, России, из самой Германии. Мы жили, я помню, в бараке, и я спала в детской колыбельке со своей тетей: она была маленькая, тоненькая, сворачивалась в калачик и обнимала меня. И спали мы под зонтиком,

потому что с потолка капало... В Америке тоже сначала было тяжело: жили в пристрое над гаражом... Так что бытом меня не испугаешь. А уезжала потому, что меня тянуло к монастырю. Я думала, что буду жить в Ерусалиме, где осталось еще несколько русских монастырей. Но... уеду, позвоню сюда, а меня зовут, владыка ждет, и меня обратно тянет. Я уже корни здесь пустила...

Матушка Александра.

А потом милостью божьей, как говорит матушка, начали приходиться сестры, услышав, что есть человек, который стремится создать монастырь. Рядом с уже отремонтированным домом, у которого надстроили второй этаж, — там теперь маленькие кельи, где живут сестры, — прикупили второй: здесь свечная мастерская, здесь же в скором будущем будут писать иконы — молодых послушниц обучает иконописному мастерству мать Иоанна.

Владыка Евтихий дал сестрам скит — в Борках, в четырех километрах от Ишима; купили землю, корову, вторую им подарили, думают приобрести пасеку — зимой будут с медом. Всем хозяйством «командует» мать Ольга — она помогала матушке с первых дней. И наконец, в марте владыка добился главного: маленькой общине, объединившей двадцать женщин — монахинь, послушниц и трудниц, дали статус монастыря. «Монастырь — это милостью божьей, — говорит матушка Александра, — и теперь не то что самой уехать — насильно не выгонишь».

— Но он не похож на монастырь, — пытаюсь я не то поспорить, не то просто слово поперек сказать, — монастырь — это высокие стены, темные коридоры, узкие кельи. А у вас обыкновенный светлый просторный дом...

— А я люблю свет! Высокие стены — было бы хорошо, но деньги не позволяют. Я благодарю Господа Бога за то, что у нас есть такой. Могло бы никакого не быть.

За стеной библиотеки — кабинет матушки. Оттуда доносятся звуки музыки — сестры Анна и Евгения переключают на ноты церковные песнопения. Они совсем молодые — лет восемнадцати-девятнадцати. «Девчонки!» — обращаюсь я к ним и осекаюсь: «Ой, что-то не то сказала?!» «Сестры», — с улыбкой поправляет меня матушка. А они переглядываются и смеются.

— Местные ловеласы не досаждают? Все-таки у вас молодые женщины...

— Бывает, когда напьются. Они не соображают, кричат: «Девки, что вы тут делаете?! Идите к нам!»

А на следующий день приходят и у меня же просят прощения: «Матушка, мы, может, обидели ваших сестер? Простите!»

О том, как матушка Александра пугала местных хулиганов, мне рассказал владыка Евтихий. Было это в самом начале ее ишимской эпопеи. Как-то осталась матушка в доме вечером одна, слышит: кто-то в дверь ломится.

Подскочила, да как крикнет громко: «Кто здесь?!» Лихоимец там, за дверь, испугался и бросился прочь, только подметки затрещали... Утром матушка о маленькой своей победе владыке рассказывает, а он смеется: «На каком, — спрашивает, — языке вы, матушка, с ним разговаривали? На английском? То-то он и испугался». По-английски безобидный вопрос «Who is here?» очень по-русски звучит.

В Ишиме матушка Александра живет уже семь лет. В Америке, конечно, бывает часто — там дети, внуки, тетя, которая осталась на ее попечении.

— Как родные прореагировали на ваше решение уехать?

— Мама была еще жива, и она меня благословила. Дети у меня верующие, особенно сын — он до сих пор прислуживает в церкви. Дочь сказала: «Ты заслужила право сделать выбор. Я тебя благословляю!» (матушка смеется: «Она меня благословляет!»). А потом начала ревновать меня к России: «Ты больше любишь тех там, чем нас! Я тебя благословила в Россию (я не улыбулась, поверьте!), но это не значит, что ты должна нас забыть». Я их не забываю, но я уже не та. Все мои заботы здесь.

— Там внуки растут. Не скучаете по внукам? У нас

Сестры Анна и Евгения.

в России культ бабушек. Бабушки – это наше все.

– В этом смысле я – американка. И детям моим в голову не могло бы прийти, что я буду сидеть с их детьми. Они были готовы к тому, что я уеду. Без вашего согласия, сказала я им, не уйду, но что вы хотите: ждать моей смерти, а потом делить наследство, или лучше я отдам вам все сейчас? Я их «купила»...

– Купили свою свободу?

– Нехорошо так говорить, но это факт. Я все им отдала, оставив себе лишь небольшую часть, чтобы, не нуждаясь, дожить до пенсии.

– И не жалеете?

– Да как можно жалеть?! Я только жалею, что сейчас Америка ведет войну, и войну безнравственную – из-за нефти. Терроризм – это только предлог. Но большинство американцев искренне верят, что борются против терроризма.

Семья матушки Александры оказалась в эпицентре событий 11 сентября 2001 года. Слава Богу, у них никто не погиб, но сын ее, детектив криминальной полиции и капитан запаса американской армии, был среди спасателей – тех, кто спускался в подвалы Международного торгового центра в тщетной надежде найти живых. Им не повезло, они доставали лишь трупы и останки тел. Его жена, судмедэксперт, занималась опознанием погибших.

– Мой сын, он чуть не сошел с ума. Начал настаивать на том, чтобы продать дом и уехать в глубинку, иначе террористы всех уничтожат...

Летом матушка ждет его в гости. Сын хочет посмотреть, что же так притягивает ее к этому далекому сибирскому городку со странным названием Ишим.

Для многих, особенно для нас, русских, поступок матушки Александры необъясним: жить хорошо за границей, вернуться в необустроенную, суровую и неласковую к своим, не то что к пришлым, Россию и уже не мыслить себя вне ее. Почему?! Но для матушки такой вопрос, похоже, даже не стоит:

– Я искупаю вину своих предков перед Родиной. Я считаю, что вина за то, что с ней произошло, на всех нас. Мы допустили это тем, что отошли от церкви и от Бога.

Богоявленский собор.

но-славянского чтения и образцами для самодеятельных упражнений в правописании». СПб., 1904. Авт. кн. «На лесной полянке. Сцены для детского театра». СПб., «Морев», 1901. РНБ.

АВЧИННИКОВА В.

(См. Архангельская В.В.)

АГАДЖАНОВА Нина Фердинандовна (1889 – 1974), авт. воспоминаний.

Член РСДРП с 1907 г., большевичка. «Связная» – в кн. «Всегда с вами: Сб., посв. 50-летию журнала «Работница». М., 1964. С. 72-74.

ИДРДВ. Т.5. Ч.2. № 839.

АГАПКИНА Анна, беллетристка.

Крестьянка дер. Сеитовой Касимовского района Рязанского округа. Авт. кн. «Вихран»: Расск. (М., 1930).

Старцев. РНБ.

АГЛИНЦЕВА Екатерина Давыдовна (1883 – 1969), авт. воспоминаний, краевед.

Дочь полковника Д.О.Аглинцева, друга художника Н.А.Ярошенко. Композитор, преподаватель Рязанского музыкального училища. Написала воспоминания «Друзья художника». – в кн. Секлюцкий В.В. «Н.А.Ярошенко». Ставрополь, 1963. С. 93-98. (Жизнь Ярошенко в Кисловодске. Его жена. Посетители дома: Ф.И.Шаляпин, Л.В.Собинов, К.С.Станиславский, К.И.Збруева, М.В. и О.М.Нестеровы).

ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 6372. Личные архивные фонды. Т. 3.

АГРЕНЕВА Зинаида Алексеевна

(См. Вердеревская З.А.)

АГРЕНЕВА-СЛАВЯНСКАЯ Ольга Христофоровна (1847 – 1920), поэтесса, этнограф.

Композитор; жена певца и дирижера Д.А.Агренева-Славянского. Печаталась в журн. «Отдых христианина» (1915), газете «Киев. слово» (1890). Автор «Кантаты по случаю священного коронавания е.и.в. государя императора Николая II...» (1896), а также «Описания русской крестьянской свадьбы, с текстом и песнями...» (3 части, 1887-1889). Издала два сб. обработок песен из репертуара капеллы Агренева-Славянского: «Описание всех обрядов свадебного дня» (Тверь, 1887); «Плачи и причитания по умершим и по рекрутам» (Тверь, 1889).

Масанов; Венгеров. Источ.; БСЭ.

АГРИКОЛЯНСКАЯ С.А., краевед.

Сотр. «Ярославских губ. вед.» (1880). Авт. брош. «Село Краснораменье Ростовского уезда (этнографический очерк)». [Ярославль]. Тип. Губ. правл., 1888. Извлеч. из «Ярослав. губ. вед.».

Венгеров. Источ.; РНБ.

АГРИНСКАЯ Н.

Сотр. «Саратовского дневника», газеты лит. и политич.; изд. с 1877 по 1907 г., а также в 1907-1917 - вместо «Сарат. вестника».

Масанов.

АДЕ С.

Сост. кн. «Подарок женщине. Необходимая в руках образованной женщины книжка». Вильна 1886.

РНБ.

(Продолжение на стр.51).

Владимир ТРУСОВ,
фото автора

Кристалл «Малютка»

Кварц – один из самых распространенных минералов, и его кристаллические формы легко поддаются определению. Его никоим образом не следует исключать из разряда самоцветов. Обычный бесцветный кварц, известный под названием «горный хрусталь», может быть таким блестящим и водяно-прозрачным, что его сверкающие камни иногда называли алмазами, несмотря на почти полное отсутствие в них игры света. Химически чистый кварц лишен окраски; когда его впервые обнаружили в Альпах, думали, что он

представляет собой форму замерзшей воды, и поэтому назвали его хрусталем (от греческого «кристаллос» – лед).

В мае 1966 года на Теренсайском месторождении пьезооптического кварца в Оренбургской области для разведки этого объекта был задан шурф. На глубине около 13 метров ствол шурфа вошел в крупную хрусталеносную полость. Первым был добыт знаменитый кристалл горного хрусталя «Малютка», имеющий длину 170, толщину 80 см и вес 784 кг. Кристалл подняли из шурфа автокраном. Рассечкой, пройденной в северном направлении на расстояние всего лишь 1,7 см, было встречено еще два крупных кристалла кварца, в том числе один крупнее «Малютки» – длиной 180 см и весом около 900 кг, но разбитый поперечными трещинами на несколько частей. Он был назван «Гигантом».

Работы на Теренсайском месторождении в 1966 году велись до глубокой осени. Небольшой участок был насыщен техникой – буровыми агрегатами, бульдозерами, экскаваторами, грузовыми машинами. Разборка хрусталеносной полости, как и положено, велась вручную. Кристаллы кварца прикреплялись тросами к ковшу экскаватора и грузились в машины. Было добыто большое количество крупных кристаллов кварца. Одиннадцать «кристалликов» весили более 500 кг каждый. Они были похожи на «Малютку», только меньших размеров.

Сейчас кристалл горного хрусталя «Малютка» выставлен для обозрения в Екатеринбурге при входе на второй этаж Уральского геологического музея.

Вверху: Денисов-Уральский.

Урал. Буря над каменной кварцевой россыпью.

Внизу: кристалл «Малютка». Фото автора.

ОБРЕЧЁННЫЕ

Невероятная жара и скучная дорога вконец утомили меня. Пристроив поудобнее неподвижную правую руку, я стал медленно погружаться в сон...

...Та-та! Та! Та-та-та!

– Смирнов, справа прикрой!

Тр-ра-та! Та-та-та! Фьи-ить! Трра-та!

– Мишка! Мишка, патроны береги, чтоб тебя...!

Та-та! Та!

– Смирнов, слева заходят! В оба гляди!

– Вижу! Щас я сниму их!

– Смотри, как бы... Витька, сбоку!

Фьи-ить!

– Ви-итька-а!!!

Кр-рах-х!...

Проклятье! Опять эта чёртова война! Как вернулся, только она и снится! И угораздило же наскочить на эту пулю, чёрт бы её побрал! Или она на меня наскочила... Впрочем, теперь уже неважно, кто на кого наскочил. Результат важен. А результат какой? А такой вот и результат! Считай, что осталась от тебя только половинка! Вот когда позавидуешь парням, которые ТАМ остались! Их-то совсем нету...

Ладно, перебежусь! Где наша не пропадала! Каждому своё, как говорится. Кому-то в мир иной отправляться, кому-то нормально жить, а кому-то, вроде меня, жить не очень нормально. Судьба, значит, такая!

– Вить, ты чё, спишь что ли? – спросила сестра с переднего сиденья «девятки».

– Да так – прикимарил немножко... – зевнув, ответил я.

– Хе-хе-хе! – отозвался с водительского места её муж.

И угораздило же мою сестрёнку отхватить где-то такого урода! Морда как у хомяка, макушка с проплешиной, в плечах, конечно, здоровый, однако живот заметно отвис. Этакий недоделанный «качок». И, ко всему прочему, с явной умственной недостаточностью. Сестра говорит, денег у него много. Ничего себе, много! Те, у кого денег по-настоящему много, нынче на иномарках раскатывают, а этот всё ещё на «девятке» «пылит»! Тоже мне «подпольный миллионер» выискался!

– Включи-ка лучше радио, надоела мне эта му-

зыка. – попросил я.

По радио рассказывали о последних событиях, произошедших в городе, из которых самым интересным оказалось дерзкое ограбление центрального универсама. Под конец сказали, что бандитам удалось скрыться, и велели водителям быть начеку и не общаться с подозрительными личностями.

– Во, блин, жизнь пошла! – пробормотал Олег, муж моей сестры Ленки. – Универмаги грабят за здорово живёшь, середь бела дня!

– Как думаете, поймают их? – спросила Ленка.

– Конечно, поймают. На то она и милиция! Правда, Вить?

– Не знаю, – пробурчал я. – Нынче милиция-то всякая бывает.

– Эт точно!

Километров через пять нам встретился стоящий на обочине «жигуль», возле которого стоял высокий тощий мужик, лениво помахивающий рукой.

Притормозив возле него, Олег высунил из окна свою круглую физиономию:

– Проблемы?

– Слушай, друг, ты мне бензинчику не одолжишь? До заправки немного не хватило, – вальяжно произнёс водитель «Жигулей», нехотя подходя к нашей машине.

– Эт можно! Щас я, мигом!

Открыв дверь, Олег вылез одной ногой наружу, оторвал свой толстый зад от сиденья, да так в этом положении и застыл, потому что водитель «Жигулей» жестом заправского фокусника сунул руку за спину и мгновенно выхватил оттуда... пистолет!

– Тихо! Грабки вверх! – спокойно приказал он ровным, как у робота, голосом.

Пистолет – аргумент, конечно, весомый, и мы все задрали руки к потолку «девятки». Кто сколько смог, конечно. Ленка при этом попыталась испуганно пискнуть, но звуки так в горле и застряли.

– У трёх человек шесть рук, а я вижу только пять, – спокойно продолжал мужик с пистолетом.

– И... инв-валид он, – заикаясь от волнения, пролепетала сестра, кивнув в мою сторону. – Из Чечни т-таким в-вернулся. П-правая п-половина не действует.

– Из Чечни-и, – понимающе кивнул обладатель «ствола». – Всяких там Хаттабов, значит, мочил?

– Мочил. – ответил я.

– Вот это правильно. Так им, козлам, и надо.

Тут он обратил внимание на Ленкин живот:

– А Вы, мадам, очевидно пополнения ждёте?

Ленка испуганно закивала.

– Ну-у, милая, не надо так бояться! Вот будете себя хорошо вести, и всё у нас получится, – игриво подмигнул незнакомец, поигрывая пистолетом. – Итак, граждане, куда мы направляемся?

– К нам на дачу, – чуть осмелев, ответила сестра.

– Далеко отсюда?

– Километров десять.

– Отлично! Если не возражаете, мы у вас погостим маленько.

Интересный способ навязывать своё общество – с пистолетом в руках! Все возражения – а их было немало – мы, разумеется, проглотили.

– Ах да, я же забыл сказать, что я не один, – заявил водитель «Жигулей», и приглашающе махнул кому-то рукой.

Тут из жигулёнка вылезли два совсем ещё зелё-

приказал высокий парню с баулом. – Не волнуйся, это недалеко.

Пока Дениска устраивался вместе с баулом в багажнике нашей машины, парень постарше как-то нервно озирался по сторонам и ещё сильнее сжимал что-то под курткой.

– Ты мне сегодня не нравишься, Гришаня, – заметив это, сказал высокий, – отдай-ка мне автомат.

– Худой, я... – попытался возразить Гришаня.

– Молчать! Автомат мне!

Насупившись, парень достал из под куртки небольшой автомат, передал его Худому, а тот, в свою очередь, поставив свой пистолет на предохранитель, бросил его Гришане.

Затем Худой и его молодой напарник, устроившись на заднем сидении нашей машины, приказали нам продолжать свой путь на дачу.

Худой уселся с автоматом в середине, рядом со мной. Его никак нельзя было назвать типичным уголовником. Он больше походил на киноактёра, играющего героические роли: тщательно причёсанные русые волосы, покрывающие высокий лоб, пронзительные серые глаза, прямой нос, широкий подбородок с ямочкой. Держался он очень спокойно и уверенно, равнодушно, но в то же время цепко поглядывая по сторонам. Гришаня же, наоборот, держался очень скованно и постоянно перекалывал свой пистолет из одной руки в другую.

Наконец мы подъехали к даче. Пока моя сестра с мужем помогали мне добраться до дому, наши «гости» занимались «вызволением» Дениски из багажника.

– Вить, давай я рвану в дом и «звякну» в милицию? – шепнула мне на ухо сестра, поддерживая меня с правой стороны.

– Нет, Лена, ты не успеешь, – прошептал я в ответ. – Пока ты там адрес говоришь и всё такое, они уже в доме будут.

Меня втащили в дом и усадили на ближайший стул. Вскоре туда же ввалились и наши гости. Тут пацанов как будто подменили. Они вдруг принялись весело перекидывать свой огромный баул, чуть не падая под его тяжестью.

Худой поначалу взирал на эти бесчинства своего молодняка равнодушно, но в конце концов они его «достали», и он очень зло на них прикрикнул:

– Кончайте свою свистопляску, придурки!

Парни слегка угомонились, но всё равно продолжали вполголоса веселиться и подкалывать друг друга.

Краем уха я уловил часть их болтовни:

– ...Ой, Гриш, клёво-то как! Бабок теперь у нас!... Весь тот универмаг купить можно! Даже, наверно, два таких универмага!

– Да-а, классно мы всё провернули!

– А эти... продавцы-то, совсем, блин, лопухи!

Спокойно осмотревшись, я пришел к выводу, что ситуация сложилась напряжённая, странная и

них пацана в модных спортивных куртках. (Видимо, они сидели в машине пригнувшись, поэтому мы их и не увидели сначала.)

Один из них явно что-то прятал под курткой, другой был ещё более молод и с трудом тащил непомерно большой баул.

– Ты, Дениска, в багажнике поедешь, – властно

нереальная, как во сне: все мы, как статуи, сидели на стульях, а между нами, словно охранник, ходил Худой с автоматом наперевес. Ни разу я не был в столь глупейшем положении.

Эх, будь я в норме, ты бы сейчас тут не расхаживал! Но ничего, мы их духом попробуем взять! Что у меня ещё осталось, кроме духа?!

– Сдаётся мне, что именно вы и обчистили наш центральный универмаг, – сказал я, стараясь держаться как можно спокойнее.

Резко обернувшись, Худой пристально уставился на меня:

– Это что, «фронтальная интуиция»? – скрыть своё удивление у него так и не получилось, как он ни старался.

– Ну, предположим, что да.

– Однако на ясновидящего ты не тянешь.

– Ну, допустим, по радио услышал.

– А-а, значит сказали уже, – тихо пробормотал Худой.

– Так что же, я прав? Вы обчистили универмаг?

– Ну, допустим, что мы. А ты что, мораль, что-ли, читать собрался? – спросил он с явным вызовом.

– Даже и в мыслях не было, – улыбнувшись,

ответил я. – Сейчас каждый занимается тем, чем хочет.

– Хм... Ты начинаешь мне нравиться, парень. Правильно мыслишь, – удовлетворённо произнёс Худой. – Да, мне ведь вас как-то называть надо, да?

– Ну что ж, охотно представлюсь, если ты именно на это намекаешь. Тем более что скрывать мне нечего. Я – Виктор. Виктор Смирнов, если полностью. А это – моя сестра Елена и её муж Олег.

– Ну, а мне, сам понимаешь, скрывать есть что, поэтому имя моё вам знать ни к чему. Для вас я... Гм... Ну, скажем, для вас я просто Худой. Так меня вон те фраера называют. Дениска и Гришаня, кстати говоря.

Достав из кармана сигареты и зажигалку, он закурил и несколько раз прошёл между нами.

– Ну что, хозяева, так и будем сидеть? – произнёс он наконец, – Надо бы и пожрать что-нибудь сообразить. Да, хозяйка?

– Да-да, я сейчас, – испуганно пробормотала Ленка и с дрожью в коленях поплелась на кухню.

– Только там без дураков, – остановил её в дверях Худой.

В ответ моя сестра смогла лишь кивнуть головой.

– Гришаня, проследи за ней, – приказал Худой, и парень мгновенно юркнул вслед за Ленкой.

Минут через пять из кухни послышались звуки какой-то возни, а затем раздался отчаянный девичий вопль: «А-а! Пусти! Пусти меня!».

Распахнув дверь, Худой сгрёб своей длинной рукой Гришаню за шиворот и резким движением выволок его к нам в прихожую:

– Ты что, гангстер чёртов, думаешь, если ты с «пушкой», так тебе всё можно, да?! – проорал он, злобно сверкая глазами.

– Так я... это... – попытался что-то пролепетать Гришаня.

– Если её ещё раз хоть пальцем заденешь, я из тебя гарнир сделаю для её жратвы!

С этими словами он так двинул Гришаню в челюсть, что тот пролетел аж через всю прихожую.

– Марш обратно! – рявкнул Худой, махнув рукой в сторону кухни.

Утирая кровь с разбитой губы, пацан уныло поплёлся обратно на кухню.

– Не бойся, хозяйка, он не будет больше, – сказал Худой.

– Ещё такого недоделка бояться! – «гордо» заявила сестра.

– Хе! Крутая! – усмехнулся главарь.

Через полчаса мы все сидели за обеденным столом, накрытым в комнате. Рядом с собой Худой демонстративно положил пистолет. Его «напарники» расселись по обе стороны от него.

За ужином я решил слегка «поприкалываться» над нашими неожиданными гостями.

– Ну и что же вы со своим богатством делать будете? – спросил я как бы невзначай, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Я это... тачку, наверно, импортную куплю, – угрюмо пробубнил Гришаня, наморщив лоб (под которым, видимо, свои собственные мысли появились крайне редко). – Да, и плеер, какой-ни-

будь клёвый. Очень я музон люблю послушать.

– Видал, какие у нас запросы? – подмигнул Худой, явно не без ехидства. – Ну, а ты, Дениска, что скажешь?

– Насчёт наших денежек? – по-детски наивно спросил Денис.

– Да. Точнее, насчёт твоей доли.

– Ну, я не знаю... А, мотоцикл японский куплю! Этот, как его... «Судзуки»!

– Ха-ха-ха! «Судзуки»! Ой, блин, не могу! – растототался вдруг Худой. – Ха-ха! Во даёт!

– Или «Ямаху», – невозмутимо продолжал Дениска.

Худой засмеялся ещё сильнее.

– Ах, ты, мой фраерочек! – сказал он, потрепав Дениску по волосам и равнодушно глядя куда-то сквозь него.

– На твою «Ямаху» запчастей не напасёшься, – угрюмо возразил другу Гришаня. – Где ты их брать будешь?

– Ещё один магазин грабану!

Тут даже нам смешно стало.

– А это у вас там радио? – неожиданно спросил Худой, указав на радиоприёмник, стоящий на столике в углу комнаты.

– Да, радио. – ответил Олег.

– Ну-ка, Денис, включи-ка его.

Включив приёмник, Денис настроил его на местную станцию, по которой вскоре стали передавать выпуск новостей, в котором снова сообщили о дерзком ограблении универсама и о том, что к нему, скорее всего, причастен особо опасный преступник по кличке Худой, которому удалось скрыться в неизвестном направлении вместе со всем награбленным добром. С ним также скрылись и два его помощника.

Эту новость парни встретили радостными воплями, но Худой вдруг сразу как-то помрачнел и оступился.

– Вот такое вот наше положение, парни, – спокойно сказал он, когда ребята уgomонились. – Пока всё складывается лучше, чем я думал. Эти ментовские сволочи пока ещё не допекли, что именно мы и свистнули ту тачку. Так что мы их немного опережаем. Пока опережаем.

Немного подумав, он обратился к нам:

– В общем, пробудем мы у вас всего лишь денька два или три. Легко идти на мокрую не в моих правилах, так что не бойтесь, не убью. Главное, хорошо себя ведите, и всё будет нормально.

К вечеру бандиты стали думать над тем, как бы им самим на ночь пристроиться и нас куда-нибудь деть. В итоге Худой распределил места следующим образом: меня в одну комнату с собой, Ленку с мужем – на веранду, а своих вооружённых «гаврошей» он расположил на «ближних подступах» к веранде: Гришаню – у дверей, а Дениску – в машину, под окнами веранды.

– Значит, много вы там взяли? – спросил я, оставшись наедине с «главарём».

– Много.

– А что ты намерен делать со своей долей.

– С долей? Какой долей? – «непонимающе» уставился на меня Худой.

– Ну, со своей долей, – повторил я.

– Разве я упоминал о каком-то дележе? – снова спросил он, как-то многозначительно выделив слово «я».

– Но я думал...

– Эх, Витёк, Витёк... Такие «дела» проворачивают не для того, чтобы с кем-то делиться!

– А как же парни?

– А что парни?

– Что с ними будет?

– Порешу их, да и всё, – ответил он сквозь зевоту.

Меня поразило, как холодно и равнодушно он произнёс эти слова! Как будто речь шла о каком-то мусоре, о каких-то назойливых насекомых! А ведь парни таскают за ним его чёртов баул, безропотно выполняют все его команды. И всё ради чего?! Ради того, чтобы получить пулю от какого-то заурядного любителя сверхбыстрой наживы?! Даже чеченские отморозки не поступали так СО СВОИМИ!

От негодования у меня даже горло перехватило!

– Но ведь они же... Чёрт возьми, они же дети совсем! – вскричал я.

Подойдя ко мне, Худой резко встряхнул меня за плечи:

– А ты, парень, из меня доброго дяденьку-то не строй! Знаешь, как про меня на зоне говорили?! «От «Худого» добра не жди»! Причём говорили так мужики покруче меня! Толкнув меня на подушку, он стал стелить свою постель на пол.

– Всё! Спать давай! Мне ещё от ментов бегать да бегать! – сердито буркнул уголовник, накрываясь простыней.

Эх, будь со мной сейчас мой «калаш», я бы в него такую очередь всадил! От всей бы души всадил, честное слово!

Злобно фыркнув, я отвернулся к стене.

* * *

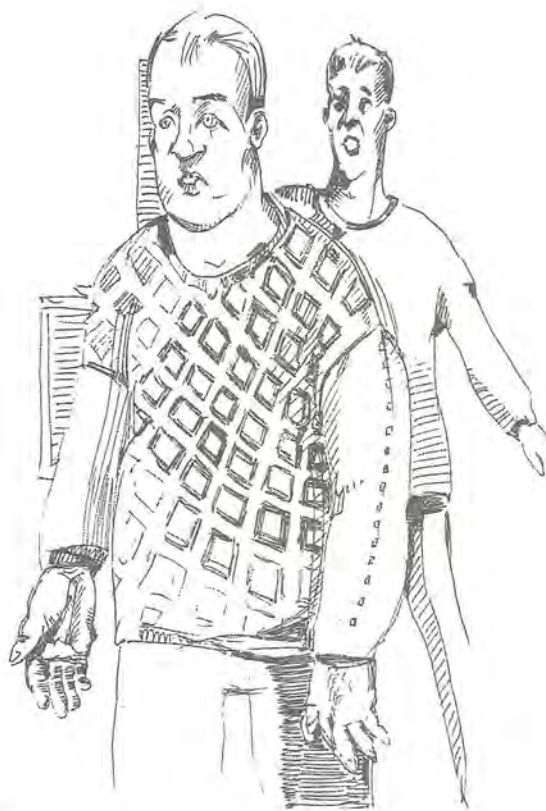
В эту ночь я заснул очень поздно. Сам не знаю, почему. Может, потому, что большую руку не мог пристроить, может, потому, что впечатлений и переживаний было слишком много, а может быть, просто потому, что нервы были не в порядке.

А вот проснулся я от громкой перебранки за дверью:

–...А ну вперёд, боров жирный! А то час из автотама как, на фиг, прострочу! Одни дырки, блин, будут! – грубо ворчал Гришаня.

– Да пошёл ты со своим пугачом! – несмело огрызался Олег. Худой был уже на ногах, когда дверь распахнулась и Гришаня втолкнул в комнату перепуганного Олега.

– Этот гад в ментовку хотел звякнуть! – заявил

Гришаня.

- Номер он успел набрать? – спросил главарь.
- Нет, я успел оттолкнуть его.
- Это хорошо!

Затем Худой несколько раз прошёлся вокруг Олега.

– Так-так-та-ак... Подозревал я, что ты кретин, но не думал, что настолько... Говорил я, чтоб ты себя хорошо вёл?! Говорил?! – проорал он Олегу прямо в лицо.

– Говорили, – пробубнил Олег, как нашкодивший ученик своей «училке».

– Ну, а ты как себя вёл?

– П-плохо, – заикаясь, промямлил толстяк.

– Ну и что же прикажешь с тобой делать?!

Олег ударился в слёзы.

– Не надо! Не убивайте его, умоляю вас! – влетела в комнату Ленка, одетая в ночную рубашку. – Он не хотел! Это я... Я его уговорила! Он не хотел идти! Пожалуйста... Не надо его...

– Ладно, чёрт с тобой, живи! – смягчился бандит. – Дитё твоё будущее без отца оставлять неохота. Хотя так и подмывает всадить пульку в твой толстый зад. Просто так, для профилактики.

– Не-ет!!! – истошно завопила Ленка.

– Да ладно, успокойся, не трону я его! Гриш, запри-ка его снова на веранде, и пусть он там без еды посидит. Это ему наказание такое будет.

– Прикольно! – усмехнулся Гришаня. – Пошли, арестант!

Как и было приказано, Гришаня запер Олега на

веранде. Убедившись, что ничего более страшного с мужем не произойдёт, Ленка вернулась ко мне.

– Вить, тебе ничего не надо? – спросила она, усаживаясь рядом со мной на кровати.

– Нет, всё нормально, – ответил я.

Худой из комнаты куда-то вышел, и, чтобы как-то приободрить мою сестру, я крепко обнял её за плечи своей здоровой рукой.

– Мне кажется, мы все обречены, – грустно сказала Ленка, склонив голову ко мне на плечо. – Они нас живыми не оставят. Мы же свидетели. Мы же знаем о том, что они натворили.

– Лена, знаешь, там, в Чечне, я много людей повидал. И некоторые из них точно так же рассуждали, – спокойно начал я, – «мы обречены!» «нам всем тут крышка!» И как правило, именно они и гибли первыми. И знаешь почему? Потому что программу они себе такую составили. Безнадёжную насквозь. Ведь всё, что мы говорим, где-то всё равно откладывается.

Вот и у них вся эта «безнадёга» отложилась, а потом сработала... Поэтому старайся и в мыслях не держать безнадёжных словечек, вроде тех, что ты сейчас произнесла. Выше нос, сестрёнка, и всё будет прекрасно!

– Ты в этом уверен?

– Конечно! Иначе зачем тогда вообще жить на этом свете?!

– Хорошо, Витя, я постараюсь... – сказала сестра, утирая слёзы. – Всё будет хорошо!

– Молодец, Ленка! Правильно!

– Всё будет хорошо! – повторила она, слегка улыбнувшись.

– Здорово! Давай ещё раз!

– Всё будет хорошо! – снова повторила она и неожиданно рассмеялась. – Вот это да! Как мне легко стало!

– Ну вот, видишь? А ведь это всего лишь слова! Однако программа-то у них другая!

Войдя в комнату Худой был поражён нашим весельем:

– Чему это вы тут радуетесь? – недоумённо спросил он.

– А это не ваше дело! – гордо ответила Ленка. – Внутри-то у нас ваших автоматов нету!

– Если вы что-то ещё задумали, то это зря, – мрачно процедил главарь. – Телефон-то я обрезать!

– Подумаешь! – фыркнула Ленка, – И без телефона обойдёмся! Потрепав меня по волосам, она отправилась бодрым шагом к выходу из комнаты.

– Куда это ты потопала? – ехидно спросил Худой.

– На кухню! Кормить вас, придурков!

– Не понял... – удивлённо сказал Худой, проводив её взглядом. – О чём-то вы тут всё-таки договорились!

– Ой, да ни о чём мы не договаривались! – махнул я рукой. – Просто настроение друг другу подняли. Что, это запрещено, да?

– Да ладно если бы так...
 – Что, боишься, что в еду чего-нибудь подсып-
 лем? – пошутил я.
 – Да у вас и подсыпать-то нечего! Даже уксуса
 нету.
 – О-о, никак разведка поработала, да?
 – Ну так... – криво ухмыльнулся «налётчик». –
 Стараться приходится!

Затем он вдруг принялся пристально разгляды-
 вать меня, как будто впервые увидел.
 – Как же ты до жизни-то такой дошёл? – спро-
 сил он наконец, притронувшись к своей правой
 руке.

– Ну что ещё может быть, если тебе пуля попа-
 дает в позвоночник, а рядом ещё и граната взры-
 вается?! – раздражённо ответил я.

– Ну и ради чего всё это? Жизнь, здоровье по-
 тратил, а зачем? За медали? – с презрением спро-
 сил Худой. – Сомневаюсь, что их у тебя много. За
 деньги? Так служаки, вроде тебя, их никогда много
 не имели. За родину, как в старину? Так она давно
 уже не та, что раньше, да и за эту Чечню она так
 просто, из принципа воюет. За идеалы какие-ни-
 будь? Так их за последнее время столько смени-
 лось, что за всеми и не уследишь! Так за что же ты
 себя угробил? Зачем ты вообще в Чечню отправил-
 ся?

– Я помогал мразь всякую уничтожать. Думал,
 она вся там скопилась, – спокойно ответил я. – Но,
 видно, ошибся я. Здесь её тоже хватает. И даже
 почище той – чеченской.

– Это ты, конечно, имеешь в виду меня, да?
 Я промолчал.

– Э-э, да я ещё не самый страшный!

– Ну, разумеется. – усмехнулся я.

– Вот нравиться ты мне, а почему – не знаю! –
 ухмыльнулся бандит. – Эх, вот тебя бы на «дело»
 вместо этих уродов... Слушай, а может, «отстег-
 нуть» тебе сколько-нибудь?

– Так ты ведь вроде не хотел ни с кем делиться?
 – заметил я.

– Да с кем делиться-то?! – с презрением сказал
 Худой, – Вот Гришаня, к примеру, о классной тач-
 ке мечтает, а Денис о мотоцикле. А для чего им это
 всё?! Да только для того, чтобы полихачить на ско-
 ростной дороге и в конце концов разбить где-ни-
 будь! Так стоит ли тратить на такую глупость?

– Ну, а на что, по-твоему, стоит «тратиться»?

– Если бы я знал, я вряд ли бы вором был... В
 том-то и дело, что я не знаю! А вот ты нормальный
 парень. Ты должен знать, куда деньги деть.

– Ну, на что мне эти деньги?! Тем более сей-
 час... – с тоской произнёс я.

– Это ты сейчас так говоришь. – возразил гла-
 варь, – но когда-нибудь деньги даже тебе понадо-
 бятся.

– Ой, да отстань ты со своими «бабками!» – воз-
 мутился я. – Как ни крути, а это всё равно подачка!
 Да к тому же ворованная!

– Да ладно, Витёк, не кипятись, – добродушно

произнёс Худой. – Может быть, ты и прав... Ну не
 хочешь – не надо. Мое дело предложить...

Тут он как-то вдруг замялся и достал из кармана
 пачку сигарет.

– Поиду покурю маленько... Да посмотрю чем
 там мои «орлы» занимаются, чтоб они провали-
 лись...

Худой ушёл, а я подвинулся на кровати побли-
 же к окну и стал смотреть на нагретое ярким лет-
 ним солнцем картофельное поле, простирающееся
 вдаль до небольшой берёзовой рощи, и на развер-
 нувшиеся под окном ярко-жёлтые цветы подсолну-
 хов. Эх, на речку бы сейчас, рыбку бы поудить, по-
 загорать, как когда-то в детстве. Нет, не купить за
 деньги всю эту красоту! И жизнь новую не куп-
 тить. Ведь это всё-таки не машина, и сломанную
 часть в ней не заменить на новую.

День прошёл как-то незаметно и буднично, и
 наступил вечер.

Худой снова стал устраиваться ночевать рядом
 со мной, и когда он расстилал на полу матрац, я
 заметил за его поясом нож, украденный из Ленки-
 ной кухни. Дождавшись, когда он повернётся ко
 мне спиной, я резко выхватил нож здоровой ру-
 кой, но Худой каким-то непостижимым образом
 успел развернуться, и выбил нож из моей руки. От-
 летев в угол комнаты, нож загрохотал по полу, и
 бандит инстинктивно бросился к нему.

– Ну всё, парень, ты меня окончательно достал!
 – прорычал он, поднимая с полу нож.

В этот момент, откуда ни возьмись, в комнату
 влетела Ленка:

– Не-ет! Только не Виктора! – закричала она,
 заставляя меня всем своим телом и расставив в сто-
 роны руки. – Режь, мерзавец, меня, режь Олега,
 кого угодно режь – только не Виктора! Он столько
 пережил, сколько тебе, гаду, и не снилось! Он кое-
 как с того света выкарабкался!

Яростно сжимая нож, Худой стоял посреди
 комнаты со злобным блеском в глазах.

– Умоляю, не трогай Витьку! – продолжала сес-
 тра. – Ради брата я готова всё отдать!

– Ну что я могу с тобой поделывать, если у тебя
 такие защитницы?! – криво ухмыльнулся Худой и,
 вызвав из прихожей Гришаню, отдал ему нож:

– На, возьми, вдруг пригодится.

– Слушай, может, пришлём их тут всех? – впол-
 голоса произнёс Гришаня.

– Не бойся, они не опасны, – так же тихо отве-
 тил Худой, и они оба спокойно ушли слушать ра-
 дио (что стало их обычным занятием, кстати гово-
 ря).

А Ленка крепко обняла меня за шею и заплака-
 ла.

Минут через десять моя сестра ушла, и ко мне
 снова вернулся Худой.

– Считаю что тебе повезло, парень. – сказал он,
 укладываясь спать. – Первый раз в жизни я не сде-

лал то, что задумал.

Признаюсь, я не из робкого десятка и много повидал, но от этих слов какой-то лёгкий предательский холодок пробежал у меня по спине.

Наутро Худой вдруг предложил пообедать всем вместе, хотя до этого каждый из нас ел отдельно. Это меня насторожило, так как от этого бандюги всего можно было ожидать и ни одному его слову нельзя было доверять. Ну ладно, обедать так обедать, нам выбирать не из чего!

В полдень все уселись за столом в большой комнате, как это было в первый день. И хотя в этот раз Ленка вела себя как-то особенно нагло и вызывающе и постоянно всё швыряла и кидала, Худой взирал на это как-то уж слишком спокойно и равнодушно. А вот Гришаня и Дениска держались как-то очень скованно и напряженно, словно бы готовясь к чему-то очень важному.

«Что-то сегодня должно произойти, – подумал я, – хорошо бы глупостей не наделать, а то...»

– «Определённо этот гад что-то удумал» – так, наверно, вы все думаете, да? – неожиданно прервал мои размышления Худой. – Ну что ж, поспешу вас обрадовать: терпеть меня вам осталось недолго – сегодня вечером мы вас покидаем.

Усердно насыщавшийся после небольшой голодовки Олег от этих слов даже поперхнулся.

– И вы нас... не убьёте? – испуганно спросил он.

– Нет, не убьём, если всё правильно сделаете, – спокойно ответил Худой.

– Но ведь мы же свидетели, – сказал Олег.

– Ну и что в этом такого? В универмаге вы не были, фамилий наших вы не знаете. Скажете, оружие у нас видели, да? Так про это уже вся ментовка знает. И рассказами о нашем награбленном добре вы тоже никого не удивите. Так что вы для нас не опасны. И давайте не будем больше об этом.

Удивленно пожав плечами, Олег замолк и за весь обед не проронил больше ни слова.

Последующие часы показались нам удивительно долгими. Как и в первый день, во всём сквозила какая-то гнетущая неопределённость. Был ли Худой до конца честен с нами? На этот вопрос никто не мог ответить. Сам-то я смерти не боюсь, так как уже достаточно с ней сталкивался, но я хорошо понимаю, что творилось в душе у Ленки и Олега!

Где-то раздобыв колоду карт, Гришаня и Дениска стали коротать время за игрой в «подкидного». Ах, как же мне хотелось предупредить их о намереньях этого головореза! Но что я мог поделать, если он постоянно околачивался там со своим автоматом! Да они бы мне всё равно не поверили...

И вот наконец наступили долгожданные сумерки.

– Садитесь-ка сейчас все в машину, доедем до ближайшего леса – и мы с вами распрощаемся. – заявил Худой.

– А Витьку куда? – с тревогой спросила Ленка.

– С нами поедет, – угрюмо бросил Худой.

Я попробовал дотянуться до карандаша, чтобы как-нибудь черкнуть парням записку, но ничего не успел сделать, так как пришёл Олег и потащил меня к машине. Я, конечно, мог заявить о намереньях «Худого» во всеуслышанье, но тогда он бы точно нас всех прикончил. Короче говоря, отказался я от этой затеи.

Расположившись в машине как в первый раз (Худой зади, Дениска с баулом в багажнике), мы поехали к большому лесу, который находился километрах в десяти от Ленкиной дачи.

Подъехав к лесу, мы остановились у густого кустарника.

– Ты, Витёк, парень честный, поэтому из всей вашей компаши я только тебе могу доверять, – обратился ко мне Худой. – Можешь ты дать мне слово, что вы не ударите сразу по газам и не помчитесь в ментовку – сдавать нас?

– Да, я могу дать такое слово, – ответил я, выдержав холодный блеск его глаз. – Но только с тем условием, что вы оставите нас в живых и не расстреляете нас прямо из этих кустов.

– Идёт, – уверенно сказал Худой, пожимая мне руку. – Думаю, слову солдата можно верить.

Криво усмехнувшись, я промолчал.

Гришаня в этот момент помогал Дениске выб-

раться из багажника, и Худой тоже хотел выйти из машины, но я остановил его, схватив за плечо:

– Прошу тебя, не трогай пацанов, – произнес я вполголоса.

– Это, Витёк, не твоего ума дело, – так же тихо ответил он, грубо сбросив с плеча мою руку.

Выйдя из машины Худой забрал у парней оружие.

– И что мы теперь делать будем? – спросил Дениска.

– Пойдём в лес и там поделим наше добро, – спокойно ответил Худой, и, закурив сигарету, добавил: – По справедливости.

В этот момент Гришаня, видимо, догадался об ожидающей их участи, потому что сразу как-то вдруг побледнел и посмотрел на меня так тоскливо и обречённо, что я едва не заплакал. Нестерпимо жаль мне было этих пацанов, влезших в эту смертельную игру по собственной детской глупости, однако сейчас я уже ничего не мог поделаться и ничего не мог изменить.

Поняв, что помощи им ждать неоткуда, Гришаня обречённо поплёлся вперёд, тупо волоча ноги. Ни о чём не догадывающийся Дениска направился к лесу бодрым шагом, насвистывая весёлую мелодию. Неотступной тенью, словно сама смерть, за ними последовал Худой, и через мгновение все они скрылись в темноте ночного леса.

– Ну что, поехали, да? – спросил Олег.

– Да ты с перепугу, видно, совсем спятил! Я же обещал!

– Ой, да какие там обещания! Да ещё этому пондону! – возразил Олег.

– А ты думаешь, что он так сразу в лес – и всё?! – проорал я. – Ничего подобного! Он просто метров на двести вперёд отошёл и залёг там с автоматом! И если тебе своя жизнь не дорога, так хотя бы о Ленке подумай!

– Ладно, не кипятись! Подождём ещё часик.

Спустя час мы благополучно вернулись на дачу.

Гришаню и Дениску нашли убитыми в лесу через три дня, а сам Худой через неделю погиб в перестрелке с милицией.

Помнится, сестра говорила, что мы все обречены... Однако, как ни странно, обречёнными-то оказались не мы, а они!

Вот уже больше года прошло с тех пор, но я до сих пор не перестаю размышлять над странным поведением «Худого»... Почему он не убил нас, и почему он доверился мне там – у леса? Видимо, и в нём были какие-то нравственные законы, через которые он не смел переступить. Значит, и в этом заросшем мерзавце было что-то человеческое! Но почему же тогда всё это не сработало в отношении этих несчастных ребятишек?!

Ответа на этот вопрос я так до сих пор и не нашёл...

АДАЛИС (псевд.; наст. фам. Ефрон) Аделина Ефимовна (1900 - 1969), поэтесса, прозаик, переводчица.

В юности была участницей одесского лит. кружка «Зеленая лампа», куда входили также Э.Багрицкий и В.Катаев. Начала печат. в 1918-м, сначала в провинциальных, потом в столич. изд. В 1920-м переехала в Москву. Искл. роль в начальной лит. судьбе сыграл В.Я.Брюсов (посвятил А. ряд стихотв.). В 1921-м А. становится ректором созд. по иниц. Брюсова «Первой гос. проф. школы поэтики», завед. лит. отделом Наркомпроса, преп. в Высш. худож. лит. институте. Много пишет, но почти не печатается. Ее стихи вошли в сб. «Поэзия революционной Москвы». Берлин, 1922. Смерть В.Я.Брюсова сильно сказалась на ее психике и лит. судьбе. Лит. пристрастия А. резко меняются. Она пишет неск. книг прозы, посв. обновл. жизни Ср. Азии: «Песчаный поход» (1929), пов. «Азери» (1940). В 1935-м выходит первая кн. стихотв. А. «Власть», потом - лирич. поэма «Кирову». А. начинает активно работать в сов. лит. как поэтесса, прозаик и переводчица. Выходят «Вступл. к эпохе: Пов. о начале счастья» (1934), кн. стихов «Братство» (1937), «Восточный океан» (1949); переводы поэтов среднеазиатских и кавказ. республик. В 60-х гг. вып. кн. стихов «Новый век», «Города», «До начала».

КЛЭ; Сто одна поэтесса серебр. века; Указ. загл.

АДАМАНТОВА В. (урожд. Владимирская ?), сост. учеб. пособий.

Совм. с Д.Л.Адамантовым сост. «Систематический курс арифметики, приспособленный к наглядному преподаванию с задачами, взятыми из вопросов научных и житейского опыта, расположенными постепенно от легкого к трудному, с чертежами и хромо-литографическими рисунками, для гимназий, реальных и духовных училищ, учительских институтов и семинарий, городских и сельских школ, профессиональных и ремесленных училищ». Вып. 1-2. Казань, 1887. Авт. учеб. «Элементарный курс арифметики и задачник для детей возраста от 6 до 9 лет. В объеме элементарных школ и подготовительных классов.» 2-е изм. изд. Под ред. Д.Адамантова. Содержит в себе более 1500 примеров с рисунками для постепенного изучения метрической системы. Киев, 1904.

РНБ.

АДАМОВА Роза Иосифовна, авт. воспоминаний.

Жительница Владикавказа. «Яркий образ» – В кн. «Коста Хетагуров» М., 1941. С.197-199, а также в кн. «Коста в жизни: Систем. свод воспом. совр., собств. его свидетельств и др. материалов» Цхинвали, 1984. Ч. 1. (Жизнь Хетагурова во Владикавказе).

ИДРДВ. Т.4-5. Ук. им.

(Продолжение на стр. 65)

НАЛОГОВАЯ ПОЛИЦИЯ – СЛЕД В ФАЛЕРИСТИКЕ

18 марта 2005 года исполняется 13 лет с того дня, когда в нашей стране была создана новая правоохранительная структура – Федеральная служба налоговой полиции (первоначальное наименование – Главное управление налоговых расследований при Госналогслужбе Российской Федерации, затем – Департамент налоговой полиции Российской Федерации). А непосредственно перед 11-й годовщиной (11 марта 2003 года) указом главы государства она была упразднена. Как и иные силовые структуры, налоговая полиция имела свои геральдические символы – флаг и эмблему.

Флаг федеральных органов налоговой полиции представлял собой прямоугольное двустороннее полотнище василькового цвета. В крыже флага расположено изображение Государственного флага Российской Федерации, в правом нижнем углу – изображение цветной эмблемы федеральных органов налоговой полиции.

Эмблема представляла собой изображение двуглавого орла золотистого цвета с поднятыми крыльями, увенчанного тремя коронами, соединенными лентой золотистого цвета. На груди орла – фигурный, заостренный книзу щит с полем вишневого цвета. В поле щита золотистый кадуцей, края щита имеют серебристую окантовку с серебристыми шляпками заклепок. В лапах орла – два обнаженных меча остриями вверх, скрещенных позади щита. Клинки мечей стального цвета, рукояти – золотистого. Кадуцей – жезл римского бога торговли и покровителя путешественников Меркурия (он же – в греческой мифологии – Гермес).

Примечательно, что в декабре 2002 г. (т.е. за 3 месяца до упразднения!) – даже было учреждено знамя федеральных органов налоговой полиции. При этом васильковый цвет флага поменяли на вишневый – знамени.

Для поощрения наиболее отличившихся сотрудников ФНС России были учреждены ведомственные награды – нагрудные знаки «Почетный сотрудник налоговой полиции» и «За службу в налоговой полиции» (III-й, II-й и I-й степени), награждение которыми производилось приказом директора Федеральной службы.

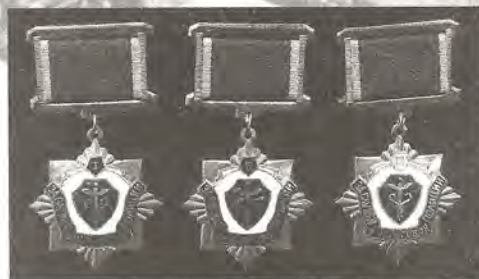
Кроме этого, и центральным аппаратом, и территориальными органами, и учебными заведениями ФНС России были выпущены (в основном юбилей-

ные) нагрудные знаки и значки. В ряде случаев сразу несколько территориальных органов заказывали юбилейные знаки у одного и того же предприятия-изготовителя (московский завод «Победа», челябинские предприятия ПСП и «Брегет» и др.). Зачастую тираж «делился» между разными управлениями и межрайонными органами, даже не граничащими территориально. А некоторые заказчики порой и не знали, что нагрудные знаки такого же дизайна предлагались еще нескольким территориальным органам.

Автор поставил перед собой цель, хотя и с опозданием, собрать и систематизировать нагрудные знаки, посвященные органам налоговой полиции России. Это оказалось нелегкой задачей: такие знаки и даже сведения о них уже сегодня собрать представляется проблематичным. Вместе с тем, видимо, специально для коллекционеров, до сих пор изготавливаются единичные разновидности ранее выпущенных знаков (по видам металла, типу крепления или цветовой гамме), а порой – даже совершенно «фантастические» изделия.

Мы публикуем информацию о знаках, изготовленных по заказам территориальных управлений ФНС России Уральского федерального округа.

Автор с благодарностью примет от читателей и коллекционеров-фалеристов информацию о знаках налоговой полиции всех регионов России, а также аналогичных зарубежных структур.

Знак «За службу в налоговой полиции»
III степени.

1. Знак «Почетный сотрудник налоговой полиции» (образца 1997–1998 гг.)
2. Знак «Почетный сотрудник налоговой полиции» (образца 1999–2003 гг.)
3. Юбилейный знак «ФНС РФ – 10 лет» (УФНС РФ по Тюменской области)
4. Юбилейный знак «ФНС РФ – 10 лет» (УФНС РФ по Курганской обл. и ряд др. территориальных органов)
5. Знак «Налоговая полиция» (УФНС РФ по Ханты-Мансийскому автономному округу)
6. Юбилейный знак «ФНС РФ – 10 лет» (УФНС РФ по Ямало-Ненецкому автономному округу)
7. Знак-«фрочник» «Налоговая полиция России» (УФНС РФ по Свердловской области)
8. Юбилейный знак «10 лет ФНС России – Екатеринбург» (Служба документальных проверок УФНС РФ по Свердловской области)
9. Знак «Налоговая полиция России Екатеринбург» (УФНС РФ по Свердловской области)
10. Юбилейный знак «Налоговая полиция Челябинск – 5 лет»
11. Знак «ФНС России – Управление по Челябинской области – 29.07.1992»
12. Знак-«фрочник» (УФНС РФ по Ханты-Мансийскому автономному округу)

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

Анастасия НОВИКОВА,
фото Евгения КОРБУТА

ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ: НАЧАЛО

Я хочу ходить туда,
куда Я хочу
и с тем, с кем Я хочу

Он рассказывал о своем последнем походе на Полярный Урал, когда вдруг остановился. Посмотрел мне глаза и спросил: «Ты знаешь, как ненцы используют ягель для детей?». Я замялась: – Конечно, не знаю.

Чувствую, что покраснела. Стыдно.

Но посторонним людям ямальская земля нечасто выдает свои секреты.

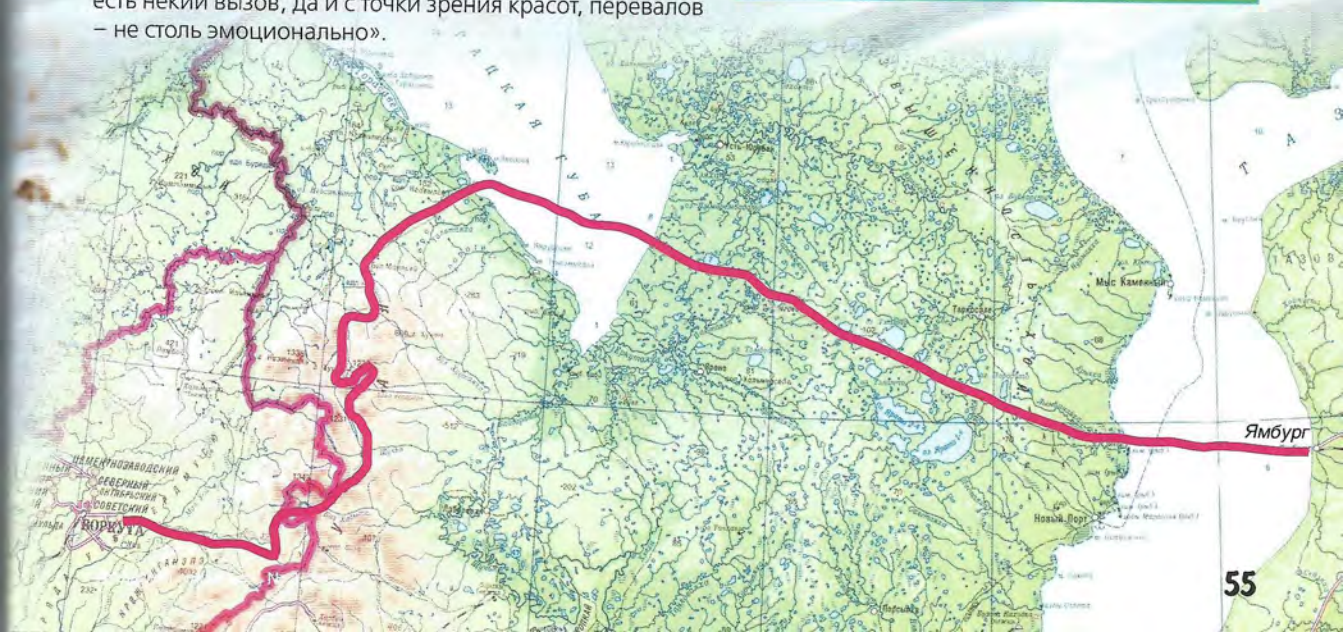
А если и выдает, то такой человек становится посвященным. Теперь он не просто турист, он - часть Полярного Урала. Но порой, чтобы ощутить себя такой «крупинкой огромного целого», требуются годы.

Так, в начале история была до банальности простой. Как и многие в то время, Евгений Корбут познакомился с туризмом лишь в институте. На втором курсе. А уже на четвертом-пятом он сидел вместе со своим другом Славой Самборским и прикидывал план на ближайшие лет пятнадцать. «Люди годами набирают мастерство, вдвоем делать это проще». Пятнадцать лет – большой срок, тем более в юности. Но этот план они выполнили. И уже тогда ходили не просто как участники, а как руководители. Так Евгений перестал присоединяться к группам и стал сам искать интересные районы. «Собирал друзей и с ними ходил».

Ходил по-умному. По-умному – значит подготовленным. Ему непонятно, что значит заблудиться или сбиться с курса. «Знакомые гуляли вокруг озера Шарташ. Потерялись, ходили два дня. Претерпели массу сложностей. Мне все это очень удивительно. Со мной ни в одном походе такого не было». Может, все оттого, что «цели четко предreshены, маршруты прописаны. Они наложены на квалификационный справочник сложности маршрутов. Оказывается, чтобы пройти от одной точки до другой, есть определенная трудность. Эта трудность названа категорией сложности. В альпинизме про это говорить проще. Все понимают, что на Конжак может зайти любой, на Эверест – это уже настоящие альпинисты ходят. То же самое, только они лезут вверх, а мы по горизонтали».

С годами эти горизонталы стали складываться в традиции. На один только Южный Урал Евгений ходит уже десять лет. «Первого мая мы традиционно идем. Великолепное место – вершина Еремей. При этом в любом случае раз в год планируем хороший, ломовой поход». Прошлой зимой таким походом стал Полярный Урал. «Назывался он Воркута – Ямбург. Это переход через Ямал. Через Ямал в лыжном туризме никто никогда не проходил».

Вообще Полярный Урал – странное место. «Здесь есть некий вызов, да и с точки зрения красот, перевалов – не столь эмоционально».

Интересно, что первых людей группа встретила лишь на середине Ямала. Это были оленеводы. «Пройдя пятьсот километров, мы увидели коренных жителей, а до этого кладбища. Масса оставленных вещей. Я их называю кладовочки: стоят нарты, шурами, как брезентом, укрыты. Там летняя одежда, летние чумы, кастрюли, иногда даже продукты. Чтобы не тащить это тысячу километров, стоят десятки саней – тут санки, там санки. Но людей нет».

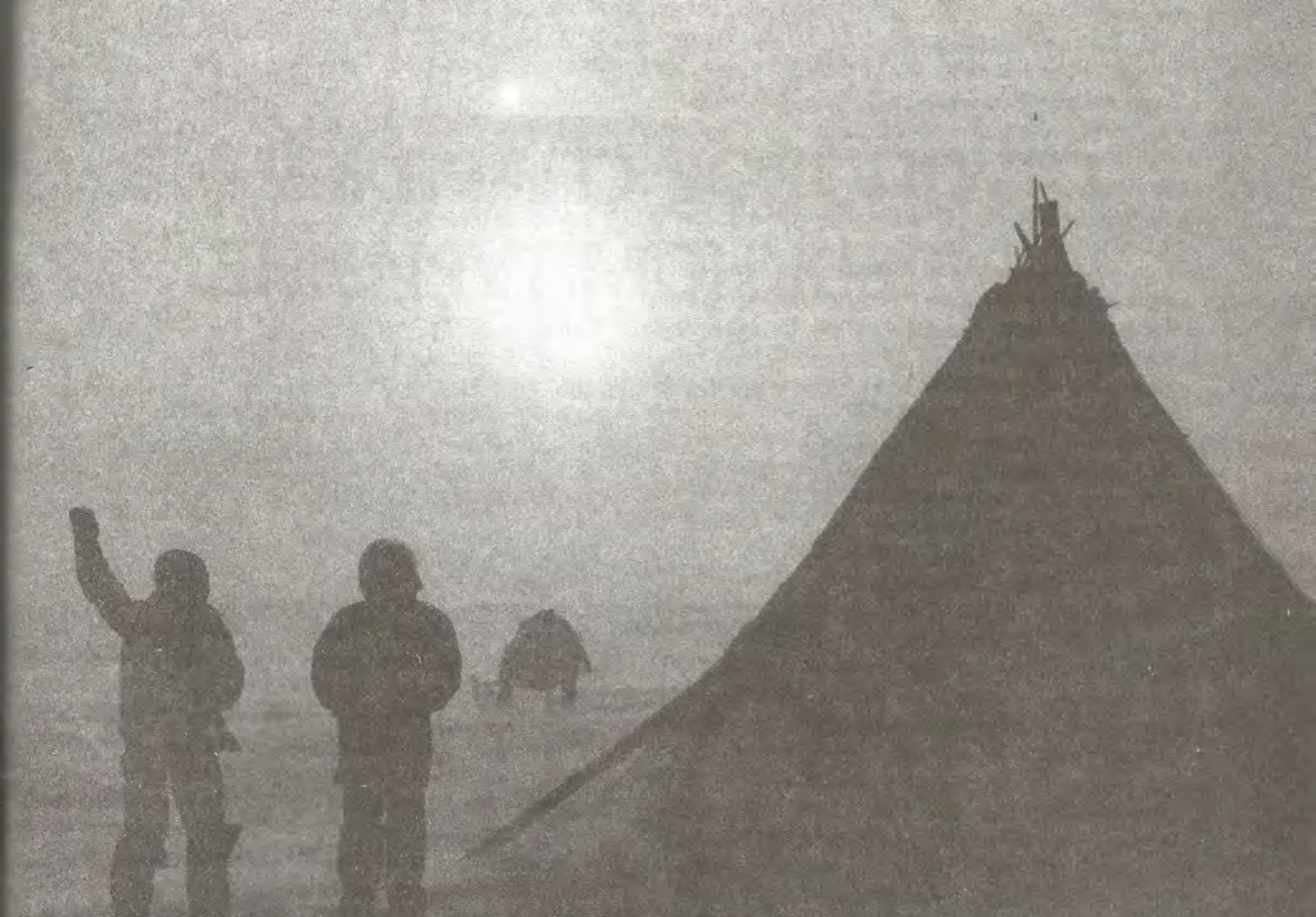
Оставлена вся домашняя утварь, и ни одного человека. Это своеобразный экзамен на прочность. Многие турист передумывает за это время. А что самое удивительное, каждый способен испытать себя, сделать выбор. «Наша группа четко делилась на две категории людей. Первая, которая знала, какие физические испытания выпадут на их плечи, и к этому готовилась. Такие люди бегают по утрам, ведут здоровый образ жизни. Вторая: есть у человека природное здоровье – он его тратит. Хватит этого здоровья в походе или нет – совершенно неясно. И вот с годами многие мои друзья перестали ходить в походы по банальнейшей причине – у них закончилось природное здоровье, и им походы стали в тягость, они стали тяжелы. Один знакомый сходил, нахлебался. А что, следующий поход тяжелее? – Да, конечно, тяжелее, – говорил я, – тут мы ходили семьсот, а тут пойдем на тысячу. – Не, я не пойду». Вспоминается лозунг, который положил начало походной страсти Евгения Корбута: «Я хочу ходить туда, куда Я хочу и с тем, с кем Я хочу».

В это раз Я привело Евгения Корбута в довольно необычный поход. «Он захватывал не только зону гор. Задача была – сделать линейный маршрут. Так очень удобно: забираясь на север, мы всегда могли выйти напрямую до Ямбурга. Условно сократить». Но таких «сокращений» не потребовалось. Все двадцать четыре дня группа из восьми человек про-

двигалась без остановок. Помогали буксировщики*. «Был с нами один альпинист, впервые посетивший Полярный Урал. Он ни разу не гонял на буксировщике. Быстро научился, понравилось. Вообще максимальная скорость, которая зафиксирована в этом походе, 26 км/ч. Но это с санками, это с рюкзаком, не по ровным осям. Надо считать, что это поход шестой категории сложности – первое прохождение».

А что значит первое прохождение? Трудности с самого начала. Дров нет. Поэтому весь маршрут человек отапливается только теплом своего тела. Но жить в неотапливаемой палатке для Евгения оказалось несложно. «Когда в обед ставилась палатка (это обязательное условие, ведь приготовление пищи идет на примусах, а примусы надо защищать от ветра), то при температуре наружной – 20 в ней было +40. Все из-за полярного солнца. Радиация была настолько высока, что все сгорели на три раза». Обеды же были любимым делом. В это время каждый брался за свое занятие. «Кто-то спал, кто-то просто отдыхал, лыжи подкручивали, кто-то что-то зашивал».

Все, кто ходил в этот поход, квалифицировались как мастера спорта. Или как кандидаты в мастера. А значит, у всех была хорошая подготовка. Да и к тому же надо сказать, что в полярный день не столь холодно. «Это от -10 до -38. Ниже температура не опускалась». Что, помимо всего, позволило отлично спланировать передвижение. Утром команда вставала, завтракала. Затем делала пять – шесть ходок по пятьдесят минут. Три – четыре часа обедали и примерно столько же продолжали свой путь. До вечера. «Ночь не поджимала, и мы могли свободно ходить в светлое время».

Именно в такое «светлое время» туристы набрали на вешки. «Из опыта прошлых лет: дрова все-таки в тундре есть, и мы взяли печку. Все, что попадалось сухое – ветки, кусточки, кусты, – всё собиралось. А тут классные вешки». Евгений признался, что не сразу понял, что это за «дрова». И, притом, они туристов очень порадовали. «Что за провода торчат, я представления не имел. Только потом, когда увидел коробки, на которых было написано аммонал – все стало ясно. Мы шли, и бескрайние эти вешки торчали». Так Ямал показал свои «минные поля».

Однако туристов это не сильно расстроило. «Мы встали на краю минного поля. Поставили палатки, переночевали». А на следующий день всю дорогу, т.е. тридцать километров, эти вешки сопровождали туристов. «Уже на краю другого минного поля мы увидели геофизиков. Куча народа. Я сразу прикинул, какое обилие людей надо привезти в тундру, чтобы они сверлили все это. Как раз увидели шлейфы из проводов, которые используют. Датчики на них стоят для считывания. На самом деле это «минное поле» никого не впечатлило. Ну, прошли и прошли, палочек наломали, печку хорошо потопили. С точки зрения экзотики, я всегда говорю, что никакой экзотики нет».

Каждый из команды уже имел врачебный опыт. А здоровый походный интерес вкупе с хорошо укомплектованной аптечкой придают

надежность. Чувство страха уходит на задний план. Остается работа, удовольствие в общении с самим собой. Хотя «на самом деле тяжело всем. Но тем, кто готовится заранее, и психологически легче принимать трудности. Каждый умирает в одиночку: тут у тебя колено хрустит, там спина побаливает, тут пять мозолей намозолил. Физически достается всем, но никто на этом не акцентирует внимание. Один из участников в предтренировочных походах намозолил пять мозолей на ногах и пошел с ними в поход. Известно, что ничего не заживает, пока ты не уберешь травмирующий фактор. Дневной переход был от 25 до 30 километров». Это зависит от ветра. Дунул ветер в лоб – мы откатываемся. Как получится. Никто не работает так, что «сегодня нужно пройти 30 километров. И люди наслаждались с постоянной болью в ногах. Некий здоровый туристический мазохизм».

Именно такой туристский подход позволяет узнать, что существует загар – «маска шамана» и ягель для ненецких детей – что-то вроде памперса.

* Буксировщик – горизонтальный парашют, который позволяет передвигаться с помощью ветра. Вся его конструкция наполняется воздухом. Если этот парашют отпустить, стропы расслабить – он упадет, как тряпочка, никуда не полетит. Но когда его держишь, он обрывается в сферу, появляется тяговые усилия, за счет которого человек перемещается.

ГРУППОВОЕ СНАРЯЖЕНИЕ В ЛЫЖНОМ ТУРИЗМЕ

Шатровая палатка «Зима» — первая промышленная палатка для лыжных походов, обеспечивающая размещение большой группы.

Она имеет наилучшую (по сравнению с палатками) обтекаемую форму, способную в сочетании с ветрозащитной стенкой из снега противостоять самому сильному ветру. Почти вертикальные стенки позволяют сидеть вплотную к ним, высвобождая весь центр, а высота в 2 м — раздеться и переодеться стоя. В ней также хорошо сушить одежду и обувь. Эти качества и делают ее предпочтительной не только для лыжных походов по среднегорью, но и для продолжительных путешествий зимой по тундре и ледовым районам. Некоторые группы предпочитают ходить в тундру с палаткой «полубочка» — ее преимущества в более ветроустойчивости, в ней более теплее, если ходить без палатки. К недостаткам можно отнести следующее: процесс сборки металлического каркаса может привести к обморожению пальцев, так как некоторые операции невозможны в рукавицах.

Спальные мешки

Путешествие может быстро потерять привлекательность, превратиться в неоправданное физическое и моральное испытание, стать причиной травм и несчастного случая, если группа не сможет организовать полноценный отдых, восстанавливающий силы участников. Основа полноценного отдыха — сон. Анализ показывает, что основная причина аварийных ситуаций заключается в плохо организованном отдыхе. Каждодневное недосыпание от подмерзания или тесноты изматывает больше, чем недостаточное питание и трудности пути, вместе взятые. Вот почему второй по важности после палатки принадлежностью снаряжения являются спальные мешки.

Пожелания при покупке спальных мешков можно свести к нескольким основным требованиям: небольшой вес, хорошее сохранение тепла, комфортабельность, возможность выветривания и просушки, удобство транспортировки.

Этим требованиям в большей степени отвечают многоместные двойные спальные мешки, они достаточно легкие, например, индивидуальный пуховой спальный мешок весит до 2,5 кг, что составит на 4 человека 10 кг, а групповой спальник

на столько же людей не превысит 5–6 кг. Выгода в 4–5 кг весьма существенна!

В тундровых и ледовых районах спальные мешки должны быть только групповыми!

Во время похода спальные мешки необходимо ежедневно просушивать на солнце или у костра. В тундровых или ледовых районах перед сном, особенно в сильные морозы, мешки рекомендуется осторожно прогреть, используя для этого таблетки сухого спирта или примус.

Большой популярностью у туристов пользуются пуховые спальные мешки, взятые на вооружение у альпинистов, но надо помнить, что просушить их в походных условиях достаточно сложно

Походные печки

Сейчас появились печки облегченного типа, которые используются только для отопления палатки. Все многообразие их можно условно разделить на следующие группы: по форме — прямоугольные, круглые, овальные; по готовности к использованию — собранные (сваренные, склепанные), складные и разборные; по способам установки — на ножках или подвесные; с горизонтальным или вертикальным расположением корпуса и укладкой дров; с приспособлением для увеличения теплоотдачи и уменьшения вылета искр; сочетающие функции обогрева и приготовления пищи.

Костровое имущество

Еще до недавнего времени в лыжных походах для костра рыли в снегу яму или сооружали настил из поваленных деревьев. То и другое — дело очень трудоемкое. Выход был найден в использовании костровой сетки, изготавливаемой из проволоки (0,5 мм); размеры сетки 50x80 см. Непосредственно у сетки привязывается тонкие тросики (тонкая цепочка), которые наращиваются капроновым шнуром. Сетка привязывается к деревьям. На ней хорошо горят ветки, поэтому совсем не обязательно рубить большие сухие деревья.

Костровой тросик

На тросике несъемно крепятся три — четыре вертикальные свободно передвигающиеся подвески с крючками, на которые подвешиваются котлы. Подвески можно сделать из тонкого тросика или

сталистой проволоки, например велосипедных спиц. Силу костра под ведрами можно регулировать, подвесив котел повыше, отодвинув его в сторону, а при необходимости — и уменьшив огонь.

Сетка и тросик не только облегчают организацию бивака в зимних условиях, но и способствуют сохранению природы.

Варочная посуда подбирается или изготавливается с учетом количества участников в группе, удобства транспортировки, небольшого веса, а главное — минимального расхода топлива, особенно бензина, в горных и тундровых походах. Емкость определяется из расчета 1 л жидкости или жидкой пищи на одного человека плюс 15–20% запаса, чтоб пища при кипении не выливалась через край.

Варочную посуду нужно обязательно укладывать в мешок из плотной ткани, чтобы не пачкать другие вещи.

Туристский топор

Топор — необходимый предмет снаряжения в зимнем походе и особая забота руководителя группы. Топоры должны быть прочно и надежно насажены на топорича и эффективны в работе.

Если же в результате длительного употребления насадка несколько ослабнет, то топор необходимо сдвинуть к рукоятке, а в топориче забить клин, после чего вновь надвинуть топор.

На топориче рекомендуется сделать темляк, за который инструмент можно вешать на сучок, а не втыкать варварски в ствол. Топориче желательно выкрасить в ярко-красный цвет. Чехол из брезента укрепляется на топоре тугой резинкой. Сейчас появилось много хороших моделей топоров иностранного производства. Они красиво смотрятся, у них легкая пластиковая ручка, работать таким инструментом удобно и приятно. Один недостаток — ручка часто ломается и в походе починить такой топор практически невозможно.

Туристическая пила

Двуручную большую пилу с целью облегчения веса рекомендуется уменьшить до размеров — 800 мм в длину и 100 мм в ширину. Рукоятки можно сделать в виде изогнутых скоб, в которые бы свободно входила рука в рукавице: тогда будет удобно не только пилить, но и привязывать инструмент к рюкзаку. На зубья необходимо сшить из двух-трех слоев брезента чехол, крепящийся на пиле также с помощью тесемок или резинок. В качестве чехла иногда применяют разрезанный вдоль резиновый шланг. время.

В последнее время появились пилы-цепи, которой можно орудовать как в одиночку, так и вдвоем, но выигрывая в компактности, такая пила проигрывает и в мощности и продолжительности заготовительных работ.

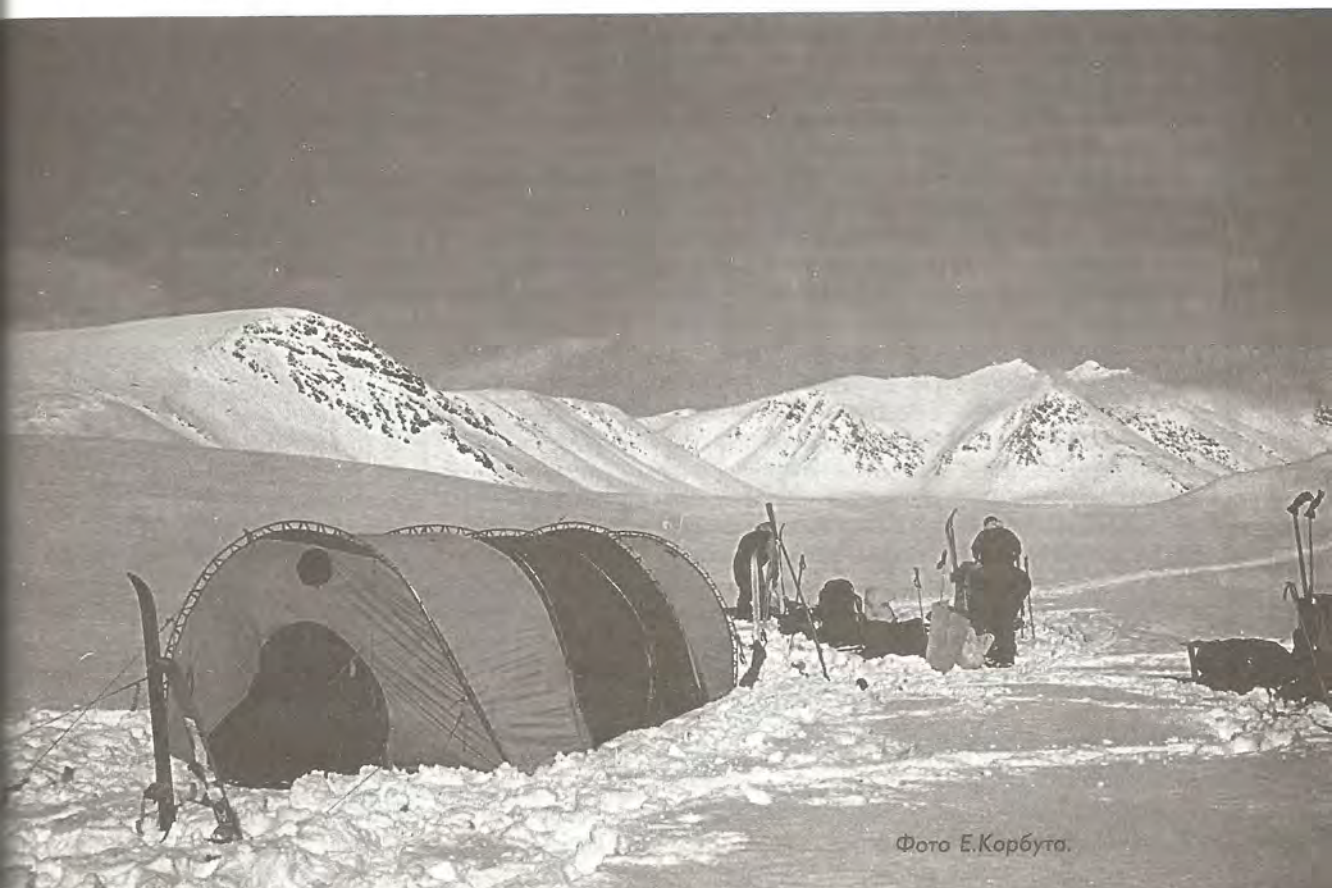

Фото Е. Корбуто.

Андрей Леонов, Сергей Банных, радиохимики, выпускники физико-технического факультета УГТУ_УПИ. В «Уральском следопыте» публикуются впервые.

Каспиотида

Несколько тысячелетий назад по обитаемым регионам Древнего Востока прокатилась волна цивилизации. На местах первобытных поселений людей в Древнем Египте, Месопотамии, Малой Азии в результате цивилизационного скачка «как с неба свалились» мощные города-государства с высокоразвитой культурой. По мере накопления и обобщения знаний о древних цивилизациях все более убедительной становится гипотеза о народе-пришельце, представителе протоцивилизации, стоящей на более высокой стадии развития. Он принес на обитаемые земли письменность и искусство, научные знания и профессиональные ремесла. Появились понятия частной собственности, права, идеологии, религии. В итоге были воздвигнуты великие государства древности.

Многие исследователи заняты поиском следов легендарных цивилизаций – Атлантиды, Эдема, Гипербории, которые могут явиться ключом к пониманию загадки древних культур. Наш подход к проблеме протоцивилизации заключается не столько в том, чтобы найти территорию, которая затонула или могла быть зоной затопления, как это отражено в легендах и мифах, а в том, чтобы показать причины, по которым цивилизация на этой территории могла находиться на более высоком уровне развития по сравнению с другими обитаемыми землями. Наши продолжительные изыскания, отправной точкой которых были исследования в области радиобиологии, привели нас к выводу о существовании единой древнейшей протоцивилизации, которая зародилась много тысячелетий назад в районе полуострова Мангышлак на северо-востоке Каспия. Условно мы назвали ее «Каспиотида». Местные жители называют полуостров Мангышлак «святой землей», а археологи и историки относят его к крайне интересным объектам изучения, пытаясь отыскать зерно истины в многочисленных легендах, сложенных о нем.

Каспийское море, наряду с Аральским и Черным морями, – один из реликтовых остатков древнего ис-

чезнувшего океана Тетис. Оно является крупнейшим в мире бессточным водоемом, уровень которого лежит ниже уровня Мирового океана и часто изменяется. С давних пор известны рукотворные строения под водой на побережье Каспия. Уже беглого взгляда на физическую карту достаточно, чтобы отметить регион Прикаспийской низменности как зону потенциального глобального затопления при большом водостоке. Все это со всей очевидностью относит каспийский ареал в разряд одной из потенциальных «Атлантид». Вместе с тем, нами отмечено еще несколько уникальных особенностей каспийского региона в районе полуострова Мангышлак, которые позволяют предположить, что на этой ныне пустынной и практически безлюдной территории могла находиться протоцивилизация, объединяющая в себе легенды об Атлантиде, Эдеме и Гиперборее.

В древности в этом регионе могло раскинуться более обширное море, объединявшее Каспийское и Аральское моря, среди вод которого располагался ряд островов. Это соответствует древним мифам многих народов, утверждающим, что человечество появилось на острове или островах среди первозданных морских вод. Природно-климатические условия той далекой эпохи в этом ареале были уникальными для развития жизни на островах. Во-первых, архипелаг находился в довольно холодных широтах, что служило, наряду с обширной водной преградой, хорошей защитой от нежелательных вторжений. Следует также отметить полную географическую изолированность региона, отгороженного от мира чередой высоких горных хребтов с запада, юга и востока и снегами с севера. Во-вторых, рифтовый разлом земной коры в этом регионе приводил к прогреванию архипелага теплыми водами, поддерживающими оазис на островах и вокруг них. Но самым основным фактором, определившим, по нашему мнению, историческую миссию «каспийского» архипелага, явился высокий радиоактивный фон. Экосистема впадины Каспий-

кого моря отличается радиоактивной насыщенностью. Основным источником радиации могли послужить выбросы радиоактивных элементов через рифтовую трещину и их накопление в толще островов и на шельфе. Воды Каспия, его донные осадки, а также живые организмы содержат весьма большое количество урана, которое в пять-семь раз выше по сравнению с другими морями. Установлено, что раковины ископаемых моллюсков, которые населяли Каспийское море в геологическом прошлом, содержат урана гораздо больше, чем их современные сородичи. В силу особенностей своего геологического развития бессточная впадина Каспийского моря предстает в виде естественного отстойника значительных масс урана и других радиоактивных элементов. Радиоактивное излучение является причиной активных мутаций живых организмов, что может приводить к невероятным генетическим метаморфозам растений и животных. В том числе и резкий интеллектуальный скачок в развитии доисторического человека мог быть связан с радиоактивной мутацией его генотипа, в частности, структуры мозга.

Таким образом, изолированность архипелага, благоприятный климат и радиоактивный фон создавали поистине пекло творения с избытком различных морфологических форм флоры, фауны и, веро-

Дракон - самый популярный персонаж мифов и легенд народов мира.

ятно, человека. Мы считаем, что применительно к этим местам родились мифы об Эдеме - Оазисе мира, Гиперборее - цветущей стране в царстве холода и Атлантиде - древней земле среди морских вод.

Если отталкиваться от вышесказанного, то становится понятным такое обилие чудовищ и гигантов в древних мифах многих народов. Известно, что радиоактивные мутации организмов могут проявляться, например, в физиологических аномалиях и в гигантизме. Поэтому вполне возможно, что многие персонажи мифов и легенд являются отголосками причудливого и удивительного мира радиоактивного архипелага. В качестве примеров можно привести прародителей человечества - Адама и Еву, отличившихся огромным ростом; гигантское Мировое Дерево - волшебное «Древо Жизни»; титанов, циклопов, всевозможных синкретических (когда в одном организме соединены части разных организмов) существ-«мутантов». Но самый легендарный персонаж, встречающийся в преданиях всех народов - это гигантский, зачастую многоголовый и крылатый, змей-дракон. Этому также находится вполне вероятное объяснение. Дело в том, что рептилии из-за плотного контакта с радиоактивной почвой в наибольшей мере подвергались мутациям. Кроме того, известно, что их выживаемость по отношению к радиационному облучению в сотни раз выше, чем у других животных. По всей видимости, рептилии-мутанты и рептилии-гиганты в изобилии водились на островах и являлись основным врагом человека в животном мире. Вместе с тем, изобилие мутационных видов растений и животных могло дать человеку также и богатейший селекционный материал, которым человечество пользуется и в настоящее время.

Помимо приведенных выше соображений, есть дополнительные аргументы в пользу «каспийской» Атлантиды - Эдема. Речь идет о том, что данный регион с большой долей вероятности мог оказаться зо-

Древняя прародина по представлениям скандинавских народов.

Ковчег из книги Л. Спенса
«Мифы Вавилона и Ассирии».

ной глобального природного катаклизма, известного в легендах как Всемирный потоп. Ученые установили, что 10–12 тысячелетий назад климат на земле начал резко теплеть. Из-за таяния ледников начала заполняться водой Западно-Сибирская равнина, образуя огромный природный котлован, окруженный горами и возвышенностями и запертый с севера ледником по линии Полярного круга. В нем накопились огромные массы воды, которые «вскрыли» Тургайскую ложбину. Мощный водный поток через ложбину хлынул в каспийско-аральский регион, что привело к довольно быстрому его затоплению. Затем поток воды через Кумо-Манычскую впадину устремился в Черное море. В этом пункте наша версия согласуется с выводами группы океанологов и геологов из Колумбийского университета, которые считают, что около 7500 лет назад произошло очень быстрое затопление Черного моря, занимавшего до этого значительно меньшую площадь. Другой причиной катаклизма могли явиться мощные сейсмические подвижки земной коры, поскольку через регион проходит крупная рифтовая трещина. Для тектонических платформ характерны ритмические колебания, что приводит к последовательной смене поднятий и опусканий. В процессе этих движений возникают прогибы, небольшие складки, тектонические трещины. Возможны грандиозные тектонические «провалы». «На памяти человечества» движения земной коры происходили в древности, происходят они и сейчас. Естествоиспытатели и историки оставили описание этих катастроф. Хорошо известны случаи, когда под воду опускались приморские города или даже целые побережья, а землетрясения поражали центральные области многих континентов.

Вполне вероятно, что именно от «Каспиотиды» ковчег Ноя (в версиях других народов - Зиусудры, Утнапиштира, Девкалиона) отправился в вынужденное плавание. Преодолев сотни километров водной стихии, древний ковчег достиг устья реки Аракс и спасительных горных вершин Кавказа. Продвигаясь вверх по течению Аракса, подальше от наводнения, в

качестве постоянного лагеря были выбраны Араратские горы. Началась новая страница всемирной истории.

Древний архипелаг, очевидно, довольно долго находился под водой. Например, еще во времена Плиния и Птолемея река Аракс впадала в Каспийское море, соединяясь с рекой Курой. Водный плен и тектонические метаморфозы могли кардинально изменить первичный ландшафт. Вот, например, мнение очевидца: «Достаточно побывать на пустынных каспийских берегах, где осадочные породы, будто специально вывернутые избыточным давлением толщ под прямым углом, «обнажают» тысячелетия. Каждый шаг по глыбам, возможно, равен прошедшим здесь эпохам». Вместе с тем наблюдается какая-то священная традиция, связанная с этими местами. Мангышлак по-татарски означает «знаменитое место». Жители полуострова считают Мангышлак «святой землей», поскольку, как говорят, здесь жили и проповедовали 360 святых. Русские сектанты-беженцы в поисках «идеальной страны» тоже тяготели к Каспию. По их мнению, именно здесь, в пустыне, должно было наступить Тысячелетнее Царство Христово. В XVI веке на небольшой территории полуострова Мангышлак обосновались исламские аскеты, поразившие тогда местных жителей, а теперь уже и современных историков, особой истовостью в исповедании. Оставили здесь свой след и представители других религий - зороастризма, иудаизма, буддизма. Все это только крупицы истории этой древней земли, которая достойна более тщательного изучения.

Когда материал статьи был уже готов, пришла информация о стихии, вызвавшей катастрофические разрушения в Юго-Восточной Азии. Причиной произошедшего катаклизма называется мощная волна, вызванная тектоническим разломом земной коры на океаническом дне. Мы не могли не отметить, что механизм этого стихийного явления перекликается с описанной в данной статье версией всемирного потопы. Это служит лишним подтверждением тому, насколько может быть реально легенда о всемирном потопе и какое сильнейшее впечатление оставил он в памяти древнего человечества.

Ландшафт Мангышлака. Фото А. Астафьева, 2001 г.

Счастливым билет

– Один, да семь, да девять, а здесь...
– Ну, что там у тебя? – заглянув через Женино плечо, спросил Антон, – у меня нет ни...

– Да погоди ты. Сбился из-за тебя со счёта, – резко перебил Женя своего друга, – так, пять, да шесть, да ещё раз шесть... Хо-хо! У меня счастливый!

– Не может быть! – Антон выхватил у Жени троллейбусный билет, чтобы перепроверить. А Женя в это время гордо улыбался: смотри-ка, точно. Вот везёт же дуракам.

– Что с ним делать-то? Мне первый раз счастливый попадается.

– Ну, как это «что»? Загадывай желание и хавай. Можешь кетчупчиком полить на него или, на вот, минералочкой запей.

– Кетчупа у меня нет, а запить можно, – Женя на секунду задумался, что-то прошептал и засунул билет в рот. Яростно разжёвывая, запил минералочкой.

– Ну, ты на самом деле, похоже, дурак. Нам ещё три остановки ехать, а ты уже сожрал. Я тебе гарантирую, что будет контроль.

– Эээ... да, что-то я стормозил. Ну может раз так посчастливилось со счастливым, может и контроля не будет.

– Мне тут недавно историю рассказали. Один мужик так же съел билет, а потом – бац, и контроль.

– Ну и что он?

– Штраф платил. Сначала долго пытался доказать, что оплатил проезд, за него даже тётка заступалась, а контролёры всё равно своё гнут. У тебя-то на штраф деньги есть?

Женя немного съёжился и непонятно мотнул головой и плечами. Так, что понять, то ли «да», то ли «нет», был невозможно. А через две остановки в троллейбус зашли контролёры.

В Русском районе в средней школе №5 шёл урок географии. Пятиклашки внимательно слушали рассказ своей учительницы. Она рассказывала о полезных ископаемых, которыми была так богата эта местность лет сто назад. Дети следили за указкой, указывающей на сплошной кусок суши на карте. Карта представляла собой синий круг, на котором почти всю площадь занимала суша, прорезанная ветками рек. Серёжа долго терпел, но всё таки не выдержал и поднял руку.

– Что тебе, Серёжа? – тут же заметила его учительница.

– Алевтина Михална, мне Сашка Зубов из пятого «Б» говорил, что вы им рассказывали о том, что было много сотен лет назад. О каком-то Всемогущем... эээ... Как-то его там, – Серёжа резко замолчал и «щенячьими» глазами уставился на учительницу.

– Серёжа, пятый «Б» опережает вас на две темы. А у вас завтра контрольная работа поэтому...

– Алевтина Михална, ну, пожалуйста? – заняли все хором, чувствуя, что рассказ будет интересным, – напишем мы эту контрольную.

После пятиминутного нытья дети уговорили учительницу.

– Ну хорошо. Значит так, дома все читают пятнадцатый параграф. И попробуйте только хоть кто-нибудь на двойку написать.

– Да никогда! – взбодрился Серёжа, – кто на двойку напишет, того я в порошок сотру!

– Посидите минуту тихо, я схожу в музей. У нас хранится очень редкая вещь.

Ребята сидели спокойно. Через минуты три-четыре в класс вошла Алевтина Михайловна, держа

в руках свёрнутую в трубочку бумагу – карту. А когда она развернула и повесила карту на доску, дети раскрыли рты.

– Вот, ребята, это карта мира 1990-го года, – торжественно произнесла учительница, тыча указкой в только что принесённый из музея раритет.

– Ого-го! Больше двухсот лет, – произнёс кто-то из класса.

Карта изображала два полушария. Причём, на каждом из них располагались отдельные части суши, разделённые между собой океанами.

– Вот так, ребята, выглядела Земля двести двадцать три года назад. Но в 2004-ом году всё изменилось. Существуют две версии протекания событий. Первая – научная, и все вы её знаете, да?

– Это когда комета «Галилео» чуть не врезалась в Землю?

– Да, она. Учёные утверждают, что «Галилео» заметили слишком поздно и из-за взрыва от её уничтожения жизнь на Земле изменилась. Численность населения стала резко уменьшаться, а континенты – сближаться, срастаться друг с другом. Затем, якобы для урегулирования ситуации, все страны объединились и создали Единое Государство, которое разделили на районы. Ну, это вы знаете.

– Да-да, знаем, – загалдели дети.

– Но! Существует ещё одна версия, – ученики и ученицы мгновенно стихли, – которая мне ближе к сердцу. Хоть она и фантастична, но объясняет почти всё. Итак, по легенде, некий Всемогущий сделал так, что все люди объединились, перестали идти войны, агрессия исчезла и мы стали такими, какие мы есть. А ведь, говорят, раньше жили ужасно: люди грабили, воровали, ну, то есть, брали чужое...

– Как же так, Алевтина Михална? Ведь это нехорошо, так делать нельзя, так никто не делает, – тут же встрял Гоша Воробьёв.

– Да, но я же говорю, что так было раньше, когда люди были почти дикими. Говорят, что они даже убивали друг друга, – от этих слов учительницу и её подопечных передёрнуло, – кошмар был, а не жизнь. Так вот, жили люди плохо, ужасно, но был в то время один человек, вернее, даже не человек, а Всемогущий. И жил он, как говорит легенда, в бб-ом комплексе Русского района, поэтому во всех книгах о нём упоминается как о Всемогущем Россиянине. Вот такая история.

– А как же он так смог сделать? – задала вопрос одна из девочек.

– Не знаю, ребята.

– Алевтина Михална?

– Что, Серёжа?

– А моя бабушка говорит, что он, ну, этот Россиянин, отдал свою жизнь за то, чтобы мы жили хорошо. А ещё она говорит, что на самом деле у него был волшебный листок бумаги, вот такой маленький. Но в этом листочке была вся его сила. Это правда?

– Не знаю, Серёжа. Я тогда не жила. Никто точ-

но не знает, есть только версии, предположения. Хотя моя прабабушка тоже говорила про какой-то волшебный кусочек бумаги, который Всемогущий заколдовал.

– Так он был человеком?

Учительница не знала что ответить, она лишь пожалала плечами...

Очередной пустой стаканчик из под кофе полетел в мусорную корзину. Антон сидел здесь уже шестой час. У него уже складывалось впечатление, что этот третий этаж больницы был его вторым домом, а может, уже и первым. Он знал здесь каждый уголок, и вся информация, которую можно было прочитать, была прочитана не один десяток раз. Вдруг скрипнула дверь. Хирург не успел сделать и двух шагов, а Антон уже подлетел вплотную и вцепился в него глазами.

– Мне очень жаль, – наконец выдал из себя врач и положил руку на плечо Антону в знак скорби, сожаления и сочувствия, – мы сделали всё, что могли.

– Господи, ну у него же было обычное несварение или что-то в этом роде, – слеза медленно покатила из правого глаза Антона. Он пытался держать себя в руках, но предательская слеза всё равно выскользнула.

– Заворот кишок. Во время операции произошли осложнения. Я не понимаю, в чём дело, но у него вдруг началось обильное кровоизлияние в мозг. Мы делали всё, что возможно и невозможно. Прости...

– Да, я понимаю. Вы сделали всё, я вам верю. Я лишь не могу понять одного. Женя был здоровым как бык. Он же кандидат в мастера спорта. Как?

– Перед операцией мы провели экспертизу, и у меня есть одна фантастическая мысль. Вы не знаете, он в ближайшие день-три не ел каких-нибудь бумажных листков с текстом? Я понимаю, как это глупо звучит. Сегодня последнее, что он сказал перед потерей сознания, было что-то про билет какой-то...

– Погодите, вчера в автобусе ему попался счастливый билет, он его съел, а потом ещё контролёры на него взъелись. Он этот билет ещё минералкой запивал, юморист. Но при чём тут...

– Понимаете, бумага-то в желудке растворилась, а вот краска вступила в реакцию. Это и послужило поводом для первичного заболевания. А затем, видимо, начались серьёзные осложнения, которые и привели...

– Неужели всё из-за маленького клочка бумаги? Да я их сам ел много раз, и ничего.

– Ну, это всего лишь моя версия. Мы, конечно, можем сделать вскрытие, полный анализ, точнейшую экспертизу. и тогда уж точно скажем, что произошло. Но стоить это будет недёшево.

– Нет, спасибо. Не надо.

– Понятно. А где его близкие, родственники, родители?

– Его родители уехали в отпуск, а близких род-

стенников у него здесь нет. Вот так.

– Ну, ладно. Вы извините, но я устал очень. Да и вам тоже надо отдохнуть, прийти в себя. Всю информацию можете узнать в справочной завтра с восьми утра. А теперь ступайте-ка домой. За другом можете приехать только с завтрашнего дня. Сегодня его приведут в нормальный вид и отвезут в морг.

– Вы так говорите, будто его гранатой разорвало.

– Была очень сложная операция, поэтому зашивать приходится многое. А теперь до свидания. Мне очень жаль. Примите мои соболезнования.

Хирург молча развернулся и ушёл обратно в дверь. Антон постоял ещё несколько минут, а затем медленно, еле волоча ноги, поплёлся домой. Он никак не мог поверить, что его лучший друг, с которым прошли двадцать лет, вдруг, неожиданно умер. Ноги стали неподвижны, а тело невыносимо тяжёлым. Казалось, что на плечах висит гиля весом под сотню килограммов. «Вот тебе и счастливый билет, – думал он, – будь проклят тот, кто придумал эти счастливые билеты. Будь проклят тот, кто придумал жрать эти проклятые билеты!»

Антону вспомнилось лицо Жени когда он прошептал желание. Антон не разобрал, что именно Женя шептал, но понял, что что-то о войне, о людях, о любви.

АДАМОВИЧ Евгения Алексеевна (псевд. Лас; 1889 -), писательница.

Педагог. Сост. методич. пособий: «Грамматич. таблицы для IV класса нач. школы». М., 1940 (совм. с А.А.Зацепиной и С.П.Редозубовым); «Домашние задания в начальной школе»; «Виды упражнений для закрепления орфографических навыков в нач. школе». М., 1950 (совм. с А.А.Зацепиной); «Рассказы и стихи для чтения в 1 классе». М., 1950 (совм. с П.А.Завитаевым и Н.В.Архангельской); «Самоуправление в деревенской школе». М., 1927 (совм. с М.Петровым). Совм. с членами авт. бригады сост. кн. «Колхозные ребята. Рабочая книга на втором году обучения в сельской школе...» Вып. 1. М., 1931. Авт. книг рассказов: «Без матери» (1927) - Лас, «Умный», расск. (М.-Л., 1927); «Наводнение», расск. (М.-Л., 1928); а также расск. «Митькина картошка» (1927, в соавт. с М.Величко).

Указ. заглавий. РНБ.

АДАМОВИЧ Евгения Николаевна (1872 - 1947), авт. воспоминаний.

Член РСДРП с 1898 г., большевичка. «Из воспоминаний о партийной работе в Екатеринославе. 1901-1902 г.». \\ «Летопись революции», 1923. № 2. С.44-57; «Воспоминания старого большевика». - В кн. «История Екатеринославской соц.-дем. организации. 1889-1903: Воспом., докум., лит. и худож. материалы». Екатеринослав, 1923. С.221-345; «Работа в Калуге в 1902-1904 гг.» - В кн. «Калужская губерния в 1905 г.: Сб. ст., воспом. и материалов» Калуга, 1925. С.281-308; «Легальные возможности и парт. работа в Петербурге в 1908-09 гг.: (Воспоминания)». \\ «Красная летопись», 1930. № 4. С.27-73; «Восстановление подпольной большевистской организации в Харькове в 1911-12 гг.» \\ «Летопись революции», 1924. № 1. С.137-170; «Забастовали! Забастовали! (1911-1912 гг.)» - В кн. «Сквозь бурю времени: Восп. участниц рев. движ. и соц. строит. на Украине и в Молдавии». Кишинев, 1979. С.20-34.

ИДРДВ. Т.4-5. Ук.им.

АДАМОВИЧ Елена Михайловна (1890 - 1974), авт. воспоминаний.

Артистка балета. Напис. воспом. «Светлый образ». - В кн.: Василий Дмитриевич Тихомиров. М., 1971. С.234-236.

ИДРДВ. Т.4, ч. 4. № 7701.

АДЕЛЛОВА Констанция Фердинандовна, сост. учебн. пособий.

Возможно, жена Ф.В.Аделлова, учителя немец. яз в реальном училище и женской гимн. в Костроме. Сост. кн. «Статьи для звукового диктанта, звукового чтения и для списывания» Рига, 1911.

РНБ.

АДЕЛЬ-ГАРЕНИНА Софья Марковна, авт. воспоминаний.

Актриса, домовладелица в Москве. «Мои воспоминания о 1905 годе. Серый дом № 7 на Малой Молчановке» (1905-1910) - машинопись, хран. в ОР РГБ.

«Воспоминания и дневники».

Поход до ... и после...

Я тогда готовился к зимнему походу в Южную Якутию, на Становое нагорье. А тренировал меня наш бригадир Саша Карев. И событие, про которое я хочу рассказать, как раз и случилось на лыжной тренировке...

Когда мы вышли из электрички на станции Хрустальной, чтобы пройти до избы 25 км, мороз уже был -35° , а лыжи под нами проваливались в снег по колено. Нас было 6 человек. Сначала все шло хорошо. Карев и я попеременно торили лыжню. За нами шли остальные. Да, чуть не забыл, шли еще какие-то лыжники, но как только они нас догнали, сразу же развернулись обратно, торить не захотели. Сказали: «Мы ходим только по готовой лыжне». В двенадцать часов нами было пройдено 10 км, до избы осталось торить еще 15 км. На обеде мы уже хотели идти обратно, но почему то все равно пошли вперед, к избе. Кое-где пробовала торить Наталья Дейкина, но ее хватало всего лишь на 20 метров, а другие и пробовать не стали. Когда до избы оставалось 3 км, Карев мне сказал, что у него пальцы на ногах не чувствуют ничего: кажется, обморозил. Он дома надел валенки, но по ошибке взял с собой ботинки для лыж на размер меньше. Поэтому мне необходимо было спешить одному к избе, чтобы растопить печь, а времени уже было шесть вечера, вдобавок стемнело, благо что светила луна и в лесу были видны только длинные тени деревьев и черные шлемы елок. После сильных холодов и обильных снегопадов нам не встретилось ни одной лыжни. К избе я пришел через час после того, как ушел вперед. На наше счастье в избе оказался вздымщик Коля и внутри было жарко. Я попросил его согреть чаю, а сам бросил рюкзак в угол и пошел обратно по своей лыжне навстречу группе. В метрах пятистах от избы их и встретил. Карев уже шел, закусив губы от боли. А тут еще перед избыю крутой склон. Года три назад я сам по нему падал. Высота – двадцать метров, крутизна – около 30 градусов.

Пришли в избы. Стали отогреваться. Саша идет, а

у него ноги стучат по голому полу. Я ему говорю: «Саша, ты хоть ботинки сними, пальцы быстрее у тебя отогреются». А Саша отвечает, что он их давно уже снял и это его пальцы стучат об пол. Затем он забрался на русскую печь, и когда у него ноги стали отходить, застонал и зарычал от боли. На следующий день Карев, надев валенки, пошел пешком до станции, морщась от нестерпимой боли. В понедельник ему дали больничный лист. На работе тогда все шутили, что я вывел из строя своего бригадира.

Я-то думал, Саша долго теперь на лыжи не встанет. Но на следующие выходные когда мы снова собрались с группой на избы со станции Исеть, и тоже примерно на 25 км., он решил опять пойти с нами. Но там уже была лыжня, и торили мы все вместе не более 15 км. Да и торить лыжню было кому, ребят собралось полтора десятка. Только один Саша Карев не торил. Он на лыжи поставил мягкое крепление и шел в валенках.

Упрямый был у меня бригадир.

На этот раз мы пришли в избы в 16 часов. А там уже был Володя Шапкин, который ждал нас в теплой избе. Это был Новый год по старому стилю. Дедом Морозом был Урусов. Кто-то произнес слова:

Здравствуй, Дедушка Мороз,

Борода из ваты!

Ты подарки нам принес,

Старичок горбатый?

Тут Дед Мороз достал единственную бутылку шампанского, потряс ее в руках, выстрелил, зажал пальцем горловину и стал всех поливать, как из огнетушителя. Все под стол – и он с бутылкой под стол. Таким методом он всех угостил и никого не обидел.

В тот январь я ходил все выходные. Отпуск у меня с декабря 1978-го был перенесен на март 1979 года, чтобы идти в марте в поход на Становое Нагорье. Меня и Урусова рекомендовал в ту экспедицию Р.Н. Тихонов.

Наша группа должна улететь в Иркутск и далее на озеро Токо, что находится в южной Якутии. Би-

леты уже были куплены. Мне пришлось идти самому в спортклуб Уралмашзавода и оформлять бумагу с печатью, что я еду экспедицию. По такой бумаге меня отпустили на месяц с сохранением заработной платы.

Итак, в начале марта мы вылетели в Иркутск, а уже из Иркутска – в город Зею, где строилась Зейская ГЭС. Под нами простиралось озеро Байкал, были отлично видны оба берега. В Зее заказали самолет – спецрейс до озера Токо. В аэропорту летчики надели на самолет лыжи, и мы полетели. Хорошо был виден хребет Токинский Стоновик, через который нам предстоит пройти за 18 дней. Посадка была мягкая, на пухлый снег озера. На озере нас встречала вся метеостанция, как долгожданных гостей. Их там было всего 5 человек, начальник метеостанции – В. Жук. Вечером он выставил на стол трехлитровую банку сигаовой икры и много рыбы из своих кладовых. По его рассказам, летом на озеро прилетают на гидросамолетах генералы на рыбалку, за сигом. Здесь отличная рыбалка. (Вспомнил я сразу, как в походе по Алтаю в 1986 году у нас тоже была такая рыбалка. Тогда мы спустились с ледника братьев Троновых к Кучерлинскому озеру и уже проходили мимо маленькой полыни, как Гена Лютин говорит мне: «Останови всех на перекур, я заброшу в эту лужу леску с крючком». Я сказал: «Остановиться, перекур». Коля Устиновский еще завозмущался, что нам по графику еще идти 10 минут. Но Гена бросил рюкзак, достал из кармана леску с крючком, из шерстяного носка выдернул красную нитку, прицепил ее к крючку и забросил. Через 5 секунд на крючке уже сидел трехсотграммовый хариус. Он снова бросил крючок в воду – такой же результат. Только тогда все бросили рюкзаки, стали считать рыбу и секунды, за сколько он их выдергивал. Мы жадничать не стали, он поймал 24 рыбины на 8 человек – каждому по три штуки – за 15 минут. Довольны остались все, кроме, конечно, хариусов.)

Нам тоже пришлось в ответ выставить на стол «огненную воду». На метеостанции мы долго задерживаться не стали. Нам предстояло еще идти через озеро в горы. Озеро Токо большое: от берега

до берега 25 км. В первый день мы дошли до острова. Лыжную тропили челноком. Это когда первый человек идет без рюкзака, а через 500 м возвращается за ним. Сложнее подниматься на перевалы: там на склонах гор растет кедровый стланик. Он сверху засыпан снегом, по нему идешь, а он весь трясется, как студень. Снег осыпается, и оголяются кедровые сучки. Тропить лыжню на таких склонах сложно. Зато такие склоны не лавиноопасные. Стланик хорошо держит снег на склонах гор. Когда мы преодолели перевал Таз-Бугулан и спустились к реке Луча, то на берегу увидели огромный камень, кубов эдак на сорок. От него посмотрели на перевал. Седловина перевала была похожа на тазик. Вот откуда ему такое название. Реки в том районе перемерзают зимой, отчего и образуются обширные поля голого льда – наледи. Встречались на реках купола высотой до 3 метров. Очень гладкий лед, наверх невозможно подняться. Нам объяснили, что это тоже промерзание реки, называются бурени. На реке Зее проходили красивый водопад высотой метров 15, с двумя ступенями. В кошках и с веревками спускались с этого промерзшего водопада. Из деревьев растет одна лиственница, не очень высокая, метров 10. Весь лес прозрачный, и от этого зимой в Якутии не ощущается глухой тайги. В этих местах в тридцатые годы велись топографические съемки изыскателем Федосеевым. Его проводником был Улукиткан. Однажды Улукиткан упал и потерял на неделю зрение. Он вел экспедицию вслепую, говорил им приметы местности, хотя там он уже не был 20 лет.

Погиб он у своего последнего костра в 92 года. Был он на охоте. В палатке топилась печка, во сне он случайно ее уронил – и палатка вспыхнула. В трех километрах от него, также в палатке, стоял его сын. Улукиткан полураздетый прискакал на лошади к сыну, но тот уже снялся с этого места. Улукиткан прискакал обратно и замерз у своей догоревшей палатки...

На реке Алгаме нам встретилась группа туристов из Нижнего Тагила, руководитель Маркиов. В тот год по Становому нагорью ходило 4 группы, где-то здесь ходил и Сергей Усталов из Кировграда.

Через 18 дней наша группа вышла на золотоприск на реке Баргань. Люди туда только еще приезжали на летний сезон. Они приняли нас очень хорошо, первым делом проводили в свою столовую и сразу нам сказали: «Можно есть сколько влезет, за все давно уплачено..!». Узнали, что с прииска за продуктами через поселок Бампак пойдут две машины. Мы с ними должны были уехать до поселка Бампак, а из него в 12 и в 14 часов в город Зею летит самолет Ан-2. В пятницу у них два рейса, а в выходные аэродром не работает. Утром мы встали, собрались, сходили в столовую. Вскоре к нам подогнали две машины, мы стали грузить свои рюкзаки и лыжи в кузов машины, а шофера куда-то ушли. В кузовах машин лежали большие ватные одеяла, которыми мы должны были укрываться от холода. Из группы Нина Дубинина должна была ехать в кабине. В это время я ушел в туалет, вышел вроде быстро, но машин на месте уже не было. Я побежал к воротам, машины показались и тут же скрылись за поворотом. Уехали без меня. Первым делом я взглянул на часы: было ровно 8 часов. До Бампака 36 км: арифметика простая – $6 \times 6 = 36$. На 14-часовой самолет я еще могу успеть. У меня при себе ни денег, ни паспорта – все у руководителя. Я еще раз зашел в столовую, у мужиков убедился, нет ли на дороге развилок, взял за пазуху булку теплого хлеба и пошел в поселок Бампак. Идти мне нужно как можно быстрее, чтобы успеть до взлета самолета.

Я предполагал, что Володю Урусова оставят меня ждать. Вначале еще теплилась надежда, что машина за мной вернется, но чуда не произошло. Я смотрел на часы и подсчитывал километры. Ботинки у меня были прыжковые, с негнушейся подошвой, ко всему, к концу похода они у меня изрядно набрали в себя воду. Времени уже полвторого, но поселка не было видно. Вдруг над головой летит самолет Ан-2 и где-то рядом садится. Впереди на дороге небольшой подъем, я на него поднимаюсь бегом и оказываюсь прямо на взлетной полосе. И уже к прилетевшему самолету идут пассажиры. И я бегом врываюсь в аэропорт и сразу к кассе: «Где группа из Свердловска?» Мне сказали, что они улетели еще в 11 часов на вертолете, но одного оставили. Тут появился Володя, которого оставили ждать меня, первые его слова были: «Ты на чем приехал? Я бегал по всему поселку и не смог найти ни одной машины». Объясняться не стали, в кассе взяли билет и побежали к самолету.

А получилось вот как. Нина и инженер с прииска сели в кабину первой машины, ребята были тоже в кузове первой машины и укрылись одеялами. А Володя Урусов сел во вторую машину, в кабину. Он думал, что я еду с ребятами в кузове, а они думали, что я с Володей в кабине. Когда они поняли, что меня с ними нет, то уже проехали 20 км. Шофер обратно из-за меня машину не погнался.

Когда мы выходили из самолета, Урусов вышел первым. Евгений и Анатолий хотели увидеть нас обоих, а вышел один Володя и развел руками. Они же грозили ему кулаками. Последним из пассажиров из самолета вышел и я. У ребят тоже был первый воп-

рос, на чем я приехал. В городе Зея мы уже знали гостиницу «САХА», в ней же и расположились. Купили билеты до Иркутска на следующий день, дальше до Свердловска.

После похода мне пришлось ехать в командировку в Нижний Тагил, и тоже на один месяц. В командировках на доменных печах мы работали по скользящему графику в три смены. Бывало, в командировку нас нагонят тысячи три, да еще и местные на ремонт. Доменная печь высотой 80 метров, на ней множество временных площадок и люлек, работа ведется на многих ярусах одновременно, много груза поднимают лебедками через блоки, вверх тянется не один десяток тросов.

Не проходило ни одного ремонта, чтобы когонибудь не убило, а травмы были почти ежедневно. Однажды нашу бригаду послали с утра крепить мораторное кольцо к колоннам, а там одна шпилька весит 15 кг, гайка – 5 кг. Я и бригадир Шубарин стояли на временной площадке, которую приварили к броне доменной печи, и принимали эти шпильки для крепежа. И вот когда нам подали пятую шпильку, то от избыточного веса площадка вместе с нами оторвалась от брони и полетела вниз, в поддоменик, с высоты примерно метров 15. На пути стали мелькать временные леса, доски, тросы от лебедок. Я не стал ждать «мягкого» приземления: пролетев метра три вниз, бросил шпильку и схватился за первый попавшийся трос, но с него сорвался. Однако снова уже крепко ухватился за другой трос и по нему благополучно спустился на землю. Это еще хорошо, что я не успел прицепиться монтажным поясом за нашу аварийную площадку. Быстро прибежал в поддоменик и стал искать Серегу. Он лежал в обломках досок и всякого шихтарного железа. Я считаю, что ему повезло – сломал только нос и руку. Тут же нашлась и площадка, на которой мы стояли, она была не приварена, а только прихвачена в двух местах. Нас же потом и обвинили, что мы не проверили сварку, а кто поставил ее и не приварил – так и не узнали. Шубарин попал в больницу, а нас домой не отпустили, пришлось еще долго работать.

И когда наконец командировка закончилась, я снова начал ходить в походы выходного дня со своей группой.

Слева – здание «Обжорного ряда»...

150 лет назад в 1853 г. во владениях князей Демидовых объявился никому не известный подданный Британской империи – Генрих Инглис. Никто и не подозревал, что вместе с ним в Тагил пришло чудо фотографии.

Англичанин был принят на Нижнетагильский завод кузнецом по отковке тяжеловесных изделий. Затем он подписал контракт и 5 лет заведовал пудлинговым отделением. Пока не обзавелся собственным жильем, Инглис квартировал в семье знаменитых тагильских художников Худояровых. После окончания контракта в 1858-м англичанин решил сменить тяжелый труд на заводе на более приятное и выгодное занятие. Он основал в Нижнем Тагиле первый фотосалон.

Дело это было новое, необычное и некоторых даже пугало, особенно старообрядцев. «Бесовская штука, если поймает кого на стеклышко, да лик его на бумаге получится – тогда пропал человек, печатью антихриста будет отмечен лик, а душой завладеет дьявол...» Вот с такими предрассудками приходилось бороться новоиспеченному фотографу в уральской глубинке.

Но с прогрессом не поспоришь, и вскоре желающих увековечить свой лик для потомков было хоть отбавляй. Появились и фотографические мастерские местных умельцев.

Благодаря первопроходцам, мы по фотографиям XIX столетия можем представить город той поры и его жителей. К сожалению, фотографий этих не так много, но то, что осталось, бережно хранится в музее-заповеднике и у краеведов-любителей.

Вот одна из фотографий XIX столетия. На оборотной стороне кто-то неизвестный оставил для нас свои записи:

« Н . Т а г и л .
1880-е годы. Торговая площадь. На переднем плане навес и под ним...
весы. Слева здание
« О б ж о р н о г о

ряда» – столовая открытого типа с продажей хлебобулочных изделий, пельменей, галушек, горячих щей и проч. Посредине лабаз мучного торговца К.И.Хлопотова, а слева от него Щепелева. Непосредственно за Обжорным рядом слева небольшая часовня, а еще левее – Сенная площадь. С левой стороны улица Александровская – дома торговцев И.Ф. Уткина, Копылова и др. На заднем плане торговый ряд Мозгуновых, Ярославцева и за ними Входо-Иерусалимский собор и гора Высокая, и от нее направо улица Шамина и дома Балыкова, Лохтина. Снято с ул. Высоковской, с дома Федоровского А.П. Справа на высоком столбе с флюгером – колокол».

Для сегодняшних любителей «уральской старины» этот привет из XIX века – бесценный подарок. Давно переименованы улицы: Александровская в проспект Ленина, Шамина – К.Маркса, а Высоковская называется Первомайской. Вместо Базарной площади и Обжорного ряда тагильчане ходят через Комсомольский сквер, где весной красиво цветет сирень и уже ничто не напоминает о прошлом. И только на старых фотографиях продолжает существовать Базарная площадь в самом центре Нижнего Тагила.

За реставрацию фотографии автор благодарит Илью Кравченко и Николая Владимировича Митина.

Музей фотографии

Жизнь, она такая короткая...

1

Душа ее испуганно металась. Только что было тяжело дышать, ныла и просила покоя каждая клеточка старого изношенного тела, хотелось то ли пить, то ли глотнуть свежего воздуха, то ли спать. Но горло разучилось глотать, легкие отказывались вдохнуть, даже пальцы леденеющих рук совсем забыли, что они умеют шевелиться. Мысли улетучивались, исчезали, как высохшая трава поля под тяжелым осенним плугом. Теперь ничто не связывало ее с этим геном, и, освобожденная, она вспорхнула вверх, недоуменно взирая на то, что она только-только оставила. Болезненно вздрогнув, прибежал из другой комнаты и замер, обреченно вглядываясь в нее, сын, научившийся за эти дни слушать ее дыхание через две двери. Было видно, что он не может поверить в то, о чем он знал заранее. А иссохшее покинутое тело начинало уже потихоньку остывать.

У них теперь были свои проблемы, проблемы жизни. А у ней – свои. Она привыкала к своему новому состоянию. Теперь она была легка, как солнечный луч, и прозрачна, как ветер. Что-то новое и чудесное манило и звало за собой, к таким же, как она сама, прочь отсюда. Но что-то еще удерживало здесь; она не могла уйти сразу, как это делали некоторые. С благодарностью и жалостью разглядывала она из-за поникших плеч своего сына то, что только что было ею.

Да, это тело хорошо послужило ей. Когда-то оно было юным и прекрасным, и многие подружки завидовали ей, и заглядывались многие юноши. Да, да, она поняла – ей хотелось все вспомнить и со всем попрощаться. Навсегда...

Раннее летнее утро. Высокая переча чуть слышно шелестит молодой листвой за распахнутым настежь окном. Разлегшееся на чистых некрашенных досках пола яркое и теплое солнечное пятно – там, где нет полосатых аккуратных половичков. Заливисто и победно кукарекнул во дворе черный с рыжим оперением петух. Негромкие голоса отца и матери доносятся из соседней комнаты. Еле слышно попыхивает на столе пузатый самовар, родители пьют чай. Они знают, что на столе стоит кувшин теплого парного молока, баночка уже загустевшей вечерней сметаны, прозрачный душистый мед. До-

носится дразняще-теплый запах свежее испеченного хлеба. Значит, мать уже подоила коров и выгнала их в стадо, лошадей пригнал с ночного соседский мальчишка – ее сверстник, и отец напоил-накормил скотину. Скоро отец запряжет своего любимца-вороного и уедет по делам. Мать станет поднимать детей и распределит им посильную домашнюю работу. Получат задание ее братишки-погодки, которые еще спят-посапывают вдвоем на широкой деревянной кровати. Младший, который только-только научился ходить, будет еще долго раскачивать свою колыбельку, убаюкивая сам себя, пока здоровый голод не разбудит его окончательно.

Она вынырнула из сладостно обволакивающей утренней дремы и неслышно выпрыгнула из мягкой постели: ей хотелось проводить своего отца, он собирался отправиться сегодня за товаром для сво-

его магазина – и обычно никогда не возвращался без какого-нибудь подарка для нее. Он не чаял души в своей единственной дочери.

Отец еще сидел за сном, когда она – босая, в легком светлом платье – влетела в комнату. Наспех расчесанные густые волосы торопливо прихвачены белой ленточкой: она спешила, боясь не застать отца. Она подбежала к нему, не обращая внимания на недовольно поглядывающую на нее мать, и звонко чмокнула его в колючую щеку. Он ласково похлопал ее по плечу и поднялся:

– Слушайся мать, дочка. Я, скорее всего, не успею вернуться сегодня. Так что не ждите вечером нас с Василем, ложитесь спать.

Он знал, что все равно четырнадцатилетняя дочь и еще молодая жена, поджидая его, просидят вдвоем допоздна. Слишком тревожные настали сейчас времена. Не так давно вернулись в их деревню те, кто остался жив после германской. Потом потянуло откуда-то издалека чужой и горькой гарью революций. Прокатилась мимо, чуть-чуть задев кое-кого из их краев, гражданская. Пошумливал и пошаливал народ кругом – ох, пошаливал!

Следующим утром, только выплывая из теплого сна, она вспомнила долгий бесполезный вечер ожидания и изо всех своих силенок пожелала; я хочу, чтоб мой папа был уже дома. Распахнула глаза и вскрикнула от радости: рядом с ее подушкой лежал красивый цветастый платок, как у ее подружки! И – скромно, рядышком – цветные бусы. Таких бус не было ни у кого – вот обзавидуются девчонки вечерком, когда они все соберутся на неширокой полянке за деревней на игрищах-посиделках? Она не утерпела, вскочила с постели, быстро оделась и осторожно защелкнула бусы на шее. Упавшее на них солнце разбилось на тысячи цветных брызг. Как красиво! Потом долго примеривала платок, накидывая его и так, и эдак, и неслышно покрутилась перед большим зеркалом в комнате. До чего же хорошо жить, быстрее бы вечер, она сегодня будет самой красивой среди своих подруг! Видно, она была не очень осторожна: проснувшись, приподнялся на постели ее братишка, разглядывая ее во все глаза. Зашевелился рядом второй. Она тихонько рассмеялась и схватила две длинные конфеты в ярких обертках, лежащие на столе и затеряла братишек: – Вставайте, сладкоежки, хватайте свои подарки. Папа уже вернулся!

У окна загремел веселый отцовский бас: видно, он что-то делал во дворе и услышал с улицы их возню:

- Кто долго спит, тот все свое счастье проспит!
- А кто здесь спит, мы давно уже встали!

Мальчишки-погодки бросились к окну и со счастливым визгом повисли на шее отца, а дочь, козастрекоза, вприпрыжку побежала к дверям – она слишком взрослая, чтобы прыгать в окно, как они!

Она вздохнула – как же юна и счастлива была она тогда! Она перевела взгляд на своего сына. Он все еще без движения стоял около матери: лицо ее,

немного утомленное, но спокойное, разгладилось от морщин, помолодело – смерть еще не успела обезобразить его. Казалось, она устала от своей болезни и наконец-то уснула. Он медленно наклонился над мертвым телом матери и осторожно подоткнул сползшее одеяло. Мать порывисто обняла сына – но что он почувствовал? Легкий ласковый сквознячок в комнате. Он повернулся и тяжелыми шагами пошел к телефону. А в ней вновь ожили ее воспоминания...

Вот и долгожданный вечер. Она с матерью и братишками полела сегодня целый день в огороде картошку, а еще успела подоить трех коров и натаскать воды с родника. Младшенький ее братишка копошился рядом с ними, в тенечке, со своими игрушками, занятый своими делами, и, притомясь, молча забрался и поспал в своей стоящей тут же колыбельке.

Она, принаряженная, шла под руку с подружкой по утопанной тропинке за деревней, когда их догнал Василь. Этот семнадцатилетний парень-сирота, помогавший отцу в лавке и живший в их другом доме напротив, в последнее время частенько смущал ее. Упрется задумчивым взглядом и ничего не скажет – только сразу отвернется, как только она посмотрит в его сторону. И сердечко ее странно забьется, ничего не понимая.

– Идемте быстрее, девочки – слышите, как гармошка, заливается? – он белозубо улыбнулся ей и тут же припрятал свои глаза, перепрыгивая по камешкам через звонкий ручеек-речку.

Потом степенно пошел рядом с ними, не обращая внимания на то, что девчонки обиженно переглянулись – опять ни о чем не посекретничаешь! И зачем только отец отправляет его на игрища и просит приглядывать за дочкой, чтоб никто ее не обидел! Да попробовал бы кто-нибудь! Вон уже какие видные парни начинают на нее заглядываться и даже как будто немного робеют перед ней. Но у ее папы свои резоны, с ним не поспоришь.

Глаза ее блестят на щеках – яркий румянец. Две толстые черные косы змеятся по спине – на зависть многим подружкам. Девичья фигурка гибка и подвижна. Она счастлива оттого, что юна ее жизнь и еще – от предвкушения счастья.

Не прошло пары лет с тех пор, перед глазами встал день, когда закончилась ее учеба в школе, и она разом повзрослела. Слово чужа неладное, она бегом прибежала домой в теплый майский полдень из школы. И, удивленная, застыла у ворот: двор был полон гомона и народа. Какие-то шустрые чужаки вытаскивали из их дома и складывали в небрежную кучу нехитрую добротную мебель, посуду, одежду и мешки с зерном, мукой, сахаром. Блестел на солнце бочок пузатого самовара, с его носика по земле все еще бежала тоненькая струйка воды. Валялись на земле в мягкой пыли ее любимые бусы. Заплаканная и уже молчаливая мать то и дело брала младшего сына-непоседу на руки и вновь отпускала: он, радостный, носился по ухо-

женному чистому двору, продолжая играть в свои детские игры. Она только крепче прижала ошарашенную и безмолвную дочь к себе, когда, проходя мимо, очень веселый молодой мужчина с карандашом и бумагой в руке содрал с плеч ее дочери любимый цветастый платок – отцовский подарок – и словно мусор, выкинул в общую безжалостную кучу. Блеяла и мычала скотина, запертая в сараях, фыркали нетерпеливые лошади в стойле.

Было непонятно, что нужно этим людям, что они здесь делают, но, стоя рядом с матерью и поникшим молчаливым отцом, она чувствовала, что пришла беда. Потом-то она узнала, что эта беда имела свое название – распродажа кулацкого имущества за недоимки. А если еще проще – расхватывание чужого, нажитого соленым потом и мозолистыми руками, пользуясь законами – скорее, беззаконием – времени.

Единственное, что хорошо запомнила она тогда: сразу постаревший отец. Пятидесятилетний крепкий мужчина, изгнанный со своего двора вместе со своей семьей в никуда, казался восьмидесятилетним стариком. И еще – долгий потерянный взгляд Василя вслед. Взгляд своей первой несостоявшейся любви.

Она не захотела вспоминать голодное лето и измученные глаза отца, постоянно укоряющий взгляд матери. Она не хотела вспоминать холодную зиму в лесу и отца, валящего деревья, костры до небес, где, чадая и потрескивая, занимались и отплясывали бесовским жарким огнем сучья. Она таскала их, утопая по пояс в снегу. Не захотела она припомнить и следующее лето, и чужой город, и первый свой спуск в черную пасть шахты, и зажав-

ший ее в тиски онемелый страх. Потом – мучительный тифозный бред и возвращение домой после долгой болезни. И как у ней подогнулись колени и молча села она в придорожную пыль, когда, узнала, что больше не увидит своего отца; он не дождался ее, умер от сердечного приступа. И тогда поняла она, что нет больше ничего, что бы ударило ее здесь, С легким сердцем и непроходящей горечью в душе она покидала то, что называется родиной. На чужбине было легче.

– Подожди меня, сестра, подожди.

Она быстро обернулась на зов. Запыхавшийся босоногий ее братишка на грязной раскрытой ладони протянул ей десятикопеечную монетку – милостыньку, которую ему сегодня подали. Она молча прижала худенькое его тельце к себе: ее грудь рвало, раздирало сухой, бесслезной болью.

2

Она начала вспоминать свою дальнейшую учебу – ее никто здесь не знал, над ней больше не тяготела вина рождения. Рождения в семье обеспеченных и работающих людей, казавшегося тяжким преступлением, требующим наказания. Как она старалась учиться, и как ей ещё было интересно и в новинку – копаться своими маленькими крепкими руками в железной машине, называемой паровозом, и – ей, деревенской девчонке – управлять этой послушной громадиной.

– Я люблю тебя, выходи за меня замуж, – его глаза, устремленные на нее, боялись получить отказ. А она же просто боялась поверить его словам: высокий, статный, кудрявый; когда он проходил мимо нее, она всегда отводила глаза, опасаясь, как бы он не догадался, как он ей нравится. Он смотрел на нее, черноокою, чернобровую, черноволосую, в своем всегдашнем чистеньком форменном платье, и не мог отвести влюбленных глаз: так была хороша ее чарующая улыбка, расцветающая счастливым румянцем и упругими ямочками на щеках. И была у них впереди молодость и любовь, была работа и были рядом друзья.

Она вспомнила свой день рождения. Она накрыла стол, и друзья уже давненько расселись, а муж все еще задерживался на работе. От этого обида тоненькой струйкой текла по сердцу, и тут же тревога возмущенно сметала ее. Она помнит удивленные возгласы вскочивших с мест и бросившихся к окну друзей, когда на новеньком сверкающем велосипеде он подкатил к окнам своего дома и стал жать на заполосный велосипедный звонок, и эта трель казалась ей самой дивной музыкой. Это был его первый подарок своей молоденькой жене. Как он потом учил ее укрощать непокорство велосипеда и как, быстро овладев несложной наукой езды, иногда даже лихачила, как девчонка-малолетка, а он всегда упрекал ее за это. Да, было. Было время...

Помнит своего маленького сына, которого она до года каждый день купала по вечерам в детской ванночке, нагревая воду на керогазе. Помнит его

довольный залиvistый смех, когда вернувшийся с работы отец первым делом брал сынишку на руки и подкидывал его вверх. Помнит сухо блестящие глаза мужа и отчаяние его в день похорон их малыша, умершего от воспаления легких. Они оба хотели много детей. Они не успели.

– Не плачь, родная. Береги себя, ты остаешься совсем одна. Кончится проклятая война, и я вернусь, лишь бы ты не устала меня ждать.

Он все еще крепко обнимал ее, словно боясь отпустить, хотя поезд, уходящий на запад, дал протяжный и долгий тоскливый гудок: ее пальцы, намертво вцепившиеся в его гимнастерку, побелели, а по лицу сами по себе лились и лились безостановочные слезы, и словно молитву, заклинание шептали ее губы:

– Я не плачу, видишь, не плачу. Я буду ждать, ты только вернись, вернись, вернись, пожалуйста... Поезд дернулся, и дрогнула она, с трудом разжав закаменелые руки:

– Иди, иди. А то не успеешь.

Знала, чувствовала она, стоя на опустелом перроне, что этот состав, давно растаявший вдалеке, унес сейчас ее мужа, ее любовь, ее счастье, ее жизнь – навсегда.

Она сумела ожить снова только через десять лет. Встрепенулась, встретив такого же, только более удачливого, – война зацепила его не насмерть, он выжил после ранения и контузии. Не юную, только-только созревшую красу выбрал он себе, а её, в косах которой уже серебрилась первая седина. И сумела она составить его счастье. Родилась у них дочь, родился сын. И была она опять жива и счастлива, и катилась, постукивая на стыках повседневных забот, привычная жизнь...

Да, катилась жизнь. Рано умер ее муж-фронтовик, но рядом были повзрослевшие дети. Появившиеся вскоре внуки заполнили пустоту в ее сердце, и она продолжала жить. Подрастали внуки, старела незаметно их бабушка. Опять настало время, когда вновь она частенько оставалась одна. У молодых свои заботы, у стариков портилось зрение, ныли и болели и ноги. Теперь она уже не могла, как раньше, легко одеться и выскочить на улицу. Но как она радовалась своим детям и внукам, их звонкам, редким встречам, нечастым разговорам! Как ее душа ликовала, когда она чувствовалась, что она нужна, не забыта! Это было все, что у ней еще оставалось, и дорожила она только этим. Все остальное, что подарила, то и отняла у ней жизнь, и теперь почти все свое время она проводила в долгих и разных воспоминаниях. Пережила она и богатство, и бедность, и богата была не одним богатством; и единственной и любимой была, и вдовьи слезы ей не в диковинку. Помнит она пахнущие грудным молоком шелковистые волосики своих детей, а потом и внуков, их первые неуверенные шажки к ней навстречу... Была ли она счастлива? Конечно же! Только мимолетно любое счастье, а иначе – какое же это счастье? Разве кого бы радовала раду-

га, висящая в небе и день и ночь? И разве не надоели бы вечные ругады соловья за окном? И не стоит за это роптать на жизнь. Жизнь – она ужасно щедрая и ужасно короткая – ах, до чего же короткая! Что же мы, глупые, так подгоняем мгновения, торопимся жить! Торопимся пережить жизнь? Что же мы не ценим каждое ее мгновение – разное, с горчинкой и сладостью? Как поздно мы понимаем это, ах, как непоправимо поздно!

Она задумалась. Вот забежала с улицы ее дочь и, не раздеваясь, забыв захлопнуть за собой дверь, горестно притихла рядом со своим братом. Она хотела сказать им, что ее там уже нет, что остывшее тело уже совершенно чужое, как сброшенная с плеч шуба. Но если шуба, то, может быть, прослужившая долго и верно. И еще ей хотелось сказать, что бы они не грустили... Ей много чего хотелось им сказать, но что она могла сказать нового?

Скоро здесь соберутся все ее близкие. Пора. Она по старой привычке глубоко вздохнула, легко и прозрачно, прощаясь, коснулась мягкой щеки дочери и небритой сына и, словно солнечный луч, унеслась туда, куда она должна была уйти. Солнце на миг прикрылось невесть откуда взявшимся, торопливо бегущим одиноким белым облаком. И снова слепящее холодное февральское солнце прилепилось к равнодушной голубизне неба.

Давным-давно взрослые, ее сын и дочь молча переглянулись, отгоняя наваливающуюся на них острую, безысходную боль потери, и начали готовиться к похоронам матери.

Константин КУЗНЕЦОВ,
фото автора

Дикий спуск по бесплатным склонам

Наши увлечения

Восемь часов вечера.

К вокзалу подъезжает легковая машина. Открывается передняя дверь, оттуда вываливается человек. И начинается разгрузка...

Мог ли себе представить, ожидающий клиентов носильщик, что так много всего можно затолкать в такую маленькую легковую машину?!

Один рюкзак, второй, внушительных размеров сумка, волокуши из старых горных лыж, непосредственно сами горные лыжи и как апогей всей этой кучи барахла — внушительная связка из нескольких пар туристических лыж и лыжных палок!!!

Машина разгрузилась и уехала, а человек остался стоять со всем этим добром совершенно ОДИН!

А остальной-то народ где?

Остальной народ появляется потом. Подходит неспешно, взваливает все это себе на плечи и направляется по направлению к перрону.

Вещей действительно много.

Наверное, люди не раз спрашивали себя, почему у этих молодых людей восемь пар лыж? Ведь их же всего четверо! А где остальные четверо?! Или это запасные лыжи? Или что?.. Как все это объяснить?

И невдомек, наверное, было людям, что ну нет,

нет остальных! И все эти восемь пар лыж предназначались всего лишь для этих четырех человек — первых участников первого зимнего проекта Клуба Искателей Приключений «Фрирайд на Северном Урале»!

А может быть, и не думали. И дураку ведь понятно, что лыжи эти разные по своему назначению. Одни чтобы ходить в лесу по глубокому снегу, другие чтобы кататься с белоснежных вершин!

Вот так, собрались, купили билеты на поезд и... двинули!

Да-а-а, интересно. Это ведь сейчас уже все известно, когда снова поедем — будет ждать микроавтобус, заброску осуществит снегоход. В общем, все как полагается. Это сейчас, а раньше...

Раньше все было по-другому. Было много страхов, было много всякого рода опасений.

Чего боялись?

Во-первых, всегда пугает неизвестность. На чем уехать после поезда? Конечно есть автобус до Кытлыма... но он ходит три раза в неделю и сегодня как раз тот день, когда он не ходит!

Как добраться от дороги до горы?

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Как дотащить все это барахло (всю эту тяжесть!) наверх к намеченному базовому лагерю и при этом не дать дуба?

И что там будет за склон?

А потом, как скатиться по дикому склону с самой верушки и не убиться?

Это вообще по ощущениям, как!?

Как, как, как...? Вопросы, вопросы, вопросы...

Во-вторых, отсутствие опыта, и скромная оценка в достижении своих успехов в горнолыжном катании, тоже были своеобразным пугающим фактором.

Сейчас, конечно же, все эти страхи уже позади.

Появился первый, пусть пока еще небольшой, опыт. Появилась радость от открывающихся перспектив фрирайда. Открылись новые горизонты катания на горных лыжах. И конечно же появилось огромное желание снова дожидаться выходных и вырваться из тисков жидкого в бешеном темпе города, чтобы целиком погрузиться в радость фрирайда.

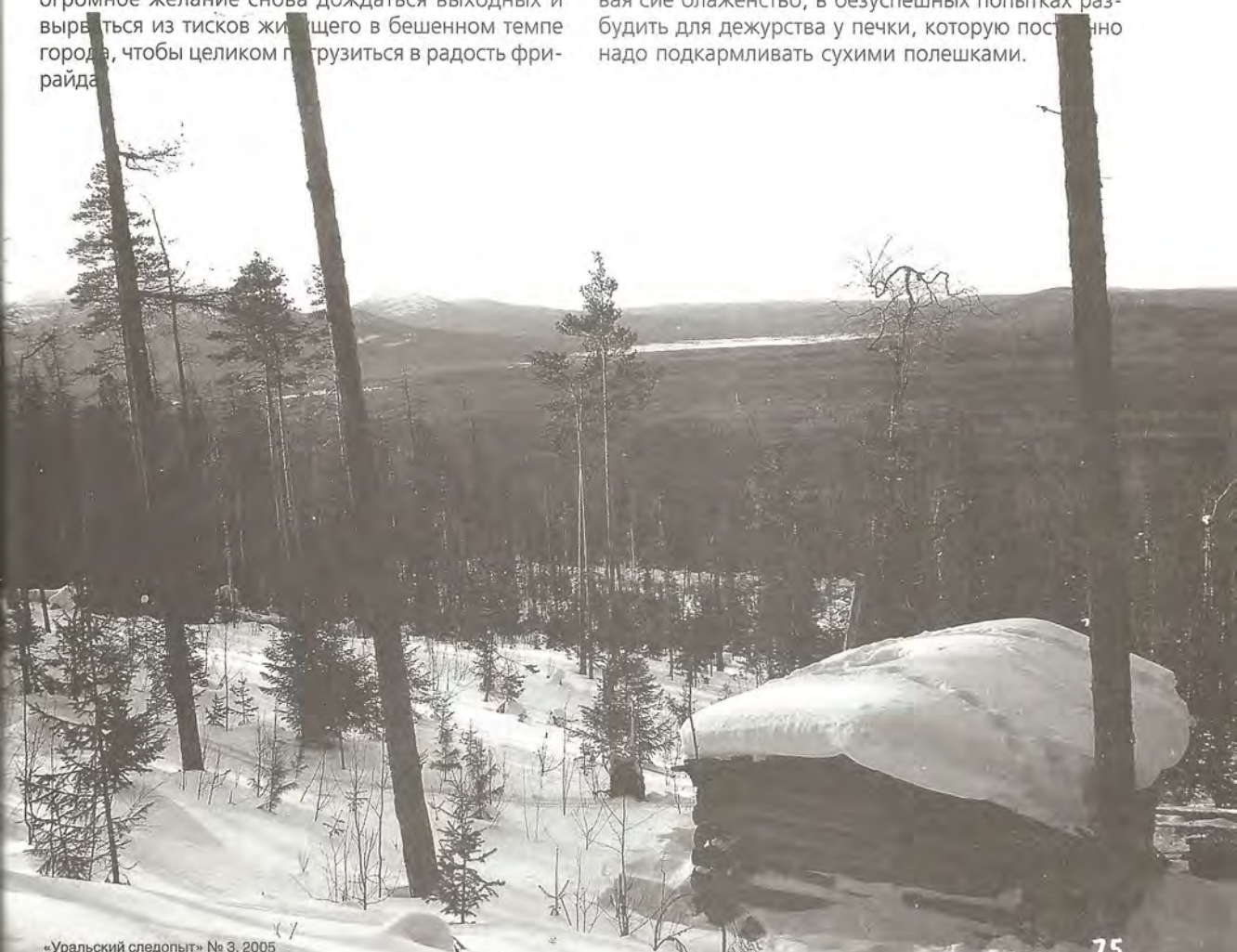

Вершина горы Конжаковский камень вроде невысокая, (хотя где на Урале есть высокие вершины?), но напряжение во время подъема к базовому лагерю чувствовалось не меньше, чем при подъеме на серьезные вершины.

Груз, отсутствие дороги и собственная нетренированность делали свое черное дело. Пока поднялись – выдохлись капитально. А ведь надо еще лагерь поставить, еду приготовить, дров напилить и нарубить

(кстати, именно тогда появилась мысль о... бензопиле!). В общем – нет отдыха уставшим, покой нам только снится!

Зато, какое блаженство, после горячего ужина, вытянуться в своем спальнике в теплой, натопленной палатке отрубиться напроочь на четыре часа, пока дежурный не начнет трясти спальник, прерывая сие блаженство, в безуспешных попытках разбудить для дежурства у печки, которую постоянно надо подкармливать сухими полешками.

О, как же после этого, вернувшись в город, начинаешь ценить и уважать простую батарею водяного отопления!

Любой подобный проект, с этой точки зрения – это сплошное расширение зоны комфорта. То есть, побывав в абсолютно некомфортных ситуациях, начинаешь себя чувствовать удивительно комфортно в простых, ранее казавшихся ничем ни выдающимися ситуациях.

Например, ценили ли вы наличие воды?

Просто НАЛИЧИЕ ГОРЯЧЕЙ ВОДЫ!!!

Так вот, убив часа три(!) на растопку и кипячение снега на печке в таежной охотничьей избушке, на полу которой не тает снег, а печка устроена таким образом, что все тепло просто улетает в трубу, мы с ностальгией вспомнили о благах цивилизации. Ты всю ночь бросаешь в топку дрова, в попытках согреться, а когда они внезапно заканчиваются из-за непредсказуемо большой прожорливости этой самой печки в пять часов утра – идешь в тайгу пилить дрова

при свете фонариков (не замерзает же, в самом деле) – вот тогда начинаешь совершенно по-другому относиться и к батарее водяного отопления, и к газу, способному за пять минут вскипятить чайник.

Совершенно по-другому.

Но вернемся к сути.

Итак, фрирайд.

С чего все начиналось?

А начиналось все с того, что однажды я имел радость встать на горные лыжи.

Когда лет пять назад я первый раз, с подачи друзей, встал на горные лыжи, я понял – теперь я знаю,

ЧЕМ нужно заниматься зимой!

Кататься!

Кататься, кататься и кататься!!!

Блин, ну почему же я раньше не удосужился это понять-то?! Хотя, может быть, всему свое время. Всему свое время...

Кататься часто, впрочем, не получалось по первости, шибко дорогое это удовольствие. Поэтому у меня появилась мечта – СВОИ горные лыжи.

Долго ли коротко ли, и вот, лыжи появились. Дальше – больше. Я стал кататься чаще.

Но в какой-то момент катание на ухоженных склонах перестало приносить то удовольствие, которое я получал в самом начале. Конечно, новый

да глазами фрирайдера, это первооткрывательство: новые склоны, новые спуски, неожиданные ситуации, моментальное принятие решений.

Риск?

Конечно, риск!

Но сказать, что фрирайдерам наплевать на жизнь – неверно!

Фрирайдеры любят ЖИЗНЬ!

Фрирайдеры ценят жизнь, чувствуют красоту и уважают горы каждой клеточкой своей души!

Иначе бы их просто не тянуло так безудержно в горы, на новые склоны.

Впрочем, хватит лирики.

Итак, когда в один прекрасный день родилась идея создания Клуба Искателей Приключений – идея объединения людей, проводящих свое свободное время неординарно, активно-адреналиново, все, что имеет отношение к подобному отдыху, стало иметь прямое отношение к клубу. Вот и понятно, почему фрирайд стал главной зимней темой клуба.

склон нес в себе какую-нибудь изюминку, но откапанный несколько раз и этот склон становился обыкновенным.

Самым обыкновенным склоном, как и все до него.

Так вот.

Почему люди начинают заниматься фрирайдом?

А точнее сказать, КАКИЕ люди выбирают фрирайд?

Я думаю, это люди, которым не сидится на одном месте, это люди, родись они пару, тройку веков назад, обязательно стали бы исследователями чего-нибудь, открывателями каких-нибудь материков и т.д. и т.п.

Человеку вообще свойственно хотеть быть первым.

Узнавать, постигать, открывать.

Жажда новых знаний, новых ощущений, новых эмоций, а самое главное открытие каких-то новых невидимых своих возможностей: вот что заставляет фрирайдеров взбираться на необъезженные склоны и покорять снежную целину.

Фрирайдеры – люди безусловно творческие!

И еще, если посмотреть на процесс фрирай-

Фрирайд!

Господи, какое это наслаждение, натянув, с помощью товарища, на вершине горы промерзшие пластиковые ботинки, направить лыжи вниз!

Какое-же это наслаждение!

Описать это невозможно!

Это надо просто пережить!

Забраться на вершину, напялить ботинки, вщелкнуться в горные лыжи и... Однажды испытал такое, ты уже никогда не сможешь не вернуться снова в горы.

Почему это происходит?

Почему горы так СИЛЬНО притягивают?

Почему люди ходят в горы?

Почему ползут наверх, почему мерзнут на склонах, устают до потери сознания, потом отдыхают и снова ползут, лезут, двигают...?

Почему?

Потому что красиво!

Господи, ну как же там красиво!

И никакие фотки, никакие видеосъемки не могут передать этой красоты!

Хочешь увидеть красоту? Тогда иди и

и стало удивительно хорошо на сердце и тепло в душе.

За время наших фрирайдов мы меняемся. Мы точно меняемся.

Мы начинаем по-другому относиться к друг другу, к себе, к этому миру.

Я люблю эти моменты – встречаются совершенно незнакомые друг другу люди, едут вместе в горы, проводят там вместе 4 дня и...

Что происходит с людьми в горах?

Какая волшебная сила сплавливает их, делает их друзьями, близкими людьми?

Мне всегда интересно наблюдать за этим процессом. Для этого даже ничего особенного

придумывать не надо. Просто уйти в горы и прожить там вместе несколько дней...

Есть в этом какая-то мистика...

Какая-то непонятная, необъяснимая причина, которая заставляет нас снова и снова возвращаться на новые склоны, выбирать новые маршруты и растворяться в новом водовороте эмоций, мыслей, ощущений.

смотри! А как иначе, ведь по другому никак!

Женщина в поезде с удивлением спрашивает: «Катались на горных лыжах на Конжаке? А что возле Екатеринбурга негде кататься?». Ответаем: «Да нет, почему же, есть...»

Но разве можно сравнивать ровные обихоженные полосы ратраченных склонов и красоту нетронутой дикой природы? Разве может быть тут хоть какое-нибудь сравнение?

И сразу почему то слова из песни приходят в голову: «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал.»

И еще, разве мы кататься на Конжак поехали?

Что?!!

Нет, ну конечно же кататься! Как это не кататься? Ка-тась-ся!!! Мчаться, заворачивать, прыгать, резать целину, вспахивать «пухляк»!

Но это потом, потом это все.

Потому что самое главное – увидеть красоту!

Забраться на эту вершину, на высоту 1569 метров, и посмотреть вокруг, и обернуться на 360 градусов, чтобы замерло сердце, чтобы восторгнулись чувства, чтобы подкатил комок к горлу, захватило дух

Наши увлечения

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Человек из глубинки

Не так давно, перелистывая популярный среди северян журнал «Северные просторы», наткнулся я на фразу поэта-ханты Юрия Вэлло: «На большом святом месте в Нумто во время ритуального жертвоприношения... в присутствии большого числа людей...». И тотчас же крылья памяти, подхватив, перенесли меня на сорок с небольшим лет назад, туда, в Нумто, где, уже из дня сегодняшнего, вижу я себя крохотным, пятилетним, на берегу необозримого, по тогдашним моим представлениям, таежного озера, давшего имя этому крохотному поселочку аборигенов – охотников, рыбаков, оленеводов: Нумто...

Мать моя в ту пору заведовала местным магазином, а я, сообразно своим невеликим летам, шустрый, в потертой малице, выменянной на новенький полушубок в одном из чумов, самозабвенно гонял на своей собачьей упряжке по поселку, нередко отваживаясь углубляться и в тайгу, где в трех верстах от нас, на пушной звероферме, дружно жила-вековала русская семья, с детьми которой я «корешковался».

Отца своего я в те отроческие годы не помнил и отсутствие его воспринимал как вполне объективную очевидность, нимало не задумываясь об обстоятельствах его непонятного мне исчезновения.

А он, как выяснилось позже, «трубил» в это время на достопамятном Волго-Доне, куда был доставлен под конвоем по этапу, с... опозданием на семь-восемь лет, за давнюю, еще военных лет, провинность. Случилось ему, в составе полковой разведгруппы, попасть в плен к немцам. Молодой и дерзкий, он несколько дней спустя бежал к своим, поплатившись лишь звездочкой с лейтенантского погона, что, впрочем, не помешало ему закончить войну под Кенигсбергом капитаном. И вот, уже годы спустя, он попал под жернова отечественного правосудия.

Впрочем, все это пока в бу-

дущем, где-то там, в бытийной перспективе. А мы, читатель, обратим свой мысленный взор в ретроспективу, к истокам, предшествующим появлению автора на свет в ямальской тундре на исходе короткого полярного лета.

Завязалось все самым прозаическим образом. По примеру многих своих сверстниц моя мать, Юмабика, покинула, будучи двадцатилетней девушкой, свое родословное село Ренчики, что в Прииртыше, и отправилась, по совету родной тетки, на «севера», осев вскорости в небольшом поселочке Пуйко, где и определилась на службу в тамошнем рыбокоопе. Трудное было время, шел военный сорок третий, крепких мужских рук отчаянно не хватало, и когда, сколотив небольшую, в шесть девушек, бригаду, отправили их, зеленых да несмышленных, на заготовку дров, никто, особенно и не роптал. Собрались девчата, погрузились в большую лодку, а плыть-то им предстояло более трех суток, вплоть до реки Хатата, на берегу которой ютилась старая, заброшенная фактория. В ней-то и предстояло нашим «робинсонам» обосноваться.

Катю (так переименовали на русский лад татарское имя матери) и напарницу ее, Юлю, как самых сильных, посадили за весла. А тут, как на грех, ра-

зыгрался на Оби шторм, и пошло бросать рыбооповскую посудину на огромных речных волнах, да так, что девчоночье сердце следом за волной обрывалось в пустоту.

По прибытии на место бригаде в качестве наставника придали семидесятилетнего старичка, которому предстояло научить их валить лес, шкурить стволы, ссекать ветви и сучья, разделявать бревна на чурбаки, и все это – вручную.

Стояла, вспоминает мать, невыносимая жара. Пекло! Но пуще зноя донимали комары, мошкара, не дававшая дышать. И в безветрие целыми днями приходилось девчонкам отсиживаться в палатке, на тощем военном пайке – 700 гр. хлеба в день, 500 гр. крупы в месяц и в месяц же – 200 гр. масла... А работу им приходилось ломить что ни на есть самую мужскую. Но минул месяц, и приехала пора нашим девчатам возвращаться в рыбооп. Мать принимает предложение учиться в торговой школе в Салехарде, куда вскорости, собрав свои немудреные пожитки в фанерный чемоданчик, и отправляется на пару с задычной подружкой на буксирном пароходе «Микоян», с которым самым неисповедимым образом окажется связанной впоследствии ее «северная» жизнь.

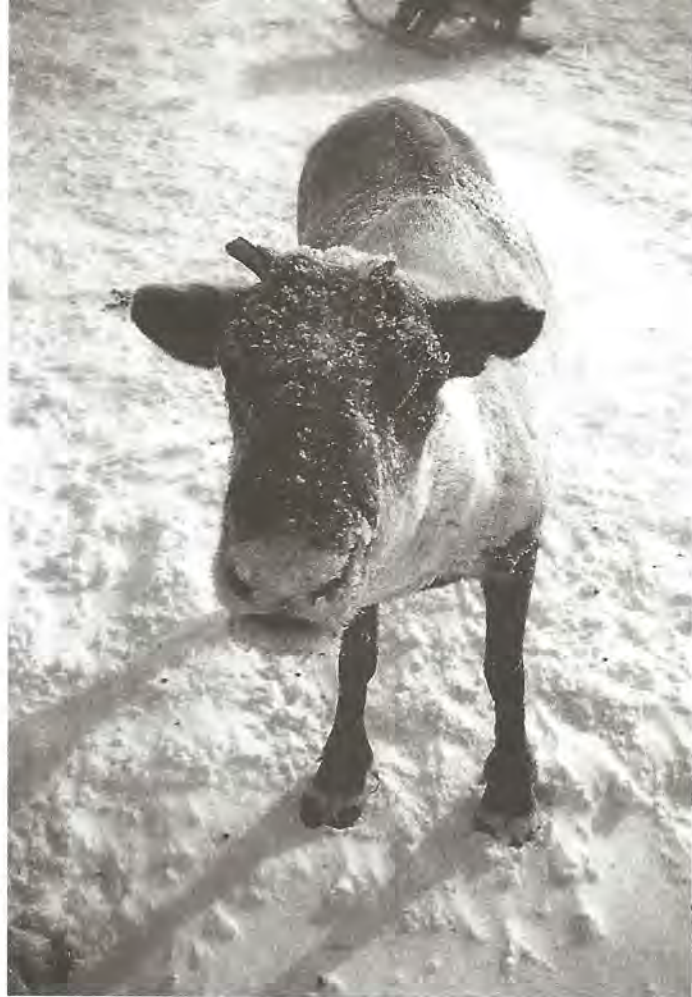
Торговая школа находилась тогда в самом центре Салехарда. Курс обучения в ней был и по тем временам немудреный, укладываемая в программу восьмилетки, с добавлением, впрочем, основных дисциплин – пушное дело, продовольственные и промышленные товары.

С трудом матери, выросшей в стихии татарского языка, давался русский, и весьма жестко этот «недостаток» штрафовался – усековением стипендии, что при тощем пайке в 450 гр. хлеба в день было ощутимым уроном для молодого организма.

В ту военную пору в торговой школе преподавал будущий классик ненецкой литературы Иван Григорьевич Истомина, о котором мать неизменно отзывалась с теплом. Уже тогда он, пораженный полиомиелитом, передвигался на костылях, благо квартира находилась неподалеку от училища. Детей, двух девочек, воспитывала жена, полная, цветущая, по словам матери, красивая зырянка.

Незаметно пролетел учебный год. Моя мать, единственная из женской группы, занималась по специальности пушняка-заготовителя и диплом получила соответствующий. Ее соученицы подались кто в пекари, кто в продавцы.

При распределении попросилась на самую дальнюю факторию, хотя и отговаривали, предлагая место в Салехарде, и пугали ужасами недавнего восстания ненцев в Манталах Тамбейского района, которым руководил некий зоотехник, выхо-

дец с Украины.

Участок приема пушнины Песидэй обеспечили два местных колхоза. Прием производился непосредственно на месте, суммарно. Шкурка песца, как правило, оценивалась в 100 рублей, и выплачивали охотнику деньги по количеству предъявленных им деревянных бирок, полученных за каждого песца. Помимо песца, основного продукта деятельности охотников, встречались и голубые песцы. За три года, проведенных на участке, мать отравила на материк всего восемь голубых песцов. Еще реже в тамошние места забредал горностап.

Объем добычи был довольно велик. «Мягкое золото» ходко шло на пушных аукционах. На вырученные от продажи деньги приобреталось за границей вооружение, продовольствие, медикаменты.

Как праздник воспринимался приход в Богом забытые приполярные селения легендарного на севере буксира «Микоян», доставлявшего селянам промтовары, продовольствие, уголь, а взамен загрузившегося пушниной и так называемым сырьем – оленьими шкурами.

Заведую пушной базой, мать держала свои склады в Песидэе и Тамбее, расстояние между которыми составляло более восьмидесяти километров. Там же вела она и торговлю. Ассортимент продук-

тов вполне удовлетворял непритязательных тундровиков: мука, хлеб, масло, сахар, соль, а изредка, на десерт, так сказать, – неизменный традиционный спирт – «огненная вода», до которой уж было лаком был тундровый народ. Популярной среди местных женщин была мануфактура, за которую тоже расплачивались дорогими мехами. Оружием и боеприпасами местные жители снабжались по рыбокооповским разнарядкам.

Со складов рассортированная пушнина отправлялась на том же «Микояне» в Салехард. Буксир появлялся по ранней осени, ведя за собой караван из двенадцати барж, каждую из которых он оставлял на торговой точке, начиная с Нового Порта. Потом следовали Палково, Сёяха, Тамбей и др. Последним на его пути участком был Дровяной. После него буксир выходил в Карское море, оттуда в Гыданскую губу, к Гыде, где отгружал все оставшиеся с последней баржи продукты, разворачивался и возвращался обратным маршрутом.

К его приходу баржи были уже свободны от товара и загружены пушниной. Поздней осенью по шуге, будя хриплым гудком приземистые селеньица, отмечаясь в каждом из приемных пунктов, возвращался труженик «Микоян» в Салехард, а оттуда пушнина отправлялась в Омск, где находилась главная пушная база.

На тяготы своей кочевой жизни мать не жаловалась. А вся ее тогдашняя жизнь сосредоточивалась в одном маршруте: Песидэй, куда уезжала она в ноябре, чтобы снабдить продуктами автохтонов на всю предстоящую долгую полярную зиму, и Тамбей, куда возвращалась после зимней отлучки.

Уже по ранней весне, в апреле, ждала ее по приезду большая по объему, на все предстоящее лето, работа, приготовленная начальником заготконторы Федором Добрыниным – тщательная сортировка пушнины. Параллельно с основной работой, шла ревизия деятельности заготконторы, интенсивно велась подготовка к очередной отправке пушнины – сортировка, сушка, проветривание, упаковка в мешки, по пятидесяти песцов в каждом, оленьих же шкур – по десять в мешке.

Склад для пушнины был огромен, строили его с порядочным запасом, потому что выпадали и «урожайные» на меха годы. Например, в 1946 году мать привезла в Салехард 8 215 шкурок песца.

Специфический характер драгоценного груза, большие его объемы требовали и определенных мер безопасности, которые предусматривали и вооруженность пушняка. Но мать отказалась от карабина. Изучив незлобивый характер ненцев и здраво полагая, что при добром к ним отношении, при честности в расчетах у них, непосредственных и доверчивых, не возникнет и

мысли о грабеже.

А мотаться по немерянным просторам тундры приходилось много, и расстояния в сорок или пятьдесят километров не считались большими. Ненцы, учитывая, должно быть, молодость – а было ей в ту пору немногим за двадцать – принимали ее в своих чужах очень приветливо. Хозяйка, хлопоча, снимала с нее в первую очередь просторную залубневшую на морозе малицу, следом – кисы и чижы. Раскладывала их для просушки: свои же теплые чижы одевала она на ноги госте, прикрывала ее теплой сахой, споро варила свежее мясо, заваривала покрепче чай, а на ночь готовила для «Катеньки» постель из белых гостевых оленьих шкур, заботливо подтыкая их, чтобы гостея не озябла студеней ночью.

Был в ту пору Тамбей районным центром. Подходили к нему, стоящему прямо на берегу Обской губы, корабли из Карского моря, американские военные транспортные суда. Катерами с них доставляли на берег уголь и всевозможные продукты: сушеную картошку, лук, популярный в стране яичный порошок, сухое молоко, консервированные фрукты и овощи, легендарную американскую тушенку...

Вскоре, впрочем, райцентр в Тамбее ликвидировали, оставили только достопамятный Красный чум, известный не одному поколению северян. Он занимался организацией политических, культурно-массовых мероприятий, курировал работу учителей, медицинского персонала.

В том же 1947-м, по выезде из Тамбея, мать была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» – тем самым был подведен итог ее труда в полярной тамбейской тундре.

А год был очень тяжелым и сложным для тундровиков: стоял сильный гололед, на оленьи стада нашла бескормица, не могли они пробиться к ягелю сквозь лед. Редкие пастбища были истощены, ягель практически везде был выбит. И вот закрыли Тамбей на целых двадцать лет, чтобы дать тундре передышку и возможность восстановить свой естественный растительный покров.

Районные службы перевели в Яр-Сале, и заглох Тамбей, остались на берегу Обской губы лишь следы заготпункта, фактории.

Послевоенные годы выдались для всех, а особенно для ненцев, тяжелыми и голодными. Многие из них спасались, выживая только охотой да рыбалкой. Ютились целыми родами в своих обветшавших чумах, без всякой надежды на лучшее.

Как правило, насчитывалось в одном стойбище три-четыре чума, обитатели которых не задерживались на месте более трех-четырёх дней, а кочевали следом за оленями в поисках кормовых пастбищ.

На взгляд пришлого человека, ночевка в тундре – дело невозможное, ведь сутками, а то и неделями пуржило в тех краях. В пургу не каждый отважился выйти на улицу, снег заваливал постройки до самых крыш, а добираться из дома в дом приходилось по натянутым канатам. Но ненцы, дети суровой полярной природы, которым это не было в диковинку, как ни в чем не бывало продолжали каслать по необъятной тундре со стадами, навещать друг друга, охотиться – словом, жить насыщенной событиями полнокровной кочевой жизнью.

Итак, «мело, мело по всей земле, во все пределы. Свеча горела на столе, свеча горела...».

Представим же, читатель, избушку в Нумто, а вернее, привезенную и поставленную на берегу каюту с разбитой некогда в шторм баржи, нещадно продуваемую насквозь всеми тундровыми ветрами. Хрупок топится железная печурка, раскален-

ная едва ли не добела, но утекает тощее тепло наружу, в тундру, и так же стремительно, густым дымом в небо, уходят дрова, привезенные летом с моря в виде сырых, круто просоленных бревен.

Утром приходит, вспоминает мать, работница дровишек приготовить, скребется в дверь: «Катя, ты жива?» – «Жива...» – отвечает мать. «Ну и ладно» – успокаивается та и принимается за работу – растапливает снег для чая, готовит пищу. А хозяйка, утонув в просторной малице, под которой и кисы, и чижы, и ватные брюки с курткой, подсчитывает баланс, сядя у тощей копилки.

«...Свеча горела...».

Но когда, наконец, уймется пурга, становится тундра волшебной ясной и красивой, и к ночи разворачивается во всей мощи своей в темном полярном небе Северное сияние, щедро переливается всеми красками спектра, играет и душу радует.

В поколениях, предшествовавших нашему, крепче была связь с универсальной, прежде всего, космической, жизнью.

Неизменность в чередовании времен года, смена дня и ночи, сопровождаемые всякий раз рож-

дением света и тьмы, постоянно не только открывались ему в новом, не познанном им состоянии, но всечасно оставляли его наедине с мирозданием, определяя ему место в глубинах вечности едва ли не по соседству с Адамом.

И вот, наблюдая на ночном небосклоне Северное сияние, это проявление божественной космогонии, как, впрочем, и солнечный восход или же снегопад, не преисполнялся ли человек из глубин сознания, что и он – шедевр творения?

На мой вопрос, достаточно ли мотивированно, с точки зрения здравого смысла, это ее прозябание на «северах», в зачастую экстремальных природных и социальных условиях, мать неизменно ссылалась на все тот же, уже принимающий некие мистические черты, договор, обязывающий ее отработать на севере непременно три года.

Но, на мой-то взгляд, эту работу души, подспудный позыв, побуждающий жить там, где человеческая душа незаметно достигает полного единения с природой, а точнее, растворяется в ней, интуитивно, дабы не вызвать сардонической усмешки, а может, и лукавья, подменила ссылкой на чисто механическое, дежурное подчинение долгу. Не случайно ведь ямальская ее одиссея продолжалась не три обязательных года, а целых восемь лет, чтобы потом, по завершении, самым естественным образом влиться в русло новых странствий, на сей раз по просторам близлежащего округа – Ханты-Мансийского.

Возьмем же незамутненность и ясность их души не следствием, а причиной жизни, осмысленной в категориях добра и вечности, жизни, вся задача которой заключается в выращивании души, а не иссушении ее на корню. Может, пора прошлых лишений и, мягко говоря, неурядиц, проносимая человеком через все свое бытие, и есть его единственная, неизменная основа. В памяти о ней он черпает силы для дальнейшей жизни. В непреходящей достоверности ее – урок грядущим.

Словно лукавый лубок, неглубок,
Убог -
Липы, часовенка, пустошь – смиренный вид:
Так, избегающий косных обличий,
Бог,
В частностях, не увлекающих нас,
– разлит,

Не осязаемый оком...
Верней всего
То, что – субстант понятий «сума», «судьба» -
Видишь, уже душой обретаем, ЕГО
Только, когда, всевидящ, не видишь себя.

АДЕЛЬСОН З.

Автор сб. стихотв. «Полночь. 1844-1845». М., 1845.

Венгеров. Источ.; РНБ.

АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ Варвара Павловна (1888 - 1972), историк литературы.

Жена историка литературы, проф. В.Н. Перетца. Печататься начала в 1908 году. Исследовала литературу Древней Руси; русскую демократическую сатиру ХУ11 века; взаимоотношения литературы и фольклора; историю школьного театра и др. Известна также своими библиографическими работами. Рец. на ее кн. «Материалы для истории цен на книги в Древн. Руси ХУ1 - ХУ111 вв» (СПб., 1912) \ «Ист. вестн.» 1912. № 5. С. 641.

КЛЭ; Назаревский А.А. Из воспоминаний о молодых годах В.П. Адриановой-Перетц. - «Труды отдела древнерус. лит. Инстит. рус. лит.». 1974. Т. 29. Баскаков В.Н. «Пушкинский дом» Л., 1980 (портр).

АЗАНЧЕВСКАЯ Ю.П.

Издательница газеты «Смоленский вестник» (1898).

АЗАРХ Раиса Моисеевна (1897 - 1971), писательница.

Врач. Орг. военно-санит. дела на фронтах Гражд. войны. Участн. войны на стороне республ. Испании. Об этом ее ром.-хроника «Дорога чести» (1957). Авт. ром. «Борьба продолжается» (3-е изд. 1932); пов. «Отважные» (1942). В воспомин. «У великих истоков» (М., 1967, портр) расск. о рев. и гражд. войне в Москве, на Украине, в Сибири.

Указ. загл.; Предисл. к ром.-хронике «Дорога чести».

АЙЗЕНШТАТ Анна Григорьевна

Жена К.Л. Вайдемуллера; автор работ по экономическим и социальным вопросам («Русская книга», 1921. № 2. С. 21.).

АКИМОВА Софья Владимировна (1887 - 1972), авт. воспоминаний.

Певица, педагог Ленингр. консерватории. Род. в Тифлисе, где отец был дир. казенной оперы. Оконч. Лейпцигскую консерв. Одна из ведущих актрис Гос. академич. театра оперы и балета. Создала на сцене истинно народ образ девы Февронии в опере Римского-Корсакова «Сказание о неведомом граде Китеже». Была женой, другом и постоянной партнершей певца И.В. Ершова. Почти десять посл. лет жизни раб. над кн. «Воспоминания певицы» (Л., 1978). Авт. «Из моих воспоминаний» - В кн. «Иван Васильевич Ершов». Л.-М., 1966.

ИДРДВ, Т.4, ч.4, № 7486; Некролог памяти С.В. Акимовой. - «Муз. кадры» Л., 1972. 14 февр.

АКИМОВА Софья Павловна (урожд. Ребристова; 1824 - 1889), переводчица.

Комическая актриса Малого театра; жена драматурга и режиссера А.Ф. Акимова. Перевела драму «Мать и сын». О ней: Наст. слов. Толля. СПб., 1863. Ч.1. С.50; «Соврем. летопись», 1868. № 19.

Венгеров. Источ.; Слов. рус. писательниц.

(Продолжение в следующем номере.)

Погоды плохую привычку
не думает август менять:
рябину – горящую спичку –
нельзя ни задуть, ни унять.

На ультрамариновом небе
вода дождевая в бегах,
и с трепетом служат молебн
осины на сизых ногах.

И нет цветового предела,
и Бога, наверное, нет,
но как поразительно смело
оставлен божественный след.

Сначала буду чайником греметь,
натягивать зашитые колготки,
потом – перебирать в карманах медь,
учить детей... А ночью к подбородку

колени по привычке притяну
и, лишь глаза усталые закрою, –
верну свою счастливую страну
с купавками, купанием, лаптою,

с отвесною скалою у реки,
где солнце жёлтой рыбой проплывает,
где мама поглядит из-под руки –
красивая, весёлая, живая.

Стрекоchet «Зингер». Мысли убегают
туда, где я смешливая, другая,
зубрю стихи, конспекты, теоремы.
Распахнут мир. И запахом сирени
стоит неслышно детство за спиною,
И мама шьёт мне платье выпускное.
Всё тот же «Зингер». Солнце рикошетом.
И время ниткою в иголку вдето.

Мрачней затравленного волка
снюю по комнате без толку,
курю зачем-то невзатыяг,
мусолю ворот у футболки,
случайно вдруг на книжной полке
глазами выхватив пустяк –
твою зеленую заколку.

Особенный ищущий повсюду звук,
который где-то в воздухе витает,
выращиваю в огороде лук,
а дети как-то сами вырастают.

Растут долги, как будто снежный ком,
коростами проблемы нарастают.
Вдруг слышу свист. Знаком или незнаком?
А... Это жизнь пулей пролетает.

Вот – палочка, вот – огуречик,
дорога лесная бежит.
куда-то спешит человек,
и муха над ухом жужжит.

Вот – катится солнце вдогонку
и светится желтым листок,
где травы отходят в сторонку
и пчелы целуют цветок,

где птицы легки и высоки
вдали от пыли городской,
где в каждом изгибе осоки
мучительный скрыт непокой.

Я покину трёхкомнатный угол,
побегу за тобою, шарманщик,
для ночлега согдится лачуга,
только б не было больше, как раньше:

не ждала б только кошка-шатенка,
пыль ковров не металась по следу,
не замучила самооценка,
не стучали бы гости... к соседу.

Полоски полей за окошком больничным,
молчанье зимы.
Здесь пахнет эфиром. Забудь о наличных
у жизни взаимы.
Здесь боги в халатах застиранно-белых
курить не велят.
И части живого пока ещё тела
пока что болят.
А там, за окном, где поля белоснежны,
где в небе темно,
Господь забирает и верность, и нежность –
такое кино...
И в этом кино – ни тепла, ни ночлега:
они не нужны,
ни чёрного неба, ни белого снега,
ни жёлтой луны...

Я хочу умереть летом,
чтобы ливень хлестал с ветром,
не пыльно будет, не больно...

Друзья соберутся к застолью
и станут ругать погоду –
грязь под ногами, воду...

Одна только я довольна –
не пыльно уже, не больно.

Вечности дыханье
шелестит по кронам.
Ты ждала свиданья,
мама? Я – с поклоном,

Раскрошу печенье.
Постою немного.
 Попрошу прощенья
у тебя. У Бога.

Простая графика зимы –
перо и кисть полусухая –
и так заснежены холмы,
что глаз нигде не отдыхает.

Глядишь на снег, забыв про холод,
и, в сердце самое уколот,
невольнo согреваешь вдох
и чувствуешь – с тобою Бог...

Прощай! Я всё тебе прощаю.
Доешь котлету, чашкой чая
запей. И ты уже ничей.
И я ничья. И между нами –
ничья. И шевелит губами
во сне, не в силах нам помочь,
ничейная в кровати дочь.

Утро караулят рыбаки,
речка спокойнѐхонька, спросонку
булькают немые пескари
возле затонувшей плоскодонки.

На пригорке ветер шевелит
вечные кладбищенские травы,
и нисколько сердце не болит
у того, кто здесь лежит неправый.

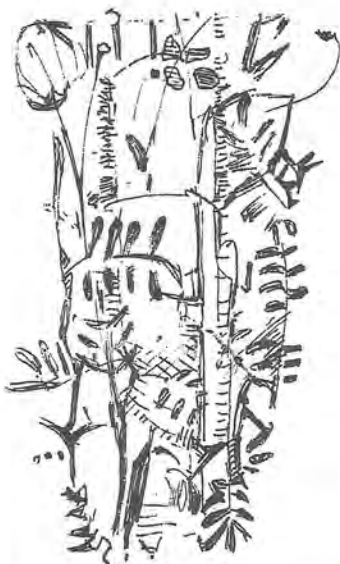
Всѐ, что ты оценивал во грош,
кажется дороже и дороже.
Кромкою реки проходит дрожь
и бежит мурашками по коже.

Запах земли
простой, огородной.
Неба разлив –
вечный, свободный.

Время идет
в ногу с лопатой,
все, что растет –
странно и свято.

Каждый сорняк
ждет поклоненья.
Каждый червяк –
божье творенье.

Запах земли –
просто и сложно.
А сердце болит
от счастья, возможно.

Олеся МАРУЩЕНКО

ВСЁ ПЕРЕКАТЫ

ДА ПЕРЕКАТЫ,

а мы идем...

на лыжах!!!

*Лыжные походы
по водным маршрутам*

Чусовая, Шишим, Вижай, Серьга. Какие ассоциации у вас вызывают эти реки? Во-первых, естественно, сплав. Сплав на катамаранах, байдарках, плотах, каяках. В общем на всем, что способно держаться на воде. Причем, скорее всего, сплав в период весеннего половодья. Во-вторых, красивейшая и неповторимая природа, каменные останцы

Фото автора.

Фото Е.Корбуго

по берегам рек и прочие стереотипы, давно известные если не каждому, то практически всем. Но все вышеозначенные изречения произносятся почему-то исключительно по отношению к весенне-летнему сезону. А зимой что? Собственно говоря, реки-то никуда не делись, они по-прежнему имеют место быть. Причем зимой они даже намного красивее, чем летом: заиндеветавшие скалы, замерший, словно уснувший под снежным покрывалом, лес, снежное безмолвие. И очень редки в это время гости на реке, но они все же есть.

Эти гости не кто иные, как группа туристов из турклуба Уральского государственного университета. Каждый год в первых числах января, сразу же после нового года, они идут в свой теперь уже традиционный лыжный поход по реке! Лучшее средство борьбы с новогодним похмельем.

А началось все в 2001 году. Руководителю будущего похода Бахтиной Ирине Леонидовне захотелось чего-то особенного, интересенького, нео-

бычного, непохожего ни на что другое. Вот и пришла в голову шальная мысль прогуляться по руслу реки на лыжах.... А почему бы и нет?! Она собрала группу единомышленников и понеслось.

2001г.- р. Шишим.

2002г.- р. Чусовая.

2003г.- р. Серьга.

2004г.- р. Вижай.

Никто и предположить не мог, что однажды пришедшая в светлую голову довольно безумная идея сможет превратиться в традицию, которую с удовольствием будут поддерживать в последующие годы.

Идея подобных походов привлекала своей новизной и необычностью. Согласитесь, не каждый день вам предлагает пройти по реке на лыжах, да еще по тем самым местам, которые вы обычно обзываете летом или весной. Кроме того, практически всегда движение группы шло против течения реки, в отличие от водных сплавов, которые совершаются, как правило, только по течению.

Сформировалась определенная группа, которая практически не менялась, за исключением пары-тройки человек. И из года в год эта группа выходила в лыжные походы по водным маршрутам.

Подобные посленовогодние вылазки обычно длились не более 4–5 дней, чтобы успеть за новогодние праздники: все-таки учебу, работу никуда не денешь. Но с этого года, благодаря указу президента, появилась возможность увеличить их продолжительность – все-таки неделя новогодних каникул, это вам не три дня, которые были раньше. Каждый из походов запомнился участникам чем-то особенным. Вот, например, в самом первом походе по реке Шишим за группой увязалась собака Жужа, которая сопровождала их на протяжении всего маршрута. Собаку потом оставили на кордоне лесника, причем оба были не против. Было и такое: одному из участников по возвращении из похода предстояло сдавать экзамен по философии.

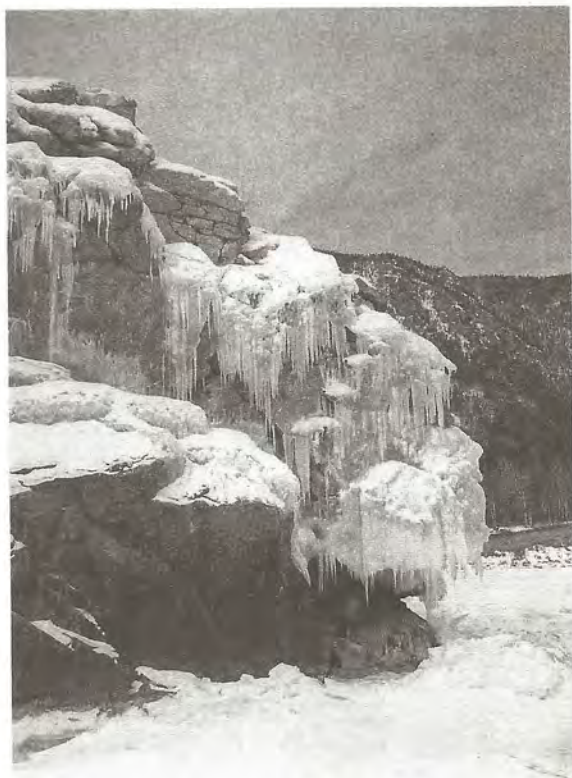
Фото автора.

И вот по вечерам в шатре руководитель рассказывал лекции по философии, что выступало своего рода сказкой на ночь, под которую все дружно засыпали, действовало лучше всякого снотворного.

А во время похода по Чусовой было очень холодно, температура опускалась почти до -30 градусов. Поэтому передвигались очень быстро, желания постоять на месте ни у кого не возникало. Но, несмотря на очень сильные морозы, группа речных лыжников прошла весь маршрут от начала до конца.

Практически в каждом походе группу подстерегало большое количество опасностей, связанных с пребыванием на реке. Тут тебе и промоины во льду, которые встречаются чуть ли не на каждом шагу, и вероятность провалиться под лед, и прочее, прочее... Как вариант, конечно, можно было использовать спасжилеты: и ветром их не продувает, и в случае попадания под лед на поверхности держатся будут. Но этот вариант не приняли, посчитав, что это уже будет перебор: на лыжах в сугробе, в каске и спасжилете. В высшей степени оригинально. Хотя, чего таить, идея неплохая, опять же местное население можно повеселить своим экзотичным видом.

Больше всего, со слов участников походов, доставляла неприятностей вода под снегом в некоторых участках реки. Стоит только подмочить репутацию, то есть лыжи, как передвигаться становилось практически невозможно. Махом налипало на лыжи большое количество снега, и приходилось останавливаться и тратить довольно большое количество времени на их очистку.

Как показало время, эта традиция довольно успешно прижилась в турклубе Уральского госуниверситета, и её с удовольствием продолжают и по сей день.

До встречи в лыжном походе, на водном маршруте!

Фото автора.

26 - 29 апреля 2005

II межрегиональная выставка-ярмарка

ПРИРОДА. ОХОТА. РЫБАЛКА

При поддержке:

- Правительства Свердловской области
- Министерства по физической культуре, спорту и туризму Свердловской области
- Администрации г. Екатеринбурга
- Комитета по товарному рынку Администрации г. Екатеринбурга
- Управления по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных Свердловской области
- МОО «УралОхотРыболовСпортСоюз»

В программе:

Конкурс рыболовных команд; показательные стрельбы; презентация экспозиций охотничьих трофеев, работ художников-таксидермистов и фотоохотников.

Все для охоты и рыбалки!

30 апреля - 1 мая

ЯРМАРКА

на открытой площадке

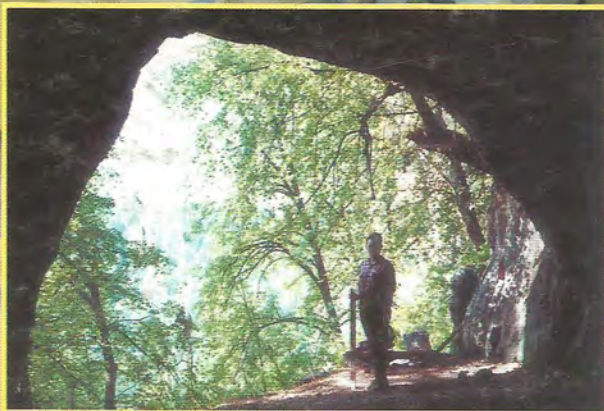
Место проведения: Екатеринбург, КОСК «Россия», ул. Высоцкого, 14
Тел./факс: (343) 348-77-33, e-mail: vystavka@kosk.ru, <http://www.kosk.ru>

ЧИТАЙТЕ В АПРЕЛЕ:

РЕКА ВРЕМЕНИ

На реке Ай недалеко от деревни Сикияз-Тамак, в Челябинской области, в 1995 году был открыт пещерный комплекс.

За три года найдено 42 пещеры, здесь представлены археологические материалы всех исторических эпох, начиная с древнейшей.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

По пути первопроходцев и рудознатцев идут наши уральские туристы-водники.

Переворот следует за переворотом, но дружная команда плотовиков во главе с опытным капитаном мужественно преодолевает все опасные препятствия, по пути приходит на выручку попавшим в беду московским туристам.

АЗАИТА

Измалкина Лидия Евгеньевна. «Алтанжель». Это рассказ о самом красивом и умном животном – лошади. Это едва ли не самый сентиментальный и добрый рассказ, опубликованный в этом году в журнале «Уральский следопыт». Читая «Алтынжель», проникнется чувствами даже самый строгий читатель, а самый искушенный коневод увидит в авторе своего коллегу. Ведь рассказ «Алтынжель» - это то, что пережито, прочувствовано, горячо любимо и близко автору – невозможно не сопереживать.

Хочешь двигаться - ищи попутчика!